

Е.Н. Бекасова
Оренбург

Победу, побезу, побезду ...
(грамматическая форма в свете показаний
языкового сознания)

Яркой особенностью системы русского языка является наличие исторических чередований, при этом в отличие от других славянских языков они могут быть представлены генетически неоднородными рефлексами, что обусловлено влиянием старославянского (а в дальнейшем церковнославянского) языка на становление и развитие русского литературного языка. Наиболее показательной в этом плане является позиция перед окончанием -у 1 л. ед. ч., где фиксируется не только наличие восточнославянских и южнославянских альтернантов, но и их отсутствие. Особо следует отметить образования от глаголов с исходом на *-дять*.

В современном русском литературном языке формы 1 л. ед.ч. с альтернантом *ж* «признаются единственной нормой для всей группы глаголов <на -дять>: *вынужу* (вынудить), *принужу* (принудить), *загражу*, *утвержу*, *прегражу*, *наслажусь*, *вознагражу*. <...> Даже самые редкие глаголы с основой, оканчивающейся на *д*, в 1-м лице подчиняются общей закономерности: *чадить* – *чажу*, *лихорадить* – *лихоражу*, *обезводить* – *обезвожу*, *обессудить* – *обессужу*, *обезнародить* – *обезнарожу*, *обезлюдить* – *обезлюжу*, *кадить* (в значении курить ароматическими веществами и переносах к нему) – *кажу*, *гудеть* – *гужу*» [Граудина 1980: 216].

Особого замечания требуют две формы на *-жду*: *стражду* (*книжн. устар.*) и *жажду* (от *жаждать* ‘испытывать жажду’ *книжн. устар.*; ‘сильно, страстно желать чего-л.’ *книжн.*), которые относятся к группе «отдельных слов», характеризующихся изолированностью и непродуктивностью образования форм. В связи с этим их следует рассматривать как рудименты прежнего сосуществования гетерогенных альтернантов в пределах смешанного типа чередования с рефлексами *dj.

Современная норма реализации рефлексов *dj в 1 л. ед. ч. нарушает идентичность альтернации в цепи целого ряда соединённых при помощи формо- и словообразовательных связей однокоренных лексем, ср.: *освободить – освободить, освобождённый, освобождение, но освобожу; возродить – возродить, возродённый, возрождение, но возрожу; побудить – побуждать, побуждённый, побуждение, но побужу; угодить – угождать, угождение, но угожу; обсудить – обсуждать, обсуждённый, обсуждение, но обсужу* и др.

В этом проявляются различия в функционировании рефлексов *dj и *tj, традиционно рассматриваемых как явления одного порядка. Альтернант /щ/, в отличие от позиционно «ущербного» /жд/, прослеживается практически в той же синтагматической цепочке¹, что и его восточнославянский эквивалент, ср.: *воплотить – воплоцу, воплощать, воплощение и кипятить – кипячу, кипячённый, кипячение*. Все это обуславливает необходимость акцентирования специфики чередования в формах 1 лица. Так, С.П. Обнорский указывает на две возможности образования 1 лица настоящего времени: «без смягчения конечной согласной (тип *молотю, ходю, пустю* и под.)», что характерно в большей степени для южновеликорусского наречия и спорадически встречается в области севернорусских говоров, и «идущие от старинной нормы» особенности замены согласных *д* и *т* в формах 1 лица глаголов II спряжения «на *ж* и *ч* по русской норме или *жд* и *щ* по древнеболгарской норме (в заимствованиях из церковнославянского языка)» [Обнорский 1953: 109]. При этом отмечается, что «формы с *ж*» «вообще должны признаваться единой формой для всей подходящей группы глаголов. Поэтому следует литературными формами считать для современной стадии не только *брежу, врежу, вынужу, принужу, досажу, насажу, загражу, огражу, освобожу, утвержу, утружу* и под., но и *возбужу, прегражу, наслажусь, награжу, вознагражу, предупрежу, побежу, убежу, убежусь*. Тем более образования с *ж* должны признаваться нормативным для таких глаголов, как

¹ Исключение составляют формы на *-ивать, -ивание*, где южнославянские по происхождению альтернанты не встречаются.

дудить, чудиться, бдеть, которые выделяются иногда нашими грамматистами, выставляющими для них совершенно искусственные формы без чередования согласного основы – *дудю, чудюсь, бдю*» [Обнорский 1953: 113].

Феномен отсутствия ожидаемого в соответствии с реализуемой альтернативой рефлекса /жд/ – явление показательное и отмеченное многими исследователями. С этим обычно связывают отсутствие у некоторых глаголов форм 1 л. ед. ч.

Проблема дефектной личной парадигмы неоднозначно решается в научной литературе. Как правило, отсутствуют чёткие предписания относительно употребления и образования целого ряда форм 1 лица, а также однозначные указания на причины неупотребительности данной формы у некоторых глаголов.

В частности, в грамматиках современного русского литературного языка 1970 и 1980 годов отмечается возможность образования личных форм от любого глагола, чему, однако, могут препятствовать лексическое значение, несовместимое со значением форм 1 лица ед.ч., «традиционные представления о неблагозвучии» форм и произносительные неудобства (например, для *бдеть*), традиции употребления [Гр. 80: 661], а также стремление избежать омонимического совпадения словоформ разных глаголов [Гр. 70: 413].

Данные положения иллюстрируются списками глаголов: около 60 глаголов в Гр. 70 и около 70 – в Гр. 80. Однако З.К. Тарланов утверждает, что глаголов с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке около 4900 [Тарланов 1979: 66], при этом на долю глаголов «терминологического происхождения, многие из которых полностью или частично восходят к заимствованиям из западноевропейских языков», и «слов с аффиксом *-ся*, исключаящим по смыслу их употребление в 1 и 2 лицах», приходится 90% всех случаев [там же: 70]. Естественно, их неупотребительность, как считает З.К. Тарланов, связана не «с традицией или стремлением к благозвучию», а с семантическими и жанровыми основаниями [там же: 71].

Различия в перечне глаголов и критериев отсутствия формы 1 л. ед. ч. обуславливают противоречия в установлении кодифицированной нормы. Во-первых, сведения о том, что у глаголов *желтить*, *мутить*, *приютить*, *нудить* (разг.), *чадить* «избегаются в употреблении формы 1 лица ед. ч.» [Гр. 80: 660], не подтверждаются данными нормативных словарей, где фиксируются *желчу*, *мучу*, *приючу*, *нужу*, *чажу*. Во-вторых, наличие разговорных (*звоздить*, *дудить*, *гнусить*, *бузить*, *чудесить*, *елозить*), просторечных (*шкодить*, *сбрэндить*, *лямзить*) и даже диалектных (*ерундить*) глаголов, составляющих почти четверть приведённых в Гр. 80 глаголов с неполной личной парадигмой, ставит под сомнение предлагаемый список, так как в просторечии, разговорной речи и диалектах не существует запретов на употребление форм 1 л. ед. ч. и их разнообразное оформление. В-третьих, есть случаи разночтений утверждения нормы. В частности, глагол *ощутить* в Гр. 80 на с. 660 включён в список глаголов, не имеющих формы 1 л. ед. ч., а на с. 677 в перечне форм 1 лица с чередованием /т'-ш'/ имеется форма *ощущу*.

Таким образом, вырисовывается проблема не запрета употребления форм 1 л. ед. ч. у некоторых глаголов, а специфики представления альтернативы глаголов, недавно вошедших или претендующих на вхождение в систему русского литературного языка.

Столкновение узуальной нормы, допускающей существование форм 1 лица без альтернативы, и кодифицированной альтернативы приводит к вариативности форм типа *пылесосу* /*пылесосу*, *бузю/бужу*, *шкодю/шкожу*, *ощутюсь* /*ощущусь*, в результате чего возникает не только проблема выбора, в принципе невозможная по нормам русского литературного языка, но и иллюзия недопустимости употребления формы 1 л. ед. ч. При этом выдвигаемый в Гр. 80 критерий «традиционного представления о неблагозвучии» – один из самых расплывчатых и научно некорректных. Фактически неблагозвучием объяснено существование лишь формы *чту* от *читать*, в то время как неупотребительность *ерунжу* (диал.), *мучу́* (*мутить*) мотивируется не

произносительными неудобствами, а следованием традиции [Гр. 80: 661].

Следует отметить, что синтагматическое и парадигматическое выравнивание свойственно именно формам 1 л. ед. ч. вследствие необходимости реализации в большинстве из них альтернативы, а также значительной их распространённости в разговорной речи, где ослаблено действие литературной нормы.

В своей речевой практике носители нередко сталкиваются с проблемой выбора формы 1 л. ед. ч. Достаточно нагляден результат такого выбора в произведении В. Высоцкого «Про дикого вепря», где «бывший лучший, но опальный стрелок» отвечает королю: «Чуду-юду я и так *победю!*». Отвергнуты пафосно-монументальное, хотя и кодифицированное «*одержу победу*», и отдающее высокой «славенщиной» *побежду*, и ассоциирующееся с поражением *побежу*. Только форма с отсутствием обязательного для литературного языка чередования, но распространённая в народной речи и так удачно вписывающаяся в ритм и рифму стиха создаёт образ бесшабашного и решительного героя. По-другому решает проблему выбора учёный Сморчок из мультфильма «Как грибы с Горохом воевали», когда понимает, что ни одна из возможных форм не вписывается в его «учённость», и в растерянности переходит к откровенно вульгарному, но агрессивному описательному обороту: «Я его интеллектом *победю, побежу, побежду... забью его мозгами*».

В современной ситуации всё чаще возможные варианты формы 1 л. ед. ч. используются как средство характеристики героя или создания эффекта языковой игры, например: «Да я и так *приочу... приютю... буду приотать*», «Сама пеку из хорошего теста. Я сама его *месю*. Или *мешу?*» (телесериалы по романам Д. Донцовой); «Ты хотел поразить?» – «А я и сейчас *поразю*, кого встречу, того и *поразю*» (телесериал «Фаворский»); «Я не *каркаю*, я *пророкую*»; «Так это ты мстишь?» – «Никому я не *мстю*». – «Правильно говорить – *мщу*». – «Перестань! Он свободный человек – как хочет, так и говорит» (телесериал «Агентство НЛС»); «Не боюсь, в губернаторы *годюсь!*» – «Не *годюсь*, а *гожусь*». – «А я *годюсь!*»

(Интервью кандидата – НТВ, 17 августа 2008 г.); «Я траву *кошу*. Или *кошу*? О чём *грустю*. Или *грущу*?» (мультфильм «Как грибы с Горохом воевали»).

Некодифицированные формы 1 л. ед. ч. могут выступать и как маркеры неофициального, непринуждённого общения реальных людей: «Я не звезда. Я не *хожу* и не *звезжу*!» (интервью с балериной Дианой Вишневой. «Блокнот», 1 ноября 2004 г.), «*Скоммунизжу* из журналов типа «Радио» 80-х годов» (Журнал «Хакер». – №7 – 2002. – С.45).

Если для диалекта и просторечия традиционной скорее всего будет форма без альтернации типа *ерундю* и *мутю*, то неупотребительность форм в литературном языке типа *побежу*, *убежу*, *чужу* связывается с тем, что «возможное в этих формах чередование д–ж не подкрепляется аналогичным сочетанием в других формах тех же глаголов» [Розенталь 1974: 175]. Однако принять такое объяснение не представляется возможным уже потому, что в других случаях отсутствие такого «подкрепления» не препятствует наличию форм 1 л. ед. ч. у глаголов *заградить*, *насадить* ('внедрить', *распространить*'), *оградить*, *осадить*, *предупредить*, *усладить*, *утвердить* и др.

Тем не менее затруднения в реализации по современной норме генетически чужого альтернанта /жд/, с одной стороны, поддерживаемого однокоренными образованиями, а с другой – не имеющего аналогий в форме 1 лица, типично оканчивающейся на *-жу*, в определённой степени усиливают действие других причин, обуславливающих наличие неполной личной парадигмы и у других глаголов.

Данные причины также вызывают наиболее значительные затруднения в образовании форм 1 лица у реализующих южнославянский по происхождению тип чередования корней и разнообразие их морфонологического облика. Об этом свидетельствуют результаты экспериментального исследования, проводимого с 1990 г. среди студентов педколледжей и вузов, учащихся школ и учителей русского языка и литературы Оренбургской области. С учётом возрастных особенностей участникам эксперимента предлагались списки глаголов, от которых следовало образовать формы 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени.

Особенности употребления и оформления форм 1 л. ед. ч. свидетельствуют о наличии 3 групп глаголов, где образование данных форм происходит с разной степенью затруднения:

1. Несмотря на запреты по нормам современного литературного языка, в среднем в 86% случаев школьники и в 72% – студенты считают возможным образование форм типа *побежу, убежу, чужу* (соответственно 52%² и 37%), *победу, убедю, чудю* (25% и 19%), *побежду, убежду, чужду* (9% и 16%).

В этой связи следует отметить, что Л.К. Граудина считает утверждение об отсутствии у глаголов *победить, убедить, переубедить* формы 1 л. ед. ч. спорным: «Для глагола *победить* В.И. Чернышёв в стилистической грамматике рекомендовал две формы – *побежу* и *побежду*. Вторая форма современной нормой уже отвергнута, но и первая не принята» [Граудина 1980: 217]. Наши исследования также показывают, что школьники и студенты признают кодификацию отсутствия формы 1 л. ед.ч. у некоторых глаголов соответственно в 28% и 14% случаев и используют потенциальные формы 1 л. ед. ч. значительно чаще, нежели обороты, предписываемые современной нормой.

Аналогичная картина наблюдается и в глаголах на *-тить*, где респонденты вместо предписываемого грамматиками современного русского литературного языка отсутствия по норме 1 лица образуют формы типа *ощущу* (43%), *ощутю* (26%), *ощучу* (17%).

Обращает на себя внимание преобладание южнославянского по происхождению альтернанта, поддерживаемого однокоренными образованиями (*ощущать, ощущение*), которое в случаях с глаголами на *-дить* не наблюдается (ср.: *победить – побеждать, побеждённый, но побежу, победу, реже побежду*). Однако следует отметить рост образования форм типа *побежду* у студентов по сравнению со школьниками (почти в 1,8 раза), видимо связанное с усилением влияния системных однокоренных образований. Люди с высшим образованием

² Количество снижается к 10 классу, а затем постепенно увеличивается. Видимо, сказывается отсутствие уроков русского языка в старших классах.

предпочитают формы *убежду, убеждусь, учрежду* (73%). Следует подчеркнуть, что многие респонденты (84%) знают о ненормативности данных форм и не только считают необходимым их употребление, но и признаются в использовании их в своей речи в условиях неофициального общения, при этом отвергают формы типа *буду учреждать* и под.

2. Формы 1 л. ед. ч. малоупотребительных глаголов или новообразований фиксируются с восточнославянскими по происхождению альтернантами (обычно в речи студентов) или с утратой чередования: соответственно 69% и 23% для *жижду/дю, помажду/дю, чажу /дю, цежду/дю* и 71% и 18% для *колошмачу/тю, баламучу/тю* и под.

Эти данные подтверждаются результатами эксперимента Р.В. Бахтуриной, в котором из 94 участников 77 человек при образовании формы 1 л. ед. ч. от новообразований и глаголов, парадигма которых ограничена спрягаемыми формами, типа *шкодить, руладить, колобродить, комплементить, банкротить* предпочли использовать альтернанты восточнославянского происхождения, и только 17 участников избегают альтернации [Бахтурина 1966]. Показательно, что никто из респондентов нашего исследования и эксперимента Р.В. Бахтуриной не привёл формы с альтернантами южнославянского происхождения /жд/ и /щ/.

3. Наиболее значительный морфонологический разброс наблюдается при образовании форм от глаголов, корневой морф которых реализует альтернант /жд/. 55% школьников и 80% студентов признают кодифицированные формы, а в остальных случаях допускают формы типа *освобожду* (соответственно 35% и 18%) и *освободю* (10% и 2%). При этом альтернант /жд/ чаще всего характерен для определённого круга основ, например: *охлажду, убежду, предупрежду, сопровожду, услажду, возбужду, насажду*.

Такие формы предпочитают в своей речи и люди с высшим образованием, в том числе и филологическим. Более 82% опрошенных учителей русского языка и литературы (1052 человека за период 1999–2007 гг.) признавались, что не только часто слышали подобные формы, но и сами их употребляли.

Интересно отметить, что практически все эти формы совпадают с приведённым М.В. Ломоносовым в его «Российской грамматике» списком из 12 слов с пометой «ЖДУ имеет ЖДАТЬ».

Следует отметить, что и для достаточно устойчивого в современном русском литературном языке типа чередования /т' - щ/ форма 1 л. ед. ч. также может являться слабым звеном в цепи однокоренных системных образований. Затруднения вызывают, как правило, определённые глаголы, чаще всего *воплотить* (-чу – 22%) и *укротить* (-чу – 14%, -тю – 6%). В этой связи следует отметить, что подобные формы имелись и в XVIII в. для некоторых корней, которые изначально выявили предпочтительность типа чередования, но окончательно с ним не определились в некоторых образованиях. Однако в процентном отношении таких форм 1 л. ед. ч. с альтернантом /ч/ или без альтернации значительно меньше и по сравнению с нормативным вариантом (в среднем по всем группам опрашиваемых около 5%), и особенно в сопоставлении с формами от глаголов на *-дять*, где отклонения от нормы возможны в более широком количественном (в среднем 34%) и качественном диапазоне (-жу/-жду/-дю).

Данные эксперимента свидетельствуют о высокой степени вариативности морфонологического оформления формы 1 л. ед. ч. как явления, свойственного системе русского языка. Чем более ослаблена литературная норма, тем разнообразнее отклонения, вплоть до отсутствия альтернации, при этом активизируются не только процессы аналогического выравнивания, ярко выраженные в диалектных системах, но и наблюдается реализация всех возможных для восточнославянского языка потенциалов, включая альтернант /дж/.

Данный альтернант зафиксирован нами в речи пятилетнего ребёнка, при этом влияние украинского языка и диалектов на его появление исключено. Более того, контекст, в котором был употреблён альтернант /дж/ – *я ходю, я не хожу., я не ходжу* (ребёнок как бы пробует на слух и артикуляцию каждый из вариантов в поисках правильного), – даёт основание считать, что форма *ходжу* возникла в результате контаминации распространённых в детской речи форм *ходю* и *хожу*, при этом

ребёнок достаточно осознанно подбирает формы, осмысливая и озвучивая их. Интересны в этом плане и своеобразные «теоретические обоснования» правильности формы, где чётко выражен приоритет формы на -жу как литературной нормы: «Надо говорить *побежу*, а не *победю*».

Такое «проигрывание» всех вариантов альтернативы (а также её отсутствия), которые имелись и сохранились в системе восточнославянского и русского языка, – явление достаточно типичное для детской речи. И наблюдается оно, как правило, именно в наиболее актуальной для ребёнка в условиях его общения форме 1 л. ед. ч., где её проявление чрезвычайно многолико: «Я уже совсем не *истеричу*». «*Следю*, как раскалякан (раскрашен) домик». «Я *плечу* косичку». «*Писну* разок. Ручка, *писай!*». «Я *почистю* зубы и *ляжу*». «*Выблю* ковры и *почистю*». «*Поглочусь* в мир книги». «*Чертю* сейчас». «*Возвращусь* и *расчесусь*» и под. Об этом также свидетельствуют морфонологические варианты типа *увиджу* – *увидю* – *увиду*, *подудю* – *подужу*, *возвращу* – *возвращу* – *возвратю*, *лягу* – *ляжу*, *кладу* – *клажу*, *почистю* – *почищу* и под.

Как показывают наши наблюдения, в таких случаях значительно не только влияние личных форм настоящего времени или однокоренных образований, но и воздействие наиболее распространённых в речи взрослых формо- и словообразовательных моделей (обычно форм повелительного наклонения), например: «*Ложись!*» – «*Ляжу*». «*Спи!*». – «*Стю*». В этом плане особый интерес представляет контекст, в котором ребёнок активно осмысливает особенности альтернативы и одновременно ищет однокоренные – с его точки зрения – образования: «*Не хами!*» – «*Я хамю? Я не хамю! Я не хомлю!* Это хомяк хомит». Под влиянием «взрослых императивов» возникают и несвойственные русскому языку формы типа *походжу* из контаминации *походи* и *похожу* в контексте «*Походи!*» – «*Походжу*».

Подобные примеры из детской речи в совокупности с разнообразными случаями выравнивания у взрослых, происходящими как по линии личной парадигмы типа *освободишь*, *освободит* – *освободю*, так и под влиянием системных глагольных и отглагольных образований типа

охлаждать, охлаждённый, охлаждение – *охлажду*, косвенно подтверждают точку зрения П.И. Житецкого, М.А. Колосова, С.М. Кульбакина, А.И. Соболевского, Ф.П. Филина о позднем появлении /дж/ как результата процессов контаминации и аналогического выравнивания.

В целом, судя по данным нашего эксперимента, необходимо отметить, что в узусе у 76% респондентов отсутствуют запреты на образование форм типа *побежу, победу, победю*; в 63% случаев преобладает восточнославянская огласовка форм 1 л. ед. ч. малоупотребительных глаголов или новообразований (типа *шкожу, реже – шкодю*) и наблюдается значительный морфонологический разброс в глаголах, которые представляют южнославянский по происхождению тип чередования (типа *охлаждать, охлажденный*), но по современной литературной норме обязанных реализовать в форме 1 л. ед. ч. восточнославянский по происхождению альтернат (формы на -*жу* (67,5%), -*жду* (26,5%), -*дю* (6%)).

Литература

Бахтурина Р.В. Морфонологические условия образования отымённых глаголов с суффиксом *-ѡ-/и-(ть)* // Развитие словообразования в современном русском языке. – М., 1966. – С. 55–74.

Гр. 70 – Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Гр. 80 – Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Интонация. Словообразование. Морфология. – Т. 1. – М., 1980.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. – М., 1980.

Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского языка. – М., 1953.

Тарланов З.К. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания, 1979. – № 1. – С. 63–74.

©Бекасова Е.Н., 2008

Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова
Екатеринбург
Ономасиологическая структура слова в свете
показаний языкового сознания

Народное мировидение, отраженное в языке, ярко проявляется в номинациях объектов конкретных денотативных сфер, описание которых должно дать комплексное представление о внутренней форме языка в гумбольдтовском понимании, т.е. представление о том, как внешняя действительность преломляется в языке народа. В лингвистике последних лет особо подчеркивается многомерность параметров языковой картины мира: антропоморфичность; отраженный характер вербального означивания, позволяющий говорить о языке как о «смысловом двойнике мира» [Гуревич 1972: 20]; стабильность и изменчивость; способность языковой картины мира отображать реальное и ирреальное ментальные пространства [Петренко 1997; Гак 1998]; национально-культурная обусловленность, проявляющаяся в специфике вербальных образов, метафор и символов [Лосев 1995; Телия 1996]; универсальность и специфичность ономасиологических ориентиров в языковой картине мира в целом и в частных ее фрагментах [Рут 1987, 1992; Вендина 1998; Березович 2000]. Отмеченные параметры языковой картины мира предполагают возможность обращения к разным характеристикам этого

феномена, существенным для выявления интерпретационной вариативности языка в членении внеязыковой действительности. Учитывая сказанное, можно отметить следующие методологически значимые для описания языковой картины мира и отдельных ее фрагментов подходы:

1. Прагматико-функциональное исследование смыслового наполнения номинативных единиц, описывающих определенное денотативное пространство: достоверность языковой картины мира обусловлена ориентацией ее создателя на отражение объективных характеристик окружающей внеязыковой действительности и прагматически значимой для индивидуума и социума рациональной и эмоциональной оценкой означаемого.

2. Системно-структурное описание единиц, составляющих определенные семантические общности: целостность языковой картины мира в совокупности всех фрагментов достигается ее системностью (иерархичностью, наличием разного рода смысловых и формальных оппозиций, ядерно-периферийной организацией номинативного континуума; взаимообусловленностью всех элементов номинируемого денотативного пространства в сознании носителей языка).

3. Динамический подход к описанию языковой картины мира: диалектическое единство статики и динамики языковой картины мира заключается в наличии константных, ядерных компонентов создаваемой модели и интерпретационного, вариативного компонента, связанного с изменчивостью ментальных стереотипов и языковых форм их выражения в пространстве и времени.

4. Лингвокультурологический подход к анализу содержательной структуры единиц семантических общностей, организующих фрагменты языковой картины мира: базовым при таком подходе является понятие культурной коннотации - «интерпретации денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]. В этнокультурную коннотацию включается широкая информация, связанная с мифологическими и религиозными воззрениями народа, с традиционными обрядами и ритуалами, народным календарем природы. Такая

информация может фиксироваться не только внутренней формой наименований определенной семантической общности, но и народной идиоматикой, фольклорными текстами, этикетными ритуальными формулами, а также контекстами, спонтанно выявляющими «показания языкового сознания» говорящих [Блинова 1989].

5. Когнитивно-ономасиологический подход к описанию языковой картины мира в ее фрагментах, который ориентирован на мотивационные и номинативные модели, воплощающие во внутренней форме названий определенного класса информацию об обозначаемых объектах. Особым аспектом при таком подходе к описанию языковой картины мира должно стать выявление причин вариативности номинации и особенностей восприятия (“считывания”) информации через внутреннюю форму слова. Вопреки мнению о том, что мотивация не значима для функционирования слова, что в процессе употребления стирается «образ», положенный в основу наименования, исследования синхронного восприятия внутренней формы показывают, что мотивированность небезразлична для носителей языка. По сути дела именно осознание внутренней формы слова, мотивационная рефлексия есть одно из генетически заданных направлений актуализации представлений об означаемом.

Возможность выявления специфики традиционного народного мировидения дает исследование типов ономасиологических структур в аспекте их когнитивной ориентации и роли внутренней формы наименования в трансляции этого когнитивного базиса (с учетом воздействия внутренней формы наименования на восприятие свойств обозначаемого).

Под **ономасиологической структурой** мы понимаем «совокупность существующих в системе языка моделей номинации, с разной степенью абстракции воплощающих представления говорящих о возможностях обозначения объектов определенного класса. Ономасиологическая структура включает в себя представления о возможных принципах номинации, средствах номинации и способах номинации» [Гридина 1982: 32].

Так, **принцип номинации** отражает типовые основания для обозначения объектов определенного класса (см., например, типовые для класса растений принципы номинации по запаху, цвету, вкусу, целебным свойствам; типовые для обозначения демонологических персонажей принципы номинации по месту обитания, специфическим действиям, времени появления и т.п.); типовые **средства номинации** «показывают, с помощью каких конкретных языковых средств наиболее регулярно обозначаются объекты разных классов при установке называющего на определенные принципы номинации» [Гридина 1982: 32]; **способ номинации** представляет собой механизм воплощения мотивировочного признака прямым или опосредованным (метафорическим или метонимическим) способами. Эти механизмы также в известной степени основываются на существующих в сознании номинатора «стереотипах ... ассоциативного соотнесения какого-либо признака называемого типа объектов с конкретным названием» [Гридина 1982: 32].

Ономасиологическая структура, таким образом, представляет собой многокомпонентное образование, содержащее как константные, так и вариативные параметры потенциального означивания объектов определенного денотативного класса. Ономасиологическая структура включает в себе знание о свойствах объекта, что определяет выбор мотивировочного признака и принципа номинации, знание о принятых в данной номинативной системе средствах и способах воплощения мотивировочного признака.

Ономасиологические структуры, выступая своего рода моделями-стереотипами «обеспечивают известный автоматизм процесса номинации, выступая в качестве его ориентирующих статических компонентов. Наличие таких моделей позволяет во многих случаях предсказать возможность выбора наименования того или иного типа. Однако, если мы хотим постичь функционирование моделей в живом языковом общении, иначе их реализации, если мы хотим объяснить появление конкретного наименования, необходимо в каждом отдельном случае опираться на специальный ономасиологический контекст, который предшествует возникновению данной

номинативной единицы, является ее смысловой и материальной базой» [Гридина 1982: 32-33]. Базовым компонентом воплощенной (реализованной) ономаσιологической структуры конкретного наименования, безусловно, является внутренняя форма слова, которая может быть рассмотрена как когнитивная составляющая восприятия информации об обозначаемом. Отражая специфику воплощения мотивировочных признаков определенного класса объектов в языковой картине мира, внутренняя форма одновременно выступает и как источник возможных вариативных интерпретаций связи между признаком, положенным в основу наименования, и свойствами обозначаемого объекта, возникающих в процессе функционирования мотивированного слова, его синхронном осмыслении носителями языка (диалекта). В этом плане интересны мотивационные контексты, «объясняющие» происхождение названия, отражающие динамику языкового сознания и позволяющие выявить причины интерпретационной вариативности восприятия внутренней формы слова [см. об этом: Гридина, Коновалова 2001].

Мотивационные контексты, порождаемые спонтанно или спровоцированные информатором в ситуации объяснения (толкования) фитонима диалектоносителями, есть свидетельство того, что толкование названия через его внутреннюю форму можно считать когнитивной процедурой, так как через «прочтение» внутренней формы говорящий обнаруживает собственное понимание мотива номинации. При этом интерпретатор опирается, во-первых, на знания о свойствах обозначаемого; во-вторых, на знания о функционировании слова в соответствующей системе номинаций, например, знание о наличии синонимов, номинативных вариантов, дублетов, гиперонимов и гипонимов в конкретной лексико-семантической системе (микросистеме); в-третьих, на знания о принципах номинации определенного рода реалий, принятых в соответствующей этнокультурной среде.

В качестве гипотезы выскажем предположение о том, что код внутренней формы в плане его считываемости современными носителями языка (диалекта) зависит не только от «прозрачности» мотивировочного признака, но и от

актуальности (операциональности) соответствующих ономазиологических структур в номинативной системе и в выражении национально-культурных констант ЯКМ, отраженных в языковом сознании народа. «Инструментом» верификации высказанного предположения могут стать метаязыковые контексты, свидетельствующие о характере восприятия мотивированности наименования носителями языка (диалекта). Репрезентативным материалом для такого анализа представляются диалектные номинации из сферы лексики традиционной крестьянской культуры: народные названия растений, болезней, обрядов и праздников, бытовых реалий (материал почерпнут из Словаря народных названий растений Урала [Коновалова 2000] и записей речи носителей среднеуральских говоров, произведенных авторами данной статьи в полевых экспедиционных условиях).

Проанализированные нами мотивационные контексты позволяют выделить несколько типов ономазиологических структур в аспекте их когнитивной ориентации:

1. Ономазиологические структуры, представляющие знания об объекте номинации в **метафорическом** «образе» (через метафорический мотиватор). Подобные номинации могут актуализировать при восприятии названия представление о разных признаках обозначаемого, соотносительных с одним и тем же образом, отраженным внутренней формой слова. Так, название растения *щучка* интерпретируется на основе двух разных мотивационных контекстов в соответствии с принципом номинации по цвету (*щучка рябенька травка*) и по месту произрастания (*где волгло любит*). Оба мотивационных признака соответствуют метафорическому образу, заключенному во внутренней форме слова, «покрываются» им (ср. ‘растение, похожее по цвету листьев на цвет чешуи щуки’ и ‘растение, которое, подобно рыбе = щуке, любит воду’).

Ярким примером наполнения таких ономазиологических структур является модель представления болезней в традиционной народной культуре преимущественно в антропоморфном (чаще всего в виде женщины) или зооморфном облике (в виде собаки, кошки, свиньи, птицы, гадов и т.п.). Например, *Глухья, Огнея, Ломея, Трясея* и др. – названия

болезней, представленные в виде имен 'сестер-лихорадок, насылающих на человека болезнь, симптом которой обозначен внутренней формой имени'. Метаязыковые контексты, зафиксированные в речи диалектоносителей, отражают «мифологический» ракурс мотивации антропоморфного образа болезни: *Это как лихоманки бы, бабы таки зловредны, нападут и тресут всего, в жар кидат, ли иссушиват, дак надо сказать (баушка меня учила) «заря-зарница, красна девица, избавь раба божия (имя рек) от Матухи, от Знобухи, от Тресеи, от Ломеи, от Огнеи, от Глухеи, от Марии Иродовны и от всех двенадцати девиц тресовиц».*

Ср. также ономаσιологическую модель представления болезни в зооморфном образе: *грудная жаба* 'болезнь, причиной которой якобы является проникновение жабы в тело человека во время питья из открытого водоема'. Мифологические реликты осознания внутренней формы данной зооморфной номинации отражают записанные от диалектоносителей метаконтексты: *С нутра выгоняют жабу-ту, котора холодна, скользка, с водой прокралася в нутро-то, не заметил, пить охота дак. Кто высидит, дак вылечится, еслиф она выползет, а нет - дак ешио боле зеленой станет.*

2. Ономаσιологические структуры, допускающие **двойное - метафорическое и метонимическое** – осмысление мотива номинации. Например, внутренняя форма фитонима *ястребинка* интерпретируется носителями диалекта на основе принципа номинации растений по их целебным свойствам: *Этой естребинкой скотине глаза ладят* ('растение используется для лечения глазных болезней'). Ономаσιологическая структура наименования фиксирует знание о лечебном эффекте использования растения через образное представление признака 'улучшать зрение, делать зрение таким же хорошим, как у ястреба'. Другая интерпретация внутренней формы фитонима *ястребинка* основана на метонимической связи: растение это якобы 'занесено на луга ястребами, которые им питаются и от этого имеют отличное зрение'. Отсюда выводится представление о полезном воздействии растения на зрение. Отношения между признаками 'корм для ястребов' - 'ястребиная зоркость' осмысляются как причинно-

следственные. Вопрос о том, какая мотивационная версия соответствует исходной, однозначно решить трудно, ибо оба направления интерпретации внутренней формы соотносительны с существующими в русском языке принципами номинации растений.

3. Ономаσιологические структуры, допускающие **равновероятностное отобъектное (рациональное) объяснение связи названия со свойствами обозначаемого ввиду многозначности использованного при номинации лексического мотиватора**. В качестве примера приведем контексты, объясняющие мотивационный признак, положенный в основу фитонима *ясотка*: *Глаза есноткой промывают от зною // Яснотка, потому что в ясных местах любит расти*. В первом случае мотиватор ‘ясный’ воспринимается в значении ‘здоровый, чистый’ (применительно к глазам, зрению) и соответственно соотносится при осмыслении внутренней формы фитонима с принципом номинации растений по их использованию в лечебных целях; во втором случае мотиватор ‘ясный’ воспринимается в значении ‘чистое, открытое пространство’, что позволяет носителю языка (диалекта) актуализировать свои знания (представления) об объекте на основе принципа номинации травы по месту ее произрастания. Ср. также функциональную множественность использования в народной медицине, в магии, в бытовых ритуалах *выворотня* ‘дерева, вырванного с корнями бурей’. Считалось, что выворотень - знак действия нечистой силы, поэтому использование такого дерева в домашнем хозяйстве может привести к разным несчастьям, поскольку нечисть так же перевернет все в доме и в судьбе. С другой стороны, с помощью выворотня можно было избавиться от болезней, порчи, сглаза ‘вывернуть боль’, ‘вернуть мужа если его кто своротил’ и т.п. Такие разные действия осмысляются по связи с разными значениями лексического мотиватора названия ритуального дерева *вывернуть(ся)*: ‘вынуть, крутя’, ‘перевернуть внутренней стороной наружу’, ‘ловко повернувшись, выскользнуть, освободиться’.

4. Ономаσιологические структуры, истолкование которых связано с забвением исходного мотива номинации, что приводит

к реинтерпретации внутренней формы названия носителями языка (диалекта).

Такому переосмыслению подвергаются в частности названия, изначально связанные с сакральными мотивами номинации (при сохранении прозрачной внутренней формы происходит ее десакрализация: сакральный мотив номинации, как правило, сводится к профанному (утилитарному) восприятию свойств обозначаемого объекта).

Так, ономазиологическая структура фитонима *юрьева роса* изначально фиксирует сакральный мотив номинации растений, с которых собирали росу в день святого Георгия (Юрия), вследствие чего эта роса считалась целебной; по метонимическому принципу целебные свойства *юрьевой* росы переносятся на растения, получающие соответствующую номинацию. В сознании современных диалектоносителей фитоним *юрьева роса* соотносится с положительной утилитарной оценкой свойств весенней травы, идущей на корм скоту. Когнитивный процесс осмысления мотивации названия можно представить в виде связи признаков ‘трава, собираемая весной (в Юрьев день), - молодая, сочная, полезная для скота’; актуализация связи названия с лексическим мотиватором *Юрьев день* по причине забвения обряда сбора росы получает уже не сакральную, а хронологическую привязку, указывая на время появления первой весенней травы. О десакрализации названия свидетельствуют многочисленные контексты, в которых оно употребляется в утилитарно-прагматическом смысле: *Первый раз на покотину выгоняю, когда юрьева роса с-под снега вылазит // Юрьева роса на Юрьев день поевлется.*

Другим примером такого рода ономазиологических структур может быть название обряда *ряжения*, первоначально означавшего ‘установление другого порядка путем перехода действующего лица из одного ряда (статуса) в другой с использованием приемов изменения внешнего вида, в частности переодевания’. Обряд считался греховным, после его окончания исполнители должны были пройти обряд очищения. Замена изначальной связи *ряжение - ряд* ‘порядок’ более актуальной для современного языкового сознания ассоциативной связкой *ряжение - наряжаться* демонстрирует реинтерпретацию

сакрального мотива номинации, закрепленного во внутренней форме названия обряда.

Еще одним направлением нового наполнения ономаσιологических структур при объяснении «неясного» говорящему мотиву наименования является его ложноэтимологическая реинтерпретация (парадоксальная, рациональная или эмоционально-экспрессивно-оценочная (см. выделение данных типов народной этимологии в: [Гридина 1989]). Так, диалектный фитоним *буявник*, собир. о сочной траве, исконно мотивированный прилагательным *буявый* «сырой, влажный, мокрый, сочный» [Даль] (от *буяти* «пышно расти, разрастаться»), воспринимается современными диалектоносителями как связанный с *буйный* в значении «неистовый», «непокорный» (в результате формального сближения с *буявый* и эмоционально-экспрессивно-оценочного ложноэтимологического переосмысления внутренней формы: первичная мотивация по месту произрастания и интенсивности роста и сочности травы затемняется и уступает место мотивации по характеру негативного воздействия травы на поведение животных, в частности на лошадей): *Это травка така, от ее кони буйны делаютца*. Ложноэтимологическая ремотивация на приводит в данном случае к реноминации, допуская новое формально-семантическое «прочтение» первичной ономаσιологической структуры (ср. *буявый* + *ник* и *буйный* + *явник*).

Показательны в плане ложноэтимологического переосмысления варианты диалектных фитонимов *василистник* / *висилистник*, используемые для номинации растения *Thalicttrum minus* (в научной номенклатуре *василистник малый*); ввиду неясности внутренней формы *василистник* переименовывается в *висилистник* (по формально-семантическому сближению с *висеть*). Данный ложноэтимологический мотиватор соответствует особенностям внешнего вида этого лугового травянистого растения - с длинным гладким стеблем, перистыми листьями, зеленовато-красными цветками со свисающими тонкими тычинками-«усами».

Другое ложноэтимологическое объяснение мотивированности названия *василистник*, зафиксированное

нами в речи диалектоносителей, основано на сближении с именем Вася (Васька) как распространенной кличкой котом: *Кошки едят для че-то, вот и Васькин листик*. В последнем примере происходит и перестройка ономаσιологической структуры: преобразование номинации из однословной в двусловную.

5. Потенциально вариативные ономаσιологические структуры, фиксирующие свойства обозначаемого посредством лексического мотиватора, допускающего равновероятную замену синонимичным эквивалентом. Контексты, отражающие мотивационную рефлексию говорящих над внутренней формой таких наименований, нередко содержат этот потенциальный «эквивалент» или номинативный вариант, представленный в системе названий соответствующей лексико-семантической системы. Например, *юбочка* – ‘колокольчик’: *Юбочкой называют, он дудочкой висит*. Внутренняя форма фитонима *юбочка* осмыслена через потенциальный номинативный эквивалент (*дудочка*), отражающий признак обозначаемого через ассоциативно соотносительный образ (ср. мотивационные значения ‘цветок, похожий по форме на юбочку’ - ‘цветок, похожий на дудочку’). Актуализация «смежного» образа при восприятии внутренней формы названий растений отражается мотивационными контекстами, в которых представлены синонимичные фитонимические номинации (наряду с актуализацией использованных при обозначении растений мотиваторов). Например: *Щелкуха*. См. *Хлопчики*. *Щелкухой ребята все забавляются, она так сильно щелкат, как словно бы хлопнушки // Шиэлкуху ешио хлопчиком зовут: когда цветок срываиш, он шиолкат*. Актуализация подобных синонимических отношений при интерпретации мотивированности наименования есть отражение когнитивного опыта говорящих, основанного на способности представлять и опознавать один и тот же признак обозначаемого через разные «образы», ощущения, эмоции. Так, в данном случае наличие в уральских говорах фитонимов *щелкуха* и *хлопчики* для обозначения одного и того же растения и одновременная актуализация их внутренней формы в приведенных мотивационных контекстах свидетельствует о закреплённости в языковом сознании

диалектоносителя разных «звукообразов», соотносительных с одним и тем же мотивировочным признаком ('характерная реакция растения на внешние раздражители'). Ср. также широкие вариативные ряды для обозначения демонологического персонажа, живущего в доме. Принцип номинации по месту обитания представлен несколькими конкретизирующими моделями: *домовой, подпечник, запечник, голбешиник, подполяник, подшесток* и др.

Перечисленные типы ономаσιологических структур, безусловно, не исчерпывают всех аспектов возможной интерпретации и вариативности восприятия мотивированного наименования. Однако, как нам представляется, анализ предложенных типов подтверждает мысль о познавательной направленности номинативного акта. Определение ономаσιологической структуры, таким образом, закономерно включает в себя понятие когнитивного базиса – типа знания об объекте номинации, которое именно в рамках определенной номинативной техники получает свое воплощение. По сути, восприятие внутренней формы есть именно осознание мотива, несущего в себе актуальную для говорящих информацию об обозначаемом. Корреляция этих знаний со способами их представления в номинативной системе конкретного языка носит вариативный характер, что уже изначально задает интерпретационную многомерность внутренней формы слова в аспекте ее восприятия.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 2000.

Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // *Язык и личность*. – Томск, 1989.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

Гридина Т.А. О моделировании ономастической лексики // *Слово в системных отношениях*. – Свердловск, 1982.

Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии: уч. пособие к спецкурсу. – Свердловск, 1989.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Внутренняя форма слова как отражение языкового сознания интерпретатора: мотивационная вариативность ономаσιологических структур // *Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения.* – СПб, 2001.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1995.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – Смоленск, 1997.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 1992.

Рут М.Э. Русская народная астрономия. – Свердловск, 1987.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

©Гридина Т.А., 2008

©Коновалова Н.И., 2008

Г.Р. Доброва
Санкт-Петербург

К вопросу о понимании семантики лексемы – и об умении сформулировать дефиницию (на материале освоения детьми терминов родства)³

В некоторых экспериментальных исследованиях в области психолингвистики и онтолингвистики (онтолингвистика – наука, изучающий детскую речь – термин С.Н. Цейтлин – см., например [Цейтлин 2006: 3]) имеется одно удивительное противоречие: когда исследователь хочет выяснить, верно ли испытуемый понимает «объем» какого-то понятия (точнее – сигнификативный компонент значения), он, экспериментатор, нередко (мы бы сказали – как-то удивительно наивно) прямо так и формулирует вопрос «А что значит слово Х?». Получив неверный, т.е. не соответствующий словарному толкованию, ответ, экспериментатор делает вывод о непонимании испытуемым семантики лексемы. В особенности широко в последние десятилетия такие выводы стали делать экспериментаторы, работающие с детьми: не смог ребенок дать «верный» (= близкий к словарной дефиниции) ответ, – следовательно, «еще не знает», «еще не понимает», «не понимает в полном объеме» и т.п. Всегда ли справедливы такие обвинения?

Задачей данной статьи будет «вступить за наивного носителя языка», отстоять его право не попадать в «незнайки» лишь на том основании, что данное им определение далеко от совершенства.

Для решения данной задачи мы обратимся к терминам родства. Почему же – именно к ним?

Термины родства издавна привлекали к себе внимание научной общественности. Как указывал Э.Ф.К. Уоллас, «термины родства были для культурного антрополога тем же, чем крысы для психолога-экспериментатора» (цитируется по [Дзибель 1998: 89]).

Термины родства изучают (в тех или иных аспектах) специалисты различных областей знания – лингвисты,

³ Работа осуществляется при финансовой поддержке РФФИ (проект 06-06-80349 а)

психологи, этнографы. Иногда эти исследования достаточно четко ориентированы на какую-то одну из наук, однако некоторые (если не большая часть) исследования в данной области нередко смыкаются настолько, что бывает сложно определить, какое из исследований принадлежит лингвисту, а какое психологу или этнографу – настолько переплетаются в этих работах различные аспекты изучения терминов родства.

Внимание лингвистов термины родства привлекают по различным причинам. Одна из причин была в свое время сформулирована Ю.С. Степановым следующим образом: «1) количество слов невелико и неизменно; 2) термины родства образуют замкнутую семантическую группу, легко определяемую интуитивно и формально логически» [Степанов 1966: 168], что приводит к тому, что семантика каждого термина родства может быть представлена в виде пучка устанавливаемых отдельно для каждого языка дифференциальных признаков и может быть легко подвергнута компонентному анализу. Кроме того, одна из существенных причин внимания к терминам родства со стороны лингвистов – обусловленная «натуральностью» (естественностью) концептов их межъязыковая универсальность. В силу специфики их семантики, термины родства представляют собой универсалии, и, будучи таковыми, дают лингвисту возможность подойти к их анализу с двух точек зрения: с точки зрения выявления того общего, универсального, что есть у этой группы терминов во всех языках, и с точки зрения различий, которыми обладают эти термины в разных языках у разных народов.

Между тем у терминов родства имеется некое свойство, делающее, как представляется, сложным формулирование дефиниций в этой области. Данное свойство напрямую связано с их основной универсальной для любого языка чертой – релятивностью их семантики: зависимостью при установлении референции от точки отсчета при наличии такого количества точек отсчета, сколько есть «позиций» в самой системе, что является неотъемлемой, системообразующей чертой самого этого семантического поля. Иными словами, в отличие от слов с константной референцией, у этих слов референция между звуковой оболочкой слова и соответствующим денотатом

устанавливается не непосредственно, в соответствии с установлением принадлежности данного денотата к классу однородных денотатов (к сигнификату), а в результате выявления отношений между данным референтом и тем лицом, позиция которого принимается за точку отсчета, и сопоставлением этих отношений с отношениями, которые соответствуют той или степени родства. Позволим себе сказать, что для терминов родства сигнификативной функцией является не собственно значение слова как лексемы, а отношение – отношение данной лексики к другой в пределах данной системы.

Так, если воспользоваться терминологией теории прототипов, то можно привести в качестве примера следующее сопоставление. Что является прототипом для «обычных» (нерелятивных) лексем, а что – для лексем, семантика которых релятивна? Например, применительно к «обычным» находящимся в гипо-гиперонимических отношениях лексемам «воробей»/«птица», воробей – это прототип птицы (по крайней мере, как показывают исследования, для русского национального сознания), поскольку обладает полным/почти полным типическим набором перцептивно ощутимых черт птицы. Есть ли прототип у слова, например, внук? Наверяд ли. Конечно, какой-то минимальный набор перцептивно ощутимых черт имеет место и в данном случае, например, принадлежность к мужскому полу.

Дети, кстати, расширяют этот набор черт, ошибочно приписывая, например, референту слова «внук» такой обязательный признак, как юный возраст. Так, многие дети в проводившемся нами со 178-ю детьми эксперименте, проверявшем понимание детьми семантики терминов родства, на вопрос о наличии у их бабушек/дедушек внуков не называли в качестве ответа таковых, если эти внуки уже вышли из детского возраста. На дополнительные же вопросы в таких случаях мы нередко получали ответы типа: «Петя дедушке Коле не внук, он же уже не мальчик. Он уже большой, взрослый».

Между тем признак «юный возраст» (равно как и подавляющее большинство других перцептивно ощутимых признаков) отнюдь не является для термина родства

обязательным (ср.: «80-летний N – внук знаменитого писателя NN»).. Все это приводит к тому, что невозможно представить себе прототипического «внука», как можно представить себе прототипического воробья. Для терминов родства, с нашей точки зрения, прототипы имеются не у лексем, а у отношений. Нет прототипического внука, но есть прототипические отношения между X и Y, и носителя этих прототипических отношений мы и называем внуком. То есть для идентификации при оперировании системой терминов родства мы оперируем не с прототипами, а с прототипическими отношениями. Именно этого, кстати, и не понимают дети.

Таким образом, сказанное выше показывает, с одной стороны, почему удобно рассматривать какие-то общие лингвистические и психолингвистические проблемы на материале терминов родства и, с другой стороны, почему способность верно (с точки зрения экспериментатора) сформулировать дефиницию для термина родства представляет особую трудность.

Рассмотрим некоторые зарубежные исследования, авторы которых стремились выявить адекватность понимания детьми терминов родства и родственных отношений. Сразу отметим, что относимся с глубочайшим уважением к упоминающимся ниже знаменитым трудам Ж. Пиаже [Пиаже 1997], равно как и к работам прекрасной американской исследовательницы Е. Кларк: в данном случае мы говорим лишь о конкретной проблеме – о правомочности приравнивания умения сформулировать дефиницию – к пониманию термина родства.

Итак, речь пойдет в первую очередь об исследовании С. Хэвилэнд и Е. Кларк [Naviland and Clark 1974], а также в каком-то отношении и об экспериментах Ж. Пиаже и его непосредственных последователей [Elkind 1962, Danziger 1957]. В наиболее явном виде это проявилось в исследовании С. Хэвилэнд и Е. Кларк, в меньшей мере – в экспериментах Ж. Пиаже, но во всех этих работах, как представляется, гораздо более проверялась способность ребенка к формулированию дефиниции, чем собственно понимание концепта. Так, в исследовании С. Хэвилэнд и Е. Кларк 50 американским детям от 3.0 до 8.10 задавались вопросы типа «What is a mother?» («Что

такое /кто такая/ мама?»). С нашей точки зрения, этот тест акцентировал именно детскую способность сформулировать дефиницию. Иными словами, как нам представляется, в данном случае на самом деле проверялось не столько понимание понятия, сколько умение сформулировать его определение, что совсем не одно и то же.

В этой связи мы не можем не вспомнить нашего отечественного крупнейшего ученого Л.С. Выготского, который писал: «Наличие понятия и сознание этого понятия не совпадают ни в моменте появления, ни в функционировании. Первое может появиться раньше и действовать независимо от второго» [Выготский 1982, т.2: 177]. Сама формулировка центрального вопроса «What is a mother?» («Что такое мама?»), хотя исследователи (С. Хэвилэнд и Е. Кларк) в качестве добавочного и предлагали детям некоторые дополнительные вопросы типа «Do you have an uncle?» («Есть ли у тебя дядя?») и «What do you have to have to be a sister?» («Что /кого/ тебе надо иметь, чтобы быть сестрой?»), предопределяла ориентированность всего эксперимента на умение формулировать. Мы же убеждены в том, что умение сформулировать дефиницию не равнозначно пониманию некоего понятия, причем мы полагаем, что умение сформулировать дефиницию не просто является высшей стадией этого понимания, а предполагает два различных вида речемыслительной деятельности: и понимание семантики термина родства, и вообще умение давать дефиницию. Последнее не так уж связано с первым, как кажется. Приведем такой пример. В работе С. Хэвилэнд и Е. Кларк в качестве релятивной, но не «реципрокной» (т.е. фактически – неверной или, во всяком случае, не совсем верной) дефиниции приводится такой ответ ребенка: «What's a grandmother? – «Somebody who's your mother's mother» («Что такое /кто такая/ бабушка?» – «Кто-то, кто является мамой твоей маме»). Мы полагаем, что если бы такой же вопрос был задан какому-то взрослому человеку, не очень, может быть, интеллигентному, не очень привыкшему давать определения понятиям, то, возможно, был бы получен аналогичный ответ. Заметим: ни у кого из нас в таком случае не было бы сомнения, что испытуемый понимает

семантику термина родства (ясно, что взрослый человек ее понимает); «суженность» получившегося определения (как бы эгоцентрического, а на самом деле, может быть, представляющего своего рода пример – ‘бабушка – это, например, мама твоей мамы’, что недостаточно абстрактно, но не ложно) однозначно была бы объяснена неумением не очень образованного человека абстрактно формулировать дефиниции. Этим примером мы вовсе не хотим показать, что в трактовке данного конкретного примера американские исследователи не правы. Важно подчеркнуть нечто иное: неумение ребенка сформулировать определение термина родства вовсе необязательно означает непонимание его семантики.

Между тем в связи с исследованием С. Хэвилэнд и Е. Кларк возникает еще один любопытный вопрос. Он связан с психолингвистическим различием, которое, с нашей точки зрения, имеет место при формулировании определения термина, обладающего релятивной семантикой, и при правильном определении референта для данного слова. Мы имеем в виду, что имеется некая разница и даже противоположность между тем, чтобы, например, с одной стороны, дать абстрактное определение какому-то концепту родства и, с другой стороны, правильно назвать кого-то, кто выполняет какую-то «родственную» роль, т.е. адекватно выявить референта для термина родства. Эту противоположность мы видим прежде всего в том случае, если речь идет о таких отношениях родства, когда ребенок сам выполняет некую «родственную» роль или же у него есть соответствующий родственник.

Поясним эту мысль на примере сопоставления двух терминов родства – «внук» и «дедушка». Если вести речь о способности ребенка дать определение термину, то, очевидно, ребенку легче дать определению термину внук. В материалах С. Хэвилэнд и Е. Кларк, действительно, можно найти этому подтверждение: дети легче давали определение термину «внук» («мальчик, у которого есть дедушка»), чем термину «дедушка» («человек, у которого есть внук»). Согласимся с исследователями в том, что ребенку легче дается первая дефиниция, чем вторая, потому что первая может опираться на эгоцентрическое рассуждение ребенка ‘я внук, потому что у меня есть дедушка’, а вторая,

естественно, на соответствующее эгоцентрическое рассуждение опираться не может. Однако возникает некая проблема: согласно мнению С. Хэвилэнд и Е. Кларк, определение, например, понятия «внук» как «мальчика, у которого есть дедушка», является правильным вследствие его «реципрокности». Так ли это? Все-таки внук, на самом деле, – это не ‘тот, у кого есть дедушка’, а ‘сын сына /дочери/’. Предлагаемое исследователями в качестве правильного определение – это отсылочное, причем «реципрокное», что не только позитивно, но, кстати, и ведет в тупик, поскольку замыкает два определения («внук» определяется через «дедушка», а дедушка – через «внук») друг на друга и ничего не разъясняет. Можно ли считать, что ребенок, понимающий, что «внук» – «это мальчик, у которого есть дедушка», а «дедушка – «это человек, у которого есть внук», действительно, понимает оба термина и соответствующее отношение родства? Вряд ли. Здесь скорее свидетельство осознания лишь одной «стороны медали» («реципрокности»).

Вообще мы полагаем, что «реципрокность» в качестве истинного критерия усвоения терминов родства в некотором отношении уязвима. Для многих западных исследователей (например, для С. Хэвилэнд и Е. Кларк) бесспорным является изначальное предположение, что высшей ступенью усвоения терминов родства является стадия, когда термин А определяется через термин Б, в то время как термин Б – через термин А (‘бабушка – женщина, у которой есть внук или внучка’, а ‘внучка – девочка, у которой есть бабушка’). Обратимся к независимым критериям – к данным словарей. Не говоря уже о том, что наши отечественные словари (например, словарь С.И. Ожегова) дают вовсе не во всех случаях «реципрокные» толкования (например, «бабушка – 1. Мать отца или матери» [Ожегов 1970: 31]), аналогичные «нереципрокные» толкования мы находим и в зарубежных словарях (например, в «Оксфордском» словаре английского языка «grand-mother – mother of one’s father or mother», т.е. ‘бабушка – мать чьего-то отца или матери’ [Hornby... 1984: 271]). «Реципрокные» толкования в обоих случаях (и в русских и в английских словарях) мы обнаруживаем только при толковании

«примитивных» терминов родства (типа «мать», «сын» - об этом подробнее см. ниже), и там это обусловлено сложностью другого типа толкования. Иными словами, словари предлагают отнюдь не только «реципрокные» дефиниции терминов родства, и никому не приходит в голову обвинить за это их составителей в «неспособности» подняться на высшую ступень понимания термина. Так почему же тогда такие требования предъявляются к детям? Нам вообще непонятно: откуда появился миф, что в дефиниции терминов родства обязательно должна присутствовать «реципрокность»? Полагаем, что в данном случае произошло некоторое «психолого-лингвистическое» недоразумение, и в течение длительного времени об этом как-то не задумывались. Когда в свое время Ж.Пиаже писал о необходимости осознания ребенком «реципрокности» (обратимости, взаимности) терминов родства, то он вовсе не имел в виду, что это их свойство обязательно должно отражаться в их определении. Он имел в виду, что для того, чтобы понимать полностью, что такое брат, надо понимать, что для того, чтобы быть братом, надо иметь брата (или сестру), – и никак не более того. На каком-то этапе в исследованиях, базирующихся на работах Ж.Пиаже, произошла эта подмена (осознание «реципрокности» подменилось ее эксплицированием в дефиниции), и с тех пор это требование к осознанию терминов родства так и кочует из работы в работу.

В связи со всем вышеотмеченным мы отнюдь не видим ничего удивительного в выводе, который получился у Н.Дж. Бенсон и Дж.М. Англин [Benson and Anglin 1987] и который, кажется, изумил их самих. Сравнивая дефиниции 12 терминов родства, полученные в результате опроса детей четырех возрастных групп и взрослых, исследователи обнаружили, что не только дети, но и взрослые вовсе не всегда «поднимаются» на уровень «реципрокных» толкований: у детей даже старшей возрастной группы, шестилетних, таких ответов почти нет (1.04%), и у взрослых их сравнительно немного (23.96%). Авторы исследования справедливо отмечают, что этот (повидимому, весьма удививший их) результат не означает, что взрослые не осознают эту «реципрокность»: она для них просто

не является тем основным, что для них определяет данный концепт.

Вот здесь, по-видимому, и кроется интересующее нас различие: взрослые не эксплицируют «реципрокность» не потому, что не осознают ее; дети же зачастую именно не осознают. Как следует из всего вышеизложенного, с нашей точки зрения, бессмысленно пытаться определить, понимает ли эту «обратимость» ребенок, анализируя данные им определения, поскольку в определениях, как мы убедились, эта «взаимность», «обратимость» вовсе не обязательно должна эксплицироваться. Поэтому проверить, понимает ли ее ребенок, можно только на конкретных примерах (т.е. понимает ли он, например, что если кто-то кому-то бабушка, то этот человек ей – внук или внучка, и наоборот). Таким образом, для проверки осознания «реципрокности» требуется совсем иная методика экспериментального исследования, чем предлагалась, с теми или иными вариациями, всеми вышеназванными авторами (такая, отличающаяся от предшествующих, методика была разработана исландской исследовательницей Х. Рагнарсдоттир [Ragnarsdottir 1996] и легла в основу, например, нашего экспериментального исследования – см., например, [Доброва 2003]).

Таким образом, мы возвратились к вопросу о сопоставлении детской способности дать определение термину родства в сравнении (или в противоположность) с умением правильно указать на соответствующего референта. Итак, если проверять не умение дать определение термину, а умение правильно указать на референта термина родства, очевидно, результат должен быть противоположным, и опять же вследствие того же эгоцентризма: ребенку указать на кого-то, кто является чьим-то дедушкой, должно быть проще, чем указать на кого-то, кто является чьим-то внуком. Связано это с тем, что в первом случае ребенку, если он хотя бы уже немного способен встать на чью-то точку отсчета, например, на точку отсчета другого ребенка, достаточно мысленно встать на позицию того, на чьего дедушку ему надо указать (указывать на своего дедушку он привык с самого раннего возраста, т.к. с самого раннего возраста использует это слово в роли своего рода личного имени для отца

/или матери/). Указать же на чьего-то внука ребенку, наверное, должно быть сложнее, поскольку в обычной жизни указывать на кого-то в качестве внука или хотя бы постоянно слышать применительно к кому-то, что тот – чей-то внук, ребенок не привык. Последнее (вероятность услышать слово «внук» в номинативной функции), впрочем, может несколько варьироваться в зависимости от этнокультурных традиций различных народов, о чем речь впереди, или же от конкретного инпута, получаемого ребенком в данной семье.

Иными словами, в случае указания на кого-то в качестве референта термина родства детский эгоцентризм должен способствовать более раннему указанию на референтов таких концептов родства, роль которых сам ребенок не выполняет, но соответствующих которым родственников имеет; в таком случае отсчет производится «от себя» в направлении какого-то родственника, ребенок стоит на своей точке отсчета. В случае же с формулированием дефиниции для какого-то понятия, напротив, ребенок раньше способен дать правильное определение, если сам выполняет соответствующую роль, и опять же в силу всё того же эгоцентризма. Поскольку предположение о более ранней способности указать на родственника при «отсчете от себя», чем на родственника, выполняющего одинаковую с ребенком роль, подтвердилось в нашем эксперименте (см., например, [Доброва 2003]), то возникает вопрос: какая же из указанных способностей для речевого онтогенеза важнее. Что в большей мере свидетельствует о более раннем усвоении термина родства – более ранняя способность указать на референта или же более ранняя способность дать правильную (с нашей, кстати, точки зрения – не совсем правильную, не полноценную) дефиницию? Очевидно, ни то, ни другое по отдельности. Вероятно, никакое свидетельство «понимания» термина, обладающего релятивной семантикой, нельзя считать истинным пониманием, если очевидно, что это «понимание» обусловлено эгоцентризмом. Только избавление от эгоцентризма (появление способности легко становиться на точку зрения другого) приводит к полноценному усвоению шифтеров. Кроме того, из вышеуказанного также, наряду с прочими выводами, следует,

что при сравнении результатов эксперимента, где опора делалась на способность дать определение [Naviland and Clark 1974], с результатами эксперимента, где дети указывают на референтов терминов родства, возможны и ожидаются разночтения: порядок «усвоения» (которое мы в обоих случаях считаем не полным усвоением) терминов родства должен получиться – и получается – неодинаковым.

Наконец, имеется еще одна проблема, на размышления о которой наводят исследования С. Хэвилэнд и Е. Кларк и другие эксперименты, опирающиеся на проверку способности сформулировать дефиницию. Когда речь идет о терминах родства, семантика которых комплексна (в терминологии Е.Кларк – содержит два релятивных компонента), то в принципе понятно, как эту дефиницию следует формулировать. Для определения в таких случаях мы прямо или опосредованно опираемся на более простые, «примитивные», однокомпонентные концепты: «мать», «отец», «сын», «дочь». «Бабушка» – это мать матери или отца; «тетя» – сестра матери или отца (внутри последнего определения «сестра» тоже «раскладывается» на примитивные составляющие: «тетя» – сестра матери или отца, в то время как сестра – это дочь тех же матери и отца). А как быть с самими «примитивными» терминами родства? Как, например, дать определение слову «дочь»? Нельзя сказать, что С. Хэвилэнд и Е. Кларк этот вопрос совсем уж не смущает. В конце своей работы они упоминают об этой сложности – о том, что и взрослым людям сложно дать определения таким понятиям. Тем не менее, их эта сложность смущает не настолько, чтобы отказаться от идеи задавать такие вопросы детям. Мы же полагаем, что такие определения чрезмерно сложны.

Рассмотрим, например, определение терминов «мать» и «сын»: «мать» – «женщина по отношению к ее детям» [Ожегов: 333], «сын» – «мужчина, мальчик по отношению к родителям» [там же: 773]. Как нетрудно видеть, за исключением семьи `пол`, во всем остальном обе дефиниции сугубо «реципрокны». Иначе говоря, в обоих определениях никак не эксплицируется «энциклопедический» (в данном случае – биологический) компонент нашего знания о том, кто такая «мать» и кто такой

«сын»; ни слова о том, «кто кого родил» в определении нет. В определениях актуализируется лишь релятивный, «реципрокный» компонент, который достаточно очевидно сложен для детей. Следовательно, дать определение, адекватное принятому определению, ребенок до какого-то возраста просто не может, что не означает, что он не способен правильно указать на свою собственную мать в качестве матери и даже (в более старшем возрасте) правильно указать на мать другого человека в качестве его матери. Впрочем, будет ли такая способность правильно указывать на мать другого человека (в качестве матери этого человека) доказательством полноценного усвоения семантики термина «мать» – это другой вопрос. В отношении же интересующего нас аспекта подчеркнем лишь, что попытки вызвать ребенка на формулирование дефиниций, сформулировать которые он заведомо не может, наряду с формулированием дефиниций, сформулировать которые таким или иным образом он может (проще, например, сказать, что дедушка – это мамин или папин папа, чем что мама – это женщина по отношению к ее детям), – такие попытки, на основании которых потом выстраивают систему, иерархию усвоения терминов родства, с нашей точки зрения, не совсем корректны.

Таким образом, на материале экспериментов, проверявших понимание детьми семантики терминов родства путем проверки способности сформулировать дефиницию, мы попытались продемонстрировать нецелесообразность проведения такого типа исследований, когда первое подменяется вторым. Мы вполне сознательно остановились в данной работе лишь на западных исследованиях, причем не самых последних лет. Такой отбор материала для анализа неслучаен: мы стремились показать (на примере работ весьма «маститых» ученых) молодым отечественным исследователям, какого типа исследований и выводов следует избегать. Не хочется «переходить на личности», однако опыт научных конференций самых последних лет показывает новый «всплеск» интереса некоторых молодых отечественных ученых к проведению экспериментов, в которых детям в той или иной форме предлагается толковать значения слов. Данный интерес вполне

понятен, т.к. это, казалось бы, самый простой, очевидный и, главное, быстрый путь собрать статистически значимое количество данных по разным детям – разных возрастных групп, разного пола и т.д. Разумеется, в самом этом типе эксперимента, когда детям предлагается толковать значения слов, ничего плохого нет (если, конечно, вопросы сформулированы корректно, например, без подсказки типа «Кто такой X?» - где уже в самом вопросе экспериментатора имеется указание на одушевленность объекта). Вопрос в другом – в том, как анализировать полученные результаты. Хотелось бы, чтобы исследователи точно осознавали: во-первых, «понимание пониманию рознь», поскольку нельзя забывать о разных степенях осознания, и, во-вторых, понимание семантики лексемы и умение сформулировать дефиницию – отнюдь не одно и то же.

Литература

Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6-и т. – М., 1982. – Т.2. – С. 6–361.

Дзибель Г.В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып.2. – СПб., 1998. – С.89–134.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). – СПб., 2003.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 8-е, стереотип. – М., 1970.

Пиаже Ж. Суждение и рассуждение ребенка. – СПб., 1997.

Степанов Ю.С. Основы языкознания. – М., 1966.

Цейтлин С.Н. Онтолингвистика и кафедра детской речи // Онтолингвистика: Некоторые итоги и перспективы. – СПб., 2006. – С.3–12.

Benson N.J. and Anglin J.M. The child's knowledge of English kin terms // First language, 1987, 7. – P. 41–66.

Danziger K. The child's understanding of kinship terms: a study in the development of relational concepts // Journal of genetic psychology, 1957, vol. 91. – P. 213–232.

Elkind D. Children's conceptions of brother and sister: Piaget replication study V // Journal of genetic psychology, 1962, vol. 100. – P. 129–136.

Haviland S.E. and Clark E.V. 'This man's father is my father's son': a study of the acquisition of English kin terms // Journal of child language, 1974, №1. – P.23–47.

Hornby A.S. with the assistance of Ruse C. Oxford student's dictionary of current English. Special edition for the USSR. – M.; Oxford, 1984.

Ragnarsdottir H. The acquisition of kinship concepts. A cross-linguistic study // P.Broeder & J.M.J.Murre (eds.) Language and thought in development: Cross-linguistic studies. Tübingen, Günter Narr Verlag, 1996.

©Доброва Г.П., 2008

**Т.А. Злыденная
Екатеринбург**

**Ассоциативный потенциал ключевых слов,
репрезентирующих концепт «Труд»
(по данным психолингвистического эксперимента)**

Проблемы исследования процессов концептуализации и категоризации действительности продолжают оставаться актуальными в современной лингвистике. Одним из сложнейших и спорных вопросов является понимание сущности концепта, признанного исследователями основной формой категоризации знания и главным средством концептуализации действительности. Проблемам изучения природы концепта посвящены труды многих отечественных и зарубежных лингвистов, однако термин *концепт* ввиду своей сложности и полифункциональности не получил в науке однозначного толкования. Мы, вслед за К.И. Демидовой, определяем термин следующим образом: «Концепт – это фрагмент действительности, репрезентируемый в языке, это структура знания, определяющая семантику слов» [Демидова 2007: 8].

Одной из важных проблем описания любого концепта является вопрос о выборе его названия. А.П. Бабушкин считает,

что выбор названия концепта условен, т.к. «одно имя не может охватить всех смыслов, обобщить все репрезентации, которые соотносятся с тем или иным концептом. Поэтому вопрос заключается в том, чтобы выбрать название, которое могло бы выполнить наиболее полно эти функции» [Бабушкин 1999: 102].

Выбор имени концепта связан с понятием «ключевое слово». Адекватной формой репрезентации ключевых слов, по мнению исследователей, является абстрактное имя существительное. В.В. Колесов отмечает: «Концепт... грамматически может быть представлен в виде имени, выражающего обобщенный признак» [Колесов 1999: 18]. Оно, ввиду «... своей семантической нечеткости, обусловленной тем, что соотносится со слабым, не указывающим на реально существующий предмет референтом, наиболее емко репрезентирует те или иные смыслы» [Голованивская 1997: 19]. Стремление языковой личности обозначить неуловимые смыслы находит свое отражение в том, что абстрактное имя имеет большое количество синонимов, антонимов, включает в свою семантику концептуальные коннотации, которые вербализуются посредством комбинаторики слов.

К ключевым словам, репрезентирующим концепт «Труд», мы, вслед за лингвистами, исследующими данный концепт (Ю.С. Степанов, Г.В. Токарев и др.), относим слова «работа», «труд», «дело», поскольку «они формируют ядро его репрезентаций, удовлетворяют психологическому критерию выделения ключевых слов (первыми приходят на ум), имеют достаточно простой семный состав входящих в них значений, что обуславливает их широкую экстенциональность, общеупотребительность, частность, широкую сочетаемость» [Токарев 2003: 159].

Нами была предпринята попытка экспериментального исследования ключевых слов-репрезентантов концепта «Труд». Для этого был проведен свободный ассоциативный эксперимент, т.к. этот метод «...дает надежную лингвистическую и психологическую информацию» (Л.В. Сахарный), позволяет выявить широкий диапазон реакций на заданное слово-стимул, благодаря чему становится возможным всестороннее изучение ассоциативного потенциала

слова и креативности носителей языка. В данной статье представлены лишь некоторые наблюдения по итогам эксперимента, т.к. результаты в целом нуждаются в гораздо более тщательной интерпретации.

Эксперимент проводился на факультете русского языка и литературы УрГПУ. Респондентами были студенты 1-5 курсов дневного отделения (всего 190 человек). Гипотеза эксперимента заключалась в следующем: в сознании носителей языка слова «труд», «работа», «дело» являются синонимами, взаимозаменяемыми в пределах данного ряда, и поэтому каждое из них будет оформлять ядро ассоциативных полей двух других слов триады.

Испытуемым была дана следующая инструкция: записать все ассоциации на слова-стимулы «труд», «работа», «дело». Слова-стимулы устно озвучивались с интервалом в 1 минуту. Было получено 1082 ассоциации (из них на слово «труд» – 395 реакций, на слово «работа» – 354, на слово «дело» – 333). На основании количественного анализа были выделены ядро и периферия в каждом конкретном случае. Наиболее частотные реакции относятся к ядру, менее частотные и единичные – к периферии.

Итоги проведенного эксперимента позволили сделать следующие выводы: ядерная реакция на слово «труд» – слово *работа* (82 ассоциации). Одно из ключевых слов, согласно гипотезе, действительно, вошло в число ядерных реакций. Зону ближней периферии составили следующие реакции: *усталость* (31), *деньги* (26), *время* (19), *тяжелое* (15). К зоне дальней периферии мы отнесли реакции, имеющие индекс частотности 8 и менее (например, *усердие* – 5, *колхоз* – 3, *коллеги* – 2 и т.п.). В эту группу попало и ключевое слово *дело*, обладающее индексом частотности 2. Единичные ассоциаты образуют зону крайней периферии: *сапоги*, *поле колосьев*, *отпуск*, *установить*, *готов к труду и обороне*, *быт*, *грязь*, *железо*, *ноутбук*, *лошадь* и т.д.

Ядром ассоциативного поля на слово «работа» является слово *деньги* (99 ассоциаций), что свидетельствует о преобладании прагматической составляющей концепта в сознании носителей языка. Ключевое слово *труд* (78), наряду со словами *зарплата* (56) и *усталость* (26), попало в зону ближней

периферии. Зону дальней периферии составили реакции, имеющие индекс частотности 18 и менее: *карьера* (18), *офис* (12), *интересная* (6), *каторга* (3), *усердие* (2) и т.д. Сюда же попало и ключевое слово *дело*, имеющее индекс частотности 3. Индивидуальные реакции отнесены к зоне крайней периферии: *пробки*, *топор*, *устала*, *цейтнот*, *характеризуется отсутствием опыта*, *четкий распорядок дня*, *проблемы с личной жизнью*, *синдром менеджера*, *строгость* и т.д.

У слова «дело» два ядра: это *работа* и *бизнес* – по 27 ассоциаций. Ключевое слово *труд* (19) вместе со словами *уголовное* (16), *деньги* (15), *время* (14), *занятие* (13), *занятость* (13), *интерес* (13), *ответственность* (12) оформляет зону ближней периферии. К зоне дальней периферии мы отнесли реакции, имеющие индекс частотности 7 и менее: *папка* (7), *важность* (5), *суд* (3) и т.д. Одиночные реакции образуют зону крайней периферии: *нет времени*, *почерк*, *требует пунктуальности*, *цвета серой мыши*, *издательство*, *заводит*, *враги*, *победа*, *рельсы*, *собака*, *чемодан*, *шевелиться*, *частная собственность* и т.д.

Следует отметить, что большая часть ассоциативных полей представлена однословными единицами, далее по степени частотности располагаются двухсловные единицы* (словосочетания, построенные по разным моделям): *любимое занятие* (Д), *деловой костюм* (Р), *физическая нагрузка* (Т), *денежный доход* (Р), *личная ответственность* (Д), *материальное благополучие* (Р), *оружий директор* (Р), *способ заработать* (Р), *средство для существования* (Р), *уборка территории* (Т) и т.п. Реже встречаются конструкции, представляющие собой простые предложения, например, *Делает человека человеком* (Т); *Лучший труд – творчество* (Т); *Оно приносит прибыль и удовольствие* (Д), *Стать журналистом, поэтом, писателем – дело жизни* (Д), *Глаза не открываются* (Р), *Утром рано неохота вставать* (Р) и т.д.

* Для удобства восприятия материала после каждого примера в скобках стоит первая буква того ключевого слова, из ассоциативного поля которого взят пример.

Заметим, что во всех трех ассоциативных полях очень широко представлены синтагматические ассоциации. В поле на слово «работа»: *тяжелая* (8), *высокооплачиваемая* (4), *интересная* (6), *домашняя* (2), *творческая* (6), *веселая* (1), *выгодная* (1), *креативная* (1), *курсовая* (1), *увлекательная* (2), *умственная* (2), *черная* (1) и т.д. В поле на слово «дело»: *важное* (10), *любимое* (5), *доброе* (4), *серьезное* (2), *срочное* (2), *нехорошее* (1), *нужное* (1), *прибыльное* (3), *свое* (1), *финансовое* (1) и т.п. В поле на слово «труд»: *физический* (6), *облагораживает* (6), *тяжкий* (3), *полезный* (2), *принудительный* (2), *адский* (1), *добросовестный* (1), *научный* (1), *ручной* (1), *малооплачиваемый* (1), *учительский* (1) и т.п.

Анализируя ассоциативные поля, мы попытались выявить деривационный потенциал ключевых слов: «труд» – *трудиться, трудолюбие, трудоголик, трудовик, трудолюбивый*; «работа» – *заработок, работать, работодатель, рабочий (день), (способ) заработать, зарабатывать (денег)*; «дело» – *делопроизводство, деловая (колбаса), деловитость, делание (чего-либо)*. Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что в ассоциативном поле ключевых слов, репрезентирующих концепт «Труд», преобладают производные имена существительные, менее частотные глаголы, имена прилагательные встречаются крайне редко.

Интересен тот факт, что ассоциативное поле на слово «дело» содержит много реакций из сферы юриспруденции, судопроизводства: *уголовное* (16), *криминал* (6), *суд* (3), *протокол* (2), *Уголовный кодекс* (2), *правонарушение* (1), *преступник* (1), *прокуратура* (1), *прокурор* (1), *дело №...*(1), *СИЗО* (1), *статья* (1), *срок* (1), *судья* (1), *тюрьма* (1).

Хочется подчеркнуть, что среди ассоциаций особое место занимают реакции, представляющие собой пословицы, поговорки, фраземы: *работа не волк – в лес не убежит* (все компоненты структуры сохранены); *не волк – в лес не убежит* (пословица; один компонент структуры отсутствует); *мартышкин труд*; *терпение и труд все перетрут* (все компоненты структуры сохранены); *работа и труд все перетрут* (один компонент структуры заменен); *трудиться всегда пригодится* (варьируется первый компонент «учиться»);

сизифов труд; *дело мастера боится* (все компоненты структуры сохранены); *мастера боится* (один компонент структуры отсутствует); *делу – время, а потехе – час*; *без труда не выловишь и рыбку из пруда* (все компоненты структуры сохранены); *без труда не вытащишь и рыбку из пруда* и *без труда не получишь и рыбку из пруда* (пословицы, в которых варьируется глагольный компонент).

Заметим, что наиболее интересными и показательными в плане выявления креативного потенциала носителей языка, являются именно индивидуальные ассоциации. Наиболее яркими примерами последних являются, с нашей точки зрения, следующие реакции: *Роман Абрамович* (Т); *Гертруда* (Т, омофоническое созвучие); *Мавр сделал свое дело, Мавр может удалиться* (Д); *Имя суц., ср.р., ед.ч.* (Д); *Мужчина в пиджаке и с гарнитурой* (Д); *Тут наверно был «ять»* (Д); *Мао Цзэ Дун* (Т).

Можно выделить ассоциат студентки-пятикурсницы, который воспринимается как «крик души» выпускницы (реакция на слово-стимул «Труд»): *Это когда в конце пятого курса надо умудриться сдать диплом, 4 экзамена, госдиктант, госэкзамен, 2 московских тестирования.*

Подводя итог нашим рассуждениям, еще раз подчеркнем, что результаты проведенного эксперимента содержат богатый материал, который нуждается в тщательной интерпретации. В данной статье мы ограничились лишь некоторыми наблюдениями. Анализ ядерных реакций ассоциативных полей ключевых слов, репрезентирующих концепт «Труд», показал, что выдвинутая гипотеза подтвердилась частично: слово *работа* (82 ассоциации) является ядерной реакцией на слово «труд», при этом ключевое слово *дело*, обладающее индексом частотности 2, находится в зоне дальней периферии. Ядром ассоциативного поля на слово «работа» является слово *деньги* (99 ассоциаций); ключевое слово *труд* (78) попало в зону ближней периферии, а слово *дело* (3) – в зону дальней периферии. У слова «дело» два ядра: это *работа* и *бизнес* – по 27 ассоциаций. Ключевое слово *труд* (19) вместе с другими оформляет зону ближней периферии.

В перспективе исследование предполагает выявление зон пересечения ассоциативных полей, сопоставление полученных

результатов с данными «Русского ассоциативного словаря», проведение подобного эксперимента со студентами разных факультетов.

Литература

Бабушкин А.П. Поиск «тела знака» для наименования концепта // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12 – 14 мая 1999 г. – Тамбов, 1999. – С. 100 – 104.

Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М., 1997.

Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. Часть 1. – Екатеринбург, 2007.

Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – СПб., 1999.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. – Л., 1989.

Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентации концепта «Труд» в русском языке). – Волгоград, 2003.

©Злыденная Т.А., 2008

М.Л. Кусова
Екатеринбург

Развитие языковой личности младшего школьника в процессе филологического образования

Что отличает современные программы по русскому языку и чтению? Их основное отличие связано с изменением целевых установок, с тем, что во главу угла ставится развитие личности ребенка, а не просто приобретение им определенной суммы знаний и умений. Изменившийся подход определил и изменения в назывании учебных предметов. В большинстве программ вместо привычного названия «чтение» после завершения обучения грамоте предполагаются уроки литературного чтения, поскольку речь идет о начальном филологическом образовании ребенка, объединяющем изучение

языка и изучение литературы, и о включении содержания этого образования в целостную систему филологического образования в школе, когда изучение русского языка и литературы рассматривается как единый целостный процесс на протяжении всего периода обучения в школе, определяющий развитие личности школьника.

Мы подчеркиваем, что развитие личности определило изменения в содержании учебных предметов, в частности предмета «русский язык». В чем это проявляется? Содержание данных уроков сегодня предполагает активную деятельность самого ребенка, носителя языка, обращение к его собственному речевому опыту, учет его интересов в сфере языка и речи. Например, ребенок сам может выбрать текст, который он будет писать под диктовку, при чтении рассказа в учебнике по русскому языку решить вопрос, почему было трудно читать и как лучше написать этот рассказ.

Ориентация обучения русскому языку и речи на личность ребенка подчеркивается имеющими определениями задач обучения русскому языку и литературному чтению. Ставятся задачи по формированию у ребенка языковой эрудиции (глубоких знаний в области языка), языкового мышления (понимания ребенком правил языка), языкового чутья (осознания системы языка), по формированию ребенка как языковой личности, как грамотного носителя и пользователя языка, и как грамотного читателя.

Отметив наиболее существенные отличия современных образовательных программ, мы хотели бы выделить и отличия частные. Содержание современных уроков русского языка и литературного чтения отличается тем, что расширилась их понятийная база, а следовательно, расширился круг терминов, которыми овладевает ребенок. Например, сильная или слабая позиция фонемы, основа слова, приставочный способ словообразования, литературный герой и т.п.

Обучение ведется на более высоком уровне обобщения, что предполагает достаточный уровень владения логическими операциями: сравнением, классификацией, дифференциацией и т.п. Учебная деятельность, обеспечивающая ребенка новым опытом, обращена и к ранее полученному жизненному опыту

ребенка в различных областях действительности (Какие города ты знаешь? Как называется город, село, где ты живешь? Почему так называется? Где живут ежи? Где живут ерши? Зачем нужно знать алфавит?). При этом подчеркнем, что имеющиеся в учебниках вопросы направлены не только на определение осведомленности ребенка в различных областях знаний (Какие птицы открывают весну там, где ты живешь?), но и на определение позиции самого ребенка, его отношения к тому или иному явлению, в том числе к речевому продукту (Почему эти стихотворные строки вызывают у тебя улыбку? Как ты понимаешь смысл стихотворения? А как ты думаешь, можно ли «проводить зиму»? Объясни свое мнение). Вопросы сформулированы так, что подчеркивается интерес окружающих к мнению и точке зрения ребенка, ребенок осознает свою значимость в этой новой для него деятельности, коммуникации в учебном процессе.

Существенные изменения претерпевает методика обучения орфографии, направленная на то, чтобы ребенок осознанно овладевал грамотным письмом, в работе по развитию речи четко формулируется цель – обучение ребенка коммуникации, которая ранее была абстрактной. Задача по овладению ребенком речью в процессе общения становится первоочередной в современных программах, все другие задачи ей подчиняются. На уроках русского языка ребенок не просто учится грамотно писать. Осваивая правила орфографии и пунктуации, он открывает для себя язык как предмет изучения, осознает единицы языка: звук, слово, предложение, таким образом продолжается начинающийся в старшем дошкольном возрасте переход от интуитивного использования средств языка к осознанному. На уроках литературного чтения большое внимание уделяется формированию в ребенке грамотного читателя, восприятию произведений художественной литературы как произведений искусства. Содержание учебных книг обеспечивает не только дальнейшее развитие вербально-семантического уровня языковой личности младшего школьника, но и уровня когнитивного в плане формирования представлений и понятий, связанных с языком как фрагментом картины мира, и прагматического, связанного с осознанным употреблением

школьником единиц языка в собственной речевой деятельности (о структуре языковой личности см. Ю.Н. Караулов 1987).

Характеристику программ по русскому языку начнем с программы «Традиционная школа», разработанной Т.Г. Рамзаевой.

В педагогических кругах и родительском сообществе об этой программе иногда говорят с некоторой долей снисходительности, отказывая ей в возможности решения задач, стоящих перед образованием сегодня. Возможно, данный факт определяется длительной реализацией программы, появившейся в 80-ые годы, во время первой попытки нашего образования перейти на четырехлетнее обучение в начальной школе. Попытка не удалась, негативное отношение осталось, хотя неудача никоим образом не связана с содержанием самой программы. К тому же сегодня эта программа существенно переработана, и те изменения, о которых шла речь ранее, нашли в ней отражение. Основную линию данной программы можно определить так: познавательная деятельность ребенка направлена на язык, в результате чего ребенок осознает данный фрагмент картины мира, воспринимает язык как оптимальное средство общения и начинает в определенной степени осознанно использовать языковые средства в процессе общения.

Ранее мы отмечали, что на уроках русского языка последовательно формируются умения, значимые для всех учебных предметов. В данной программе акцентируется внимание на особом месте русского языка в школьном курсе как средства обучения другим предметам. Мотивация, связанная с овладением данным фрагментом картины мира, поддерживается не только содержанием самого предмета «Русский язык», но и связями этого предмета с другими предметами, межпредметными связями: показана связь с уроками чтения, ознакомления с окружающим миром и т.п. Учебник для первого класса разработан в жанре «учебник-тетрадь», ребенок может выполнять задания прямо в учебнике; начиная со второго класса, учебник приобретает традиционные признаки учебной книги по русскому языку, в которой предлагаются теоретические сведения и упражнения, направленные на закрепление этих теоретических сведений и

развитие речи. Задания в большинстве своем мотивируют деятельность ребенка: Придумай! Догадайся! Выбери! Мотивы, интересы, оценки, проявляющиеся в речевой деятельности школьников, в методическом аппарате данных учебников нашли непосредственное отражение.

Задания в учебнике построены таким образом, чтобы заинтересовать ученика и обеспечить понимание того, что желание заниматься русским языком принадлежит ему, а не навязывается взрослыми. Учащимся предлагаются лично значимые мотивы языкового образования. Оказывается, на уроке можно поделиться своими впечатлениями: Почему вы решили, что отгадка *сахар*? Приходилось ли вам видеть живого крота? Как это произошло? Почему необходимо включать в предложения слова, которые отвечают на вопрос *какие*? Полагаем, что благодаря подобным заданиям у ребенка не только формируется интерес к учебному предмету (ни для кого не секрет, что дети считают уроки русского языка самыми трудными и редко называют их в числе любимых) и этот интерес станет для ребенка мотивом деятельности, но ребенок ощущает уважение к собственной языковой личности: нет бесконечного навязывания заданий, в целесообразности выполнения которых ребенок нередко сомневается. Фрагмент картины мира «язык» наполняется содержанием, близким и понятным для ребенка.

Целесообразность выполняемых действий ребенку демонстрируется постоянно, автор учебника помогает школьнику понять, зачем ему нужно владеть теми или иными сведениями о языке и языковых явлениях. Например, много внимания уделяется анализу звукового состава слова (Какими согласными звуками различаются эти слова?), установлению связи звука и буквы, и тут же подчеркивается, что правильно воспринимать звучащее слово необходимо, чтобы правильно его писать. Обращаясь к учебнику по русскому языку, школьник одновременно учится организовывать свое общение с учебником, свою познавательную деятельность. Не секрет, что работать с источником информации порой не умеют даже школьники среднего звена. Например, при повторении они с трудом обнаруживают необходимый материал, нуждаются в

указании на страницу и параграф, не понимают учебную задачу и т.п. Работая по данному учебнику, школьник учится видеть учебную задачу, понимает, какие именно сведения и какие действия востребованы. Например, предлагается составить свою загадку о предметах, но затем педагог уточняет: Что значит составить загадку?; найти способ решения этой учебной задачи (школьники отвечают на вопрос: Как узнать, сколько в слове слогов? Как найти в предложении главные члены?). Дети учатся точно выполнять задания и контролировать себя (например, предлагается самодиктовка, широко используются сигнальные карточки; обращаясь к проверочным словам, дети объясняют, почему это слово проверочное и т.д.).

Материал в данной программе распределяется следующим образом. Первый класс следует рассматривать как подготовительный этап к изучению основного курса «Русский язык», здесь предлагаются лишь элементарные сведения о языке и речи и демонстрируется связь этих сведений с деятельностью самого ребенка: уточняются обыденные представления ребенка о данном фрагменте картины мира. Можно заметить, что таким образом автор учебника подчеркивает практическую значимость в овладении данным материалом. К осознанию практической значимости сведений, получаемых на уроках русского языка, сам ученик приходит чаще к концу обучения в среднем звене школы, однако полагаем, что если ранее эта практическая значимость не обозначена, то позднее школьнику трудно ее увидеть и трудно с ней согласиться. Поэтому не всегда школьник в своем развитии достигает прагматического уровня языковой личности.

В рамках анализируемого учебника знакомство с теорией языка строится таким образом, что дети понимают: они изучают те единицы, которые есть в их собственной речи. В речи есть слова, называющие предметы, признаки предметов и т.д., позднее они узнают, что в речи есть существительные, прилагательные, что эти слова выполняют определенную функцию в предложении. Дети видят: речь используется в процессе общения для достижения различных коммуникативных целей: спросить, сообщить, поделиться

эмоциями, - минимальной единицей коммуникации является предложение, более крупной - текст.

Именно с текстом связана прежде всего речевая направленность курса «Русский язык» в описываемом учебнике. Школьники учатся определять тему текста и его основную мысль, видеть средства связи в тексте, средства выразительности как выражение авторской позиции, авторского отношения, учатся создавать собственный текст. Заметим, что при подобном обучении собственный текст ребенок будет создавать, понимая, как это нужно делать, а не просто случайно угадывая. При создании текста школьником будут учитываться коммуникативные ситуации, коммуникативные роли. Учащиеся осознают все три плана текста: содержание (о чем текст, какова его основная мысль), структура (как построен текст), средства выразительности (какие языковые средства используются, чтобы воздействовать на адресата речи). Когнитивный и прагматический уровни языковой личности здесь представлены в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Следующая программа, на представлении содержания которой мы остановимся, руководствуясь тем же подходом, развитие языковой личности ребенка, - это программа по русскому языку в образовательной программе «Школа 2100», авторы Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Пронина. Ориентация на личность ребенка, на фрагмент картины мира, связанный с языком, в этой программе актуализирована в большей степени. В качестве задач обучения определяется формирование у детей патриотических чувств по отношению к языку как части национальной культуры, осознание себя носителем этого языка, языковой личностью, формирование потребности в использовании всех тех средств, что предоставляет нам язык, формирование чувства языка и приобретение знаний и умений, необходимых для того, чтобы использовать языковые ресурсы. В качестве иллюстрации можно привести следующие фразы из учебника: «Русский язык – твой родной язык; Русский язык богат и красив...» Данная программа также направлена на овладение ребенком сведениями о языке (о звуке, слове, предложении), языковыми умениями (умениями проанализировать звуковой состав слова, определить морфемы в

слове, выполнить анализ слова как части речи и т.п.) и на речевое развитие ребенка.

Еще одно отличие данной программы и учебных книг, в которых эта программа реализуется, связано с тем, что современный русский язык представлен в сопоставлении с другими языками и русским языком на разных этапах его существования. Например, звуки русского языка сравниваются со звуками в английском и немецком языках, правила постановки ударения в русском языке с соответствующими правилами в чешском и французском языках, русские имена с армянскими, сравниваются традиции современного русского языка и языка древнерусского. Задания в учебнике сформулированы таким образом, что обеспечивают активное включение школьника в содержание предмета. В трудных случаях предлагается напоминание «Не забудь ...», при выполнении заданий на классификацию учащиеся сами определяют критерии классификации (ранее мы говорили о недостаточной сформированности у школьников умений, связанных с выполнением логических операций), учатся видеть учебную задачу и определять пути ее решения. Например, учащимся предлагается самостоятельно определить, как нужно действовать, чтобы правильно расставить запятые в предложении с однородными членами; учащимся предлагается алгоритм действий, которые нужно выполнить для решения определенной задачи (Как надо действовать, чтобы правильно написать безударную гласную в корне слова), а в дальнейшем подобные алгоритмы учащиеся составляют сами (Составь самостоятельно инструкцию «Как нужно действовать, чтобы правильно поставить запятые в сложном предложении»).

Авторы учебника стремятся, чтобы практически все выполняемые ребенком задания представлялись ему необходимыми, даже запоминание слов, трудных с точки зрения написания. Например, предлагается вопрос: Почему написание двойных согласных в словах приходится запоминать? Таким образом, скучная и бесконечная процедура запоминания словарных слов мотивируется самим учеником: он сам объяснил, почему нет иного пути усвоения написания этих слов, кроме запоминания. Можно привести еще один пример:

анализируя правописание окончаний существительных, дети выясняют, в написании каких окончаний можно допустить ошибку, а каких – нельзя. Ученики сами определяют, какое правило нужно вспомнить для правильного написания слов в том или ином тексте.

Авторы представляют содержание уроков русского языка, выделяя вопрос: «Чем ты будешь заниматься на уроках русского языка?», что вызывает интерес к данным урокам. Интерес к предмету «Русский язык» поддерживается всем содержанием учебника: идет разговор об интересных словах, сообщаются интересные исторические, естественнонаучные сведения.

Интерес обеспечивается и тем, что учащиеся оказываются в позиции исследователей языка, например, сравнивают падежную систему русского языка и изучаемого иностранного языка. Активность учащихся в процессе обучения определяется обращением к ребенку как личности. Вопросы и задания в учебнике сформулированы так, что очевиден интерес к позиции самого ребенка, его мнению: Объясни, почему именно в таком порядке ты расставил слова; Докажи, что у тебя получился текст; Как ты думаешь, однокоренные ли эти слова?; Запиши предложение, которое тебе особенно понравилось.

Цели обучения русскому языку авторы данной программы связывают с формированием функционально грамотной личности, с языковым и речевым развитием ребенка, с осознанием ребенком себя носителем языка. Говоря о функционально грамотной личности, авторы имеют в виду ученика, способного не только усвоить предлагаемые сведения, но и использовать эти сведения в собственной деятельности, а также умеющего получать необходимые сведения. Очевидно, что функционально грамотная личность способна понять, на реализацию какой цели какие действия направлены, для чего нужны знания о языке и языковые умения.

Коммуникативная направленность данной программы связана в первую очередь с овладением учащимися научным стилем речи, точнее, учебно-научным текстом, что представляется очень логичным, так как именно учебно-научный стиль используется в школьных учебниках. Включение в учебную деятельность определяет для учащихся

включение и в новую сферу общения, где используется и иной стиль общения, научный, ранее недоступный ребенку. Этому стилю общения ребенок учится на уроках русского языка. Он учится понимать научный текст, например, на темы о русском языке и языке других народов, и создавать собственный научный текст. Например: поработай над своей устной научной речью; составь устный рассказ на тему «Имя существительное как часть речи» по плану. Ранее мы говорили о типичных затруднениях учащихся, вызванных восприятием текста. Следует подчеркнуть, что данный учебник помогает учащимся преодолеть эти затруднения. Решение задач по восприятию и созданию собственного текста осуществляется и в силу того, что в рамках данной программы и на уроках русского языка, и на уроках чтения у детей формируется читательская деятельность, формируются умения, необходимые для овладения чтением как действием. Дети учатся быть читателями.

Таким образом, анализ учебных книг по русскому языку и обращение к учебным книгам по литературному чтению позволяют сделать вывод, что современные учебники отражают все уровни формирования языковой личности, что субъектный принцип и личностно ориентированный подход определили не только общие подходы к организации учебной деятельности, но и содержание филологического образования в контексте формирования языковой личности.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
©Кусова М.Л., 2008

Э.А. Лазарева, Е.В. Рябова
Екатеринбург

**Когнитивное взаимодействие
как конституирующий признак Интернет-дискурса**

Коммуникативное пространство Интернета устроено сложно. В нем существует и взаимодействует огромное количество самостоятельных смысловых (когнитивных) сфер. Интернет отражает окружающую действительность, создает аналог жизни в электронном виде, поэтому в Интернете мы видим все аспекты нашего существования: бытовые, общественные, экономические, политические, культурные и т.д. Кроме того, Интернет предоставляет разные возможности по обмену информацией, что становится способом «существования» человека: общаясь в Интернете, люди становятся ближе друг другу в Сети, а не в реальной жизни. То есть Интернет создает некую реальность, существующую по многим законам жизни человека, но и имеющую ряд особенностей, отражает жизнь человека и воссоздает в электронном виде все, что с ней связано. Поэтому интерес филологов к проблемам информационного пространства Интернет все возрастает, лингвисты подробно стали изучать область Интернет-текстов: язык Интернета, дискурс Интернета, коммуникативные свойства Интернета и т.д. Сферу наших интересов составляет Интернет как средство массовой коммуникации, особенности его дискурса, построения текстов, их восприятие, влияние, оказываемое на адресата. Наша цель – проанализировать особенности дискурса Интернет как СМК. По нашим наблюдениям, такой чертой, которая позволяет организовывать сложный дискурс электронного СМК, является свойство, близкое к выявленному ранее приему «когнитивного столкновения» [Лазарева, 2004]. Это свойство мы называем «когнитивное взаимодействие» и считаем его образующим особенности Интернет как СМК.

Большая часть потребляемой пользователями Интернета продукции представлена в текстовой форме. Каждый текст вообще имеет когнитивные свойства и может рассматриваться в сочетании с другими произведениями, это касается и текстов Глобальной Сети. В целом, можно рассматривать любое вербальное произведение с точки зрения того, какую роль оно сыграло в когнитивном процессе. В соответствии с этим в литературе описан такой выразительный прием, как когнитивное столкновение [Лазарева, 2004, Волчкова, Лазарева,

Булатова, Рябова, 2005]. Данный прием основан на взаимосвязи когнитивных сфер разных дискурсов. Коммуникативное пространство складывается как структурированное единство множества взаимодействующих дискурсов (политического, рекламного, бытового, художественного, научного, спортивного, экономического и т.д.), используемых в соответствующих коммуникативных областях и отражающих разные когнитивные сферы. В СМИ, а также в политической рекламе эффективно используется прием построения составного текста (газетного номера, телевизионной передачи), основанный на взаимодействии разных типов дискурсов. То есть когнитивное столкновение строится на намеренном наложении текста одного смыслового поля на текст с совершенно другим смысловым полем. Дискурсы разных текстов смешиваются, один из них «маскируется», скрывается за другим, следовательно, адресат воспринимает сразу двойную информацию: очевидный смысл того дискурса, за которым "прячется" другой, и суть скрытого дискурса, направленного на достижение целей автора. Таким образом, в сознание читателя направляется нейтральная по отношению к целям автора информация и та, которая необходима ему для решения поставленных задач. В результате данный прием выступает как средство воздействия и очень часто – манипулирования сознанием адресата. В период предвыборных кампаний, агитационных программ особенно характерен этот прием для политического дискурса. Внедрение политического дискурса в тексты с иными коммуникативными свойствами оказывается весьма эффективным для формирования политических позиций потенциальных избирателей.

Например, в предвыборный период на городских улицах часто появляются плакаты с изображением политиков. И при этом изображение политика необязательно ориентирует адресата именно на предвыборную ситуацию. Улыбчивый политик с плаката может поздравлять с праздником горожан, может говорить о благотворительной деятельности своего фонда, о помощи городским учреждениям (больницам, детдомам, домам престарелых и т.п.), о проведении городского праздника и других темах, которые напрямую совершенно не связаны с грядущими выборами. В этом случае мы видим наложение одного типа

дискурса на другой, маскировку истинных целей автора. Скрывая за поздравительным, благотворительным, социальным дискурсом истинный дискурс – политический – политик добивается своих целей манипулятивными методами. Адресат видит информацию о том, что некий политический деятель оказывает помощь городским учреждениям. Адресат получает позитивную информацию о человеке, оказывается, что политика можно уважать, поскольку он так много делает для развития города, помогает нуждающимся, он открыт людям и творит добро. В итоге, адресат получает положительную информацию о человеке накануне выборов, и во время выборов срабатывает механизм узнавания «хорошего человека». Это в общем виде механизм работы манипулятивного приема когнитивного столкновения.

Прием когнитивного столкновения рассматривается Э.А. Лазаревой [Лазарева, 2004] на примере многотемных газет, агитирующих за конкретных политиков. Многотемность данных СМИ проявляется в том, что политики, положительные образы которых призваны формировать издания, активно участвуют во всех сферах общественной жизни: их действия касаются и благоустройства жилища, и борьбы с чиновниками, и улучшения образования, и борьбы за своевременную выплату зарплат и пенсий, и поздравлений с праздниками и многого другого. Поэтому тексты данных СМИ многотемны, охватывают широкий спектр всех действий рекламируемого политика.

В качестве примера можно вспомнить многотемные предвыборные издания, которые в огромном количестве высыплются в почтовые ящики потенциальных избирателей, раздаются на улицах, в транспорте, учреждениях и т.д. Рассмотрим одно такое издание. Накануне выборов депутатов в Государственную Думу партия «Справедливая Россия» издавала газету «Справедливая Россия», в которой подробно рассказывалось о положительных сторонах партии, о ее представителях, особенно о кандидатах в депутаты, и об их деятельности. Вот в одном номере данной газеты мы встречаем такой дискурсивный набор: один кандидат рассказывает о себе (семья, карьера, планы политической деятельности, здоровье, мечты, малая родина, научная деятельность); второй кандидат в

деталей разбирает деятельность партии «СР» (здесь затронуты темы экономики, коррупции, работа административных и правоохранительных органов, взяточничество, дезинформация населения); новостной блок затрагивает темы деятельности мэра Нижнего Тагила (дискредитирует его), подорожания сигарет и проезда в транспорте, отсутствие на Урале уполномоченного по правам детей; отдельные материалы посвящены тому, как партия «СР» помогла инвалиду, девочке с серьезной травмой головы, а также опубликованы тексты, дискредитирующие работу Парламента и партии «Единая Россия», рекламирующие от имени актеров В. Золотухина, А. Михайлова, Р. Макаровой и Э. Пьехи партию «СР», завершается номер кроссвордом. Таким образом, в одном номере мы видим столкновение разнообразных дискурсов: социального, медицинского, политического, благотворительного, финансового, коррупционного, юридического, научного и т.д. Адресат видит, что представители партии принимают участие во многих проектах, ведут большую работу, имеют свое суждение по многим вопросам, предлагают множество проектов и планов реконструкции чего-либо. Стало быть, образ представителей партии в глазах аудитории создается исключительно позитивный и богатый опять же в манипулятивных целях: столь активные, думающие и положительно настроенные по отношению к адресату люди воспринимаются позитивно и имеют больше шансов на выборах.

Прием когнитивного столкновения применяется вообще в СМК как выразительный ресурс, организующий манипулятивный эффект. Но черты этого приема можно увидеть и анализируя тексты Интернета, поскольку смысловые сферы в текстах Сети столь же сложно переплетены, как и в реальности. Например, в текстах СМИ в Интернете данный прием тоже может использоваться как выразительное средство, но то, что используется в инвариантном СМИ – классических печатных СМИ, – становится определяющим признаком Интернет-изданий и вообще любого текста Интернета. Прием когнитивного столкновения – это то, что помогает определить суть одного из главных свойств Интернет-произведений – когнитивное взаимодействие (соположение).

Если рассмотреть текст газеты в Интернете, то становится понятно, что СМИ в данном случае – это сложное, меняющееся явление. Его трудно описать, но можно дать ему характеристики, одной из которых и определяющей становится **когнитивное взаимодействие**. Свойство, близкое к приему когнитивного столкновения, но и отличное от него.

Проиллюстрировать сказанное можно, разобрав любой сайт Интернета, в котором когнитивное взаимодействие видно очень хорошо. Обратимся к известному сайту «e1», пользующемуся большой популярностью в Екатеринбурге и Свердловской области. На этом сайте одновременно расположено огромное количество сведений на самые разные темы: работа, недвижимость, новости, продажа и покупка авто, интервью с известными личностями, реклама, образование, бизнес, розыгрыши, телепрограмма, курс валют, погода. И это только набор, предложенный на главной странице сайта. Всего страниц предлагается несколько: *главная, новости, бизнес, справка, технологии, авто, афиша, еда, отдых, дом, здоровье, общение, почта, клуб, вопросы* (как пользоваться сайтом). На каждой странице есть отсылка к другим страницам, на другие темы. Например, находясь на странице «авто», пользователь всегда видит ссылки на все, предложенные в «меню», страницы сайта, видит повторы элементов (допустим, проект «попутчик», может быть заявлен на главной странице и на тематической «авто»). Вот эта совокупность, соположение дискурсов на одном пространстве сайта и есть анализируемый нами прием когнитивного взаимодействия. Все эти дискурсы организуют смысловое пространство сайта «e1», создают его целостность, которую воспринимает адресат.

Подобное явление можно наблюдать, например, и на информационном портале «Andex.ru» (Андекс). Здесь удивительным образом совмещаются следующие дискурсы: *перевозка больных, стрейч пленка, алмазные диски, гувернантки, путешествия, деревянные евроокна, лечение в Германии, скупка авто, ветеринар, ремонт принтеров*, кроме этого, портал предлагает услуги поисковика. Так, совмещая столь разнообразные смысловые поля, образуется информационный портал как единое целое, как некий центр,

куда обращается адресат, чтобы что-то узнать, сравнить, купить и т.д.

Когнитивное столкновение как выразительный прием подразумевает намеренное столкновение разных смысловых областей, а когнитивное взаимодействие – это неперенное условие существования разнообразных дискурсов в Интернете. Интернет-СМИ, поисковые системы, блоги, сайты и т.п. возможности, которые предлагает Интернет, сама Глобальная Сеть характеризуется когнитивным взаимодействием (соположением) разнообразных дискурсов. Когнитивное взаимодействие – это уже не прием, используемый в целях воздействия на аудиторию, а способ построения Интернет-дискурса, отражающий многообразие окружающих жизненных событий, ситуаций, это обязательное условие функционирования разнообразных смысловых сфер в Интернете. Суть когнитивного взаимодействия проявляется в сосуществовании большого количества смысловых сфер в одном смысловом поле, сайте, странице в Интернете в условиях постоянного их обновления, изменения, обогащения или, наоборот, обеднения. Например, Интернет-издания характеризуются удивительной активностью существования: новости появляются на сайте в тот момент, когда создаются, нет периода ожидания выхода в печать. Новость готова – новость всем предложена. При такой оперативности СМИ в Сети постоянно «обрастают» новыми текстами, входящими в разные дискурсы и изменяющими их. *Когнитивное взаимодействие – это свойство, с помощью которого можно объяснить, каким образом организуется дискурс Интернет СМИ.*

Поисковые системы, например, «Яндекс», «Рамблер», устроены таким образом, что их пользователь не только запрашивает необходимую ему информацию, но и получает огромное количество дополнительных, сопутствующих сведений.

Рассмотрим суть когнитивного взаимодействия на примере страницы поисковой системы «Яндекс». Здесь сосуществует множество когнитивных сфер: новостная, экономическая, деловая, спортивная, развлекательная, бытовая, коммуникативная, рекламная, финансовая, игровая,

потребительская и т.п. «Яндекс» – поисковая система, в которой по специальному запросу можно найти все, что есть в Интернете на интересующую вас тему. Но, кроме поисковых услуг, «Яндекс», как любая Интернет-структура, Интернет-проект, предлагает дополнительные возможности: здесь можно прочитывать свежие новости, пообщаться с друзьями, выйти в блоги, форумы, посмотреть киноафишу и рецензии, узнать, что и где продается и покупается, увидеть курсы валют, уточнить расписания транспорта, увидеть бальную шкалу пробок на улицах родного города, скачать карту города, новые игры, поучаствовать в конкурсах, просмотреть личную почту, телепрограмму, узнать необходимые телефоны и адреса, выйти на тематические сайты (дом, кулинария, карьера, семья, дети и т.д.), и это еще не все возможности, которые предлагает «Яндекс». Таким образом, в поисковой системе одновременно существует невероятное множество дискурсов. Сложность и особенность данной структуры заключается в том, что все дискурсы располагаются одновременно на одной странице «Яндекса». Однако перед глазами пользователя только ссылки-названия дискурсов (информационных полей, смысловых блоков). Аудитории предлагается огромный набор ссылок. Переходя по ссылке, пользователь оказывается на новой странице, где раскрыт интересующий его дискурс, однако и другие дискурсы так же упоминаются: здесь присутствуют ссылки на иные страницы, посвященные другим дискурсам. Например, выйдя на любую страницу, пользователь всегда видит строку главной страницы «Яндекса»: *поиск, новости, маркет, карты, словари, блоги, видео, картинки*. С одной стороны, это позволяет воспользоваться услугами поисковика, не выходя в «главное меню», с другой стороны, это демонстрация самой сути структуры любого интернетовского проекта. Такое сосуществование на любом уровне сразу нескольких когнитивных сфер и есть то свойство, о котором мы ведем речь, – когнитивное взаимодействие.

Все смысловые центры (дискурсы) взаимодействуют друг с другом. Во-первых, при помощи ссылок и повторов, во-вторых, все дискурсы организованы на одной главной странице «Яндекса» и образуют некую систему с постоянным и

определенным расположением элементов. Эта систематизация направлена на адресата, чтобы облегчить ему пользование поисковой системой, однако эта систематизация – непереносимое условие включения большого количества дискурса в общую структуру. Каждое смысловое поле имеет свое наполнение, по-своему организовано и располагается в определенном месте на основной, главной странице. Структурированное расположение самостоятельных дискурсов в «Яндексе», их взаимодействие, их обогащение и изменение вообще в значительной степени формирует целостность самой поисковой системы. Для пользователя поисковая система или любой другой Интернет-проект является неким сложным целостным образованием. Вся совокупность когнитивных сфер воспринимается как единое целое, имеющее собственные границы, которое даже при делении (открытии отдельных окон, когнитивных областей) сохраняет целостность, поскольку всегда дает ссылки на иные когнитивные сферы, использует повторы, чтобы адресат видел и знал, сколько возможностей одновременно он имеет в данной структуре.

Говоря о сложном взаимодействии когнитивных областей в Интернет-проектах, уместно вспомнить о термине «гипертекст», который исследуется с разных сторон, и к анализу гипертекста, его пониманию существует множество подходов. Применительно к разбору Интернет как СМК, гипертекст мы будем понимать как текст (в понимании Р. Барта), дискурс со сложной структурой, в которой одновременно существуют и связано отсылочным образом множество разнообразной информации, поданной в разных формах, с использованием разнообразных кодов и разных жанров, которую каждый адресат интерпретирует по-своему, соотносит предложенные части общей структуры по-разному. То есть, например, сам «Яндекс» является гипертекстом потому, что в нем размещено одновременно и предложено адресату на равных сразу множество когнитивных сфер, и адресат получает большое количество информации, работает с ней, и каждый из адресатов по-своему интерпретирует и сопоставляет полученную информацию. И для каждого из адресатов «Яндекс» – источник особой информации, может быть, только как поисковик, может

быть, как способ выхода на сайты и блоги, для кого-то возможность посмотреть погоду и узнать новости города и страны, кто-то пользуется только электронной почтой на «Яндексе» и т.д.

Итак, мы говорим о том, что любое произведение, строящееся на кодах разных семиотических систем, имеет когнитивные свойства и может быть рассмотрено с точки зрения того, какую роль оно играет в когнитивном процессе. Описать когнитивные особенности текста позволяет известный прием и сущностное свойство когнитивного столкновения, поэтому на основе имеющегося термина «когнитивное столкновение» был создан новый – «когнитивное взаимодействие, соположение».

Особенно важно отметить то, что механизм создания приема когнитивного столкновения и такого свойства Интернет-дискурса, как когнитивное взаимодействие, – одинаков. Дискурсивные области объединяются, начинают взаимодействовать и рождать новые и новые смыслы, обогащают адресата, дают больше возможностей по работе с информацией.

Литература

Лазарева Э.А., Булатова Э.В., Волчкова И.М., Рябова Е.В. политический и рекламный дискурс и его влияние на социум. – Екатеринбург, 2005.

Лазарева Э.А. Когнитивное столкновение – прием построения текстов современных СМИ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Труды Уральского психолингвистического общества. – Екатеринбург, 2004.

Лазарева Э.А. Конституирующие особенности Интернет-рекламы. – в печати.

Шейнов В.П. Психология влияния: Скрытое управление, манипулирование и защита от них. – М., 2002.

©Лазарева Э.А., 2008

©Рябова Е.В., 2008

**С.А. Минюрова
Екатеринбург**

Психологические характеристики речевой тревожности иностраннных студентов

Вступление нашей страны в Болонский процесс открывает российское высшее образование для иностранных граждан. Необходимость изучения русского языка является естественным основанием для вхождения иностранцев в образовательный процесс. Студенты должны овладеть как специальной лексикой, что предполагает получение профильного образования, так и освоиться в потоке повседневного речевого общения, которое осуществляется по законам языка, представляющего собой систему фонетических, лексических, грамматических, стилистических средств и правил. Желание правильно, позитивно проявить себя в новой речевой среде, с одной стороны, но, с другой стороны, боязнь ошибок, насмешек, непонимания может привести к возникновению у студентов речевой тревожности. Это, в свою очередь, может существенно повлиять на их академическую успеваемость, а также привести к возникновению психологических барьеров при межличностном взаимодействии в русскоязычной среде. Для того чтобы помочь иностранным студентам справиться с речевой тревожностью, актуально изучение психологической природы данного явления.

Тревожность рассматривается в психологии как индивидуально-психологическая особенность, которая проявляется в переживании эмоционального дискомфорта, ощущается как напряжение, озабоченность, невозможность принятия решения, как чувство неопределенности, грозящей неудачи и т.п. [Большой ... 2005]. Тревожность, имея природную основу, складывается прижизненно, в результате действия социальных факторов. Исследователи отмечают, что в дошкольном, младшем школьном возрастах причиной бывают нарушения детско-родительских отношений. В более взрослом возрасте тревожность может порождаться внутренними конфликтами, преимущественно самооценочного характера. Существует классификация тревожности по разным основаниям

(Р. Кэттел, Ч. Спилбергер, Ю.Л. Ханин). Различают ситуативную тревожность, которая характеризует состояние человека в определенный момент, и тревожность как относительно устойчивое образование, личностное свойство. Выделяется устойчивая тревожность в какой-либо сфере – частная, «связанная» (школьная, экзаменационная, межличностная и др.) и общая, «разлитая», свободно меняющая объекты в зависимости от изменения их значимости для человека. Речевая тревожность изучается чаще всего в связи с выявлением психологических особенностей заикающихся людей, а также при анализе психологических проблем, возникающих при публичных выступлениях. По мнению исследователей, речевая тревожность достаточно хорошо соотносится с ситуативной, а иногда даже с общей тревожностью.

Мы считаем, что речевая тревожность, возникающая у иностранных студентов в ситуации общения на русском языке в процессе обучения, имеет сложную психологическую природу. В качестве причин ее возникновения могут быть рассмотрены как индивидуальные особенности человека и специфика ситуации, в которой разворачивается социальное взаимодействие, так и уровень языковой подготовки. Психологические характеристики, через которые может проявляться речевая тревожность у иностранных студентов, обусловленная теми или иными причинами, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Психологические характеристики речевой тревожности
иностраннных студентов

<i>Причины речевой тревожности</i>	<i>Психологические характеристики речевой тревожности</i>
Индивидуальные особенности человека	Застенчивость Низкая самооценка
Особенности ситуации общения	Нерешительность при общении с людьми более высокого статуса

	Боязнь публичного выступления
Уровень языковой подготовки	Непонимание речи собеседника Неуверенность в знании правил языка при построении собственного высказывания

Для выявления индивидуальной предрасположенности иностранных студентов к речевой тревожности и формулировки предположений о причинах ее возникновения, мы провели пилотажное исследование. В качестве его участников выступили иностранные студенты, обучающиеся в вузах г. Екатеринбурга (в сборе материала участвовал выпускник факультета психологии УрГПУ Нэджми Ширшилоглы). Родными языками для респондентов являлись: турецкий (три человека), индонезийский (два человека), корейский (один человек), тайский (один человек), английский (один человек). Средний возраст, с которого участники исследования изучают русский язык, составил 23 года.

В качестве основной методики исследования была использована «Карта контроля состояния речи» [Практикум ... 2007]. Согласно этой методике испытуемым предъявляется список из 24 предложений, описывающих эмоциональные состояния в различных ситуациях речевого общения, с которыми они должны согласиться или нет. Затем с помощью ключа оценивается индивидуальная предрасположенность респондентов к речевой тревожности, ее уровень.

Мы модифицировали данную методику как с позиции предъявления материала, так и с позиции обработки полученных данных. При предъявлении высказываний мы просили респондентов оценить их с точки зрения речевого общения в двух вариантах: на родном и на русском языке.

При обработке данных были внесены дополнительные критерии. На основе контент-анализа список высказываний был классифицирован на три группы. Первая группа включила высказывания, описывающие эмоциональные состояния, обусловленные индивидуальными особенностями человека,

вторая – особенностями ситуации общения, третья – уровнем языковой подготовки.

Примеры высказываний, вошедших в каждую группу, приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Примеры высказываний, описывающих речевую тревожность, обусловленную разными причинами

<i>Причины речевой тревожности</i>	Индивидуальные особенности человека	Особенности ситуации общения	Уровень языковой подготовки
<i>Примеры высказываний</i>	<p>Всегда, когда я говорю, я чувствую себя совершенно уверенно.</p> <p>Я часто нервничаю, когда говорю.</p>	<p>Мне трудно разговаривать с моим начальником или учителем.</p> <p>Даже одна мысль о необходимости говорить в общественном месте меня пугает.</p>	<p>Одни слова мне труднее произнести, чем другие.</p> <p>Моя речь иногда смущает моих собеседников.</p>

В качестве дополнительного метода получения данных был использован письменный опрос. Респондентам было предложено в специальных бланках оценить: насколько они уверены в знании русского языка; насколько они легко понимают речь на русском языке; как к ним относятся местные жители; как к ним относятся преподаватели русского языка.

Полученные в ходе исследования данные были классифицированы посредством номинативной шкалы. Это позволило подсчитать частоты встречаемости значений признака, а затем работать с полученными частотами с помощью математических методов.

В Таблице 3 представлено распределение участников исследования в зависимости от уровня речевой тревожности. Согласно полученным данным повышенный и высокий уровень

речевой тревожности отмечается у респондентов при общении на русском языке.

Таблица 3

Распределение участников исследования
в зависимости от уровня речевой тревожности (N=8)

Показатели уровня речевой тревожности	Количество респондентов, испытывающих речевую тревожность в ситуации общения	
	на родном языке	на русском языке
Высокий уровень	–	2
Повышенный уровень	2	4
Нормальный уровень	5	1
Низкий уровень	1	1

Анализ индивидуальных случаев показал, что только у одного респондента выявлен нормальный уровень речевой тревожности в ситуациях общения как на родном, так и на русском языке. Это студент из Индонезии, который сообщил о себе, что кроме родного владеет следующими языками: английским, арабским, русским, минангкабаутским. При этом респондент дифференцированно оценивает свои знания на разных языках. Если владение родным языком он оценивает максимально в пять баллов, то, например, знание и понимание английского языка оценивает в четыре балла, знание русского языка – в четыре, а его понимание – в три балла. Отношение к себе россиян респондент оценивает в три балла, отношение преподавателя русского языка – в четыре балла.

У одного респондента из всей выборки выявлены чрезвычайно низкие показатели речевой тревожности в ситуациях общения как на родном, так и на русском языке. Это может быть интерпретировано как результат завышенной самооценки. Данный факт подтвердился при анализе оценок этим респондентом всех других характеристик ситуации общения, которые он оценил максимально в пять баллов.

Анализ этих случаев позволяет предположить, что дифференцированность восприятия ситуаций общения

способствует формированию адекватной самооценки при общении на иностранном языке, снижает речевую тревожность.

В Таблице 4 представлена выявленная в нашем исследовании средняя частота встречаемости признаков речевой тревожности при общении респондентов на родном и русском языке, обусловленных разными причинами.

Таблица 4

Средняя частота встречаемости признаков речевой тревожности, обусловленных разными причинами

<i>Причины речевой тревожности</i>	<i>Частота встречаемости признаков речевой тревожности</i>		<i>Разность частот</i>
	<i>на родном языке</i>	<i>на русском языке</i>	
<i>Индивидуальные особенности человека</i>	1,9	2,9	1
<i>Особенности ситуации общения</i>	2	4	2
<i>Уровень языковой подготовки</i>	1,2	3,2	2

Анализ показывает, что частота встречаемости признаков речевой тревожности, обусловленных как индивидуальными особенностями человека и спецификой ситуации, так и уровнем языковой подготовки, выше при общении на русском языке по сравнению с общением на родном языке. Использование λ -критерия Колмогорова-Смирнова ($p < 0,05$) позволило выявить достоверные различия между показателями речевой тревожности, проявляющихся при общении на родном и русском языке, когда причинами этой тревожности являются особенности ситуации и уровень языковой подготовки.

Сопоставление частоты встречаемости признаков речевой тревожности, обусловленных разными причинами при общении на родном языке, показывает, что ее значения больше, когда причинами тревожности являются специфика ситуации и индивидуальные особенности человека. Такая речевая

тревожность, скорее всего, является устойчивым личностным образованием человека, либо ситуативной реакцией, возникает в определенных условиях.

Сопоставление частоты встречаемости признаков речевой тревожности, обусловленных разными причинами при общении на русском языке, показывает, что ее значения достаточно высоки, когда причиной тревожности является уровень языковой подготовки. Так, семь из восьми респондентов отметили, что им не нравится, как они говорят на русском языке. Однако наиболее высока частота встречаемости признаков речевой тревожности при общении на русском языке, когда ее причинами являются особенности ситуации. Проявление речевой тревожности при этом обнаруживается через следующие признаки: трудно разговаривать с начальником или учителем; трудно говорить перед группой; пугает даже мысль о необходимости говорить в общественном месте и т.п.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что речевая тревожность у иностранных студентов при общении на русском языке не является устойчивым личностным образованием, а представляет собой эмоциональную реакцию на конкретные ситуации общения и взаимодействия. Контроль и коррекция такой речевой тревожности возможны как со стороны самих студентов (методы аутотренинга), так и при организации социальной поддержки со стороны преподавателей, которые работают с иностранцами.

В широком смысле социальная поддержка – это совокупность положительных влияний ближайшей социальной среды, помогающей успешной интеграции человека в систему социальных взаимоотношений [Раудсепп 1989]. Люди, пользующиеся поддержкой, более адаптированы и более успешны по сравнению с теми, у кого она отсутствует или является недостаточной. Социальная поддержка удовлетворяет различные потребности: быть защищенным, признанным, принадлежать общности, иметь возможности самореализации. В более узком смысле социальной поддержкой называют прямую помощь в стрессовых ситуациях. Поскольку в реальной жизни

стрессовые и не стрессовые ситуации переплетены между собой, то учитываются обе модели поддержки. Существуют различные типологии социальной поддержки, основанные на различных классификациях межличностных потребностей и социальных ресурсов. Мы считаем, что в случае коррекции речевой тревожности при общении иностранных студентов на русском языке наиболее эффективны такие виды поддержки со стороны преподавателей:

- эмоциональная поддержка – выражение близости, эмпатии, заботливости, понимания, доверительный стиль личностного общения;
- информационная поддержка – предоставление информации, помогающей решать проблемы; помощь в анализе ситуации, обратная связь;
- статусная поддержка – выражение одобрения, принятия, поддержка самоуважения; предоставление информации необходимой для самооценки;
- инструментальная поддержка – оказание практической помощи в достижении цели или решении проблем, преодолении кризиса;
- диффузная поддержка – дружеское общение, совместная творческая деятельность, а также создание ощущения солидарности с другими; в ситуации стресса - отвлечение от стрессора и т.д.

Поддержка направлена при этом на удовлетворение различных потребностей студентов: быть защищенными, признанными, принадлежать общности, иметь возможности самореализации. Опосредующее влияние поддержки действует на различных уровнях:

- на физиологическом уровне (уменьшение тревожности);
- на уровне мотивационной сферы (восприятие внешнего внимания, заботы повышает внутреннюю мотивацию студентов);
- на уровне аффективной сферы (создание чувства защищенности, безопасности);

- на уровне когнитивной сферы (усвоение новых точек зрения, альтернативный контекст при восприятии стрессовой ситуации);
- на уровне поведения (новые способы решения проблем, предоставление альтернативных моделей поведения и т.д.);
- на личностном уровне (поддержка самоуважения, предоставление эмоциональной опоры, поддержка чувств внутреннего контроля, компетентности, имеющие большое значение для мобилизации внутренних ресурсов в стрессовых ситуациях).

Литература

Большой психологический словарь/ Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб., 2005. С. 552-553.

Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / В.Д. Балин, В.К. Гайда, В.К. Гербачевский и др. Под общей ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. – СПб., 2007. С. 188-190.

Раудсепп, М. Субъект и поддерживающая среда / М. Раудсепп // *Средовые условия развития социальных общностей*. –Таллинн, 1989. С. 67-89.

©Минюрова С.А., 2008

С.В. Плотникова
Екатеринбург

**Экспериментальное исследование процессов номинации
у детей дошкольного возраста**

В психолингвистических исследованиях, посвященных изучению процесса овладения родным языком, детская речь рассматривается как «относительно самостоятельная деятельность, со своеобразными целями, мотивами, со сложным иерархическим строением» [Шахнарович, Юрьева 1990: 43]. Ребенок в своей речи оперирует особыми средствами, внешне похожими на средства языка взрослых, но резко отличающимися от них по своему функциональному использованию и семантическому наполнению. Важность изучения особенностей речевой деятельности ребенка для решения как частных, так и общих лингвистических проблем подчеркивали многие исследователи (Е.С. Кубрякова, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович, С.Н. Цейтлин и др.). Одной из таких проблем является проблема порождения речи и, в частности, один из ее аспектов – проблема номинации.

Номинация, рассматриваемая как акт процесса порождения речи, представляет собой «речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо создание подходящего названия для него» [Кубрякова 2008: 42]. В структуре акта номинации выделяются замысел говорящего, анализ ситуации, при котором степень ее детализации определяется прагматическими установками говорящего, и выбор единицы номинации из определенной

совокупности имеющихся в словесной памяти или, при необходимости, создание новой единицы с помощью механизмов деривации. Большая часть исследований процесса номинации в детской речи посвящена выявлению именно механизмов деривации, так как ребенок часто восполняет номинативный дефицит, создавая новые единицы по усвоенным правилам (А. М. Вайнштейн, Т. А. Гридина, Т. Н. Ушакова, С. Н. Цейтлин, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева и др.).

Наше исследование направлено на выявление особенностей поиска и выбора готовой единицы номинации в детской речи. Хранилищем готовых единиц номинации, из которого они извлекаются человеком в процессе речевой деятельности, является лексикон – «система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах» [Кубрякова 1996: 97]. К основным характеристикам лексикона относятся ассоциативно-вербальный принцип его организации, наличие ядерной и периферийной частей, функционирование его как динамической системы, самоорганизующейся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами [Залевская 2000: 154].

Функционирование лексикона непосредственно связано не только с хранящимися в нем языковыми единицами, но и со стоящими за этими единицами структурами представления экстралингвистического знания. Поиск готовой единицы номинации состоит в соотнесении выделенного в процессе когнитивной деятельности с учетом прагматических речевых факторов набора смыслов для номинации с языковыми значениями хранящихся в лексиконе единиц. Ребенок дошкольного возраста, в силу особенностей своего когнитивного и речевого развития, не владеет еще в полной мере языковыми значениями, и у него процесс поиска единицы номинации протекает не так, как у взрослого носителя языка. Изучение этого процесса с помощью экспериментальных методов, с нашей точки зрения, поможет уточнить представления о языковом сознании ребенка, о способах организации языковых знаний в его лексиконе и механизмах оперирования этими знаниями в процессе речевой деятельности.

В качестве материала для экспериментального исследования процесса номинации у детей дошкольного возраста была избрана группа глаголов, обозначающих в русском языке внеязыковую ситуацию поступательного движения субъекта. Выбор этой группы лексики обусловлен тем, что физическое движение рано выделяется ребенком в воспринимаемом им окружающем мире, осмысливается и означает. Глаголы движения относятся к высокочастотной лексике русского языка, они входят в число самых частотных слов и в речи детей дошкольного возраста. В то же время процесс усвоения значений этих глаголов изучен недостаточно, в рассматриваемом нами аспекте – анализа ребенком внеязыковой ситуации и выбора подходящего глагола для ее номинации – функционирование глагольного лексикона русскоязычного ребенка, насколько нам известно, не изучалось вообще.

Для исследования механизма выбора глагола движения как средства номинации при обозначении в речи ситуации поступательного движения субъекта был проведен эксперимент, в котором участвовало 50 детей дошкольного возраста – носителей русского языка. Все испытуемые – нормально развивающиеся дети в возрасте от 3,5 до 7 лет, посещающие детские дошкольные учреждения г. Екатеринбурга. Эксперимент проводился в форме индивидуальной беседы с ребенком, в ходе которой ему последовательно предъявлялись изображения движущихся объектов и предлагалось рассказать о том, что он видит. Если ребенок называл объекты, не описывая их действий, то экспериментатор задавал вопрос: «Что делает (...)?», побуждая тем самым испытуемого к выбору средства номинации действия. Таким образом, в ходе эксперимента создавались условия, при которых ребенок должен был самостоятельно выделить с опорой на изображение признаки внеязыковой ситуации и подобрать подходящее для номинации совокупности выделенных признаков средство. Объектом нашего анализа явились глаголы, использованные детьми при интерпретации содержания иллюстрации.

При анализе полученных в ходе эксперимента данных нас интересовало: 1) какие единицы номинации (глаголы) для обозначения разных видов движения имеются в лексиконе

дошкольника; 2) какие элементы внеязыковой ситуации поступательного движения субъекта в первую очередь выделяются ребенком и объективируются с помощью глагола движения, т.е. соотносятся с компонентами его языкового значения. В соответствии с задачами эксперимента предъявляемые детям изображения были подобраны таким образом, чтобы на них были с очевидностью представлены важнейшие элементы ситуации поступательного движения, которые отражаются в семантических структурах глаголов и определяют выбор того или иного глагола в процессе номинации в речи взрослого носителя русского языка: разные субъекты (человек /животное /транспортное средство), среда, в которой осуществляется движение (вода /воздух /твердая поверхность для опоры), используемые средства (органы тела: ноги /ноги и руки /крылья /все тело; транспортные средства), особенности осуществления перемещения (резко отталкиваясь от поверхности / не отрываясь от поверхности / вращаясь /чеканя шаг и др.), плоскость и направление перемещения (вверх /вниз), точки маршрута (исходная /промежуточная /конечная). Всего было использовано 26 изображений с разными комбинациями указанных признаков.

Необходимо отметить, что изображение движущегося объекта не всегда вызывало у ребенка интересующую нас реакцию: в экспериментальных данных 26 отказов и 90 детских высказываний, не содержащих глагола движения. Поскольку существенным для нашего эксперимента является самостоятельный, произвольный выбор ребенком глагола движения, в ходе беседы мы специально не фиксировали внимание ребенка на том, что объект движется, и не вызывали искусственно нужную нам реакцию, тем более что интерпретация ребенком содержания иллюстрации в определенном смысле информативна для нашего исследования даже в том случае, если она не связана с анализом ситуации движения. Ассоциации, возникающие в сознании ребенка при восприятии иллюстрации, иногда приводили к «домысливанию» изображения: бегущий мальчик в спортивных трусах *«играет в мяч»* или *«играет в футбол»*, хотя ни мяча, ни каких-либо

других признаков игры в футбол на иллюстрации нет; кот, догоняющий мышку, «мурлыкает»; шагающий человек в военной форме – «милиционер, который штрафует всех, кто ходит в неположенных местах», марширующие с оружием в руках солдаты «стреляют», «воюют» или даже «дерутся», поднимающийся по приставной лестнице мальчик «красит» и т.п. Эти реакции, особенно часто наблюдающиеся у детей до 5 лет, свидетельствуют, с одной стороны, о формировании в сознании ребенка определенных стереотипов восприятия действительности, как собственно «детских», так и социально обусловленных, а с другой – о произвольности психических процессов. Как видно из приведенных примеров, субъект действия находится в фокусе внимания ребенка и его признаки предопределяют осмысление ребенком воспринимаемой ситуации: опираясь на свой жизненный опыт, ребенок приписывает субъекту то действие, которое, с его точки зрения, тот должен совершать, даже если это противоречит изображенному на иллюстрации.

Вторая тенденция, которая выявляется при анализе детских высказываний, не содержащих глаголов движения, – осмысление при анализе ситуации цели, которую преследует субъект: кот, догоняющий мышку, «собирается поймать ее», «хочет съесть мышку», летящая сова «охотится», а также (реже) причины, побуждающей к действию: перелезающий через забор мальчик «опаздывает в школу». Показательно, что и при фиксации внимания ребенка на ситуации движения, о чем говорит используемый им для номинации движения глагол, примерно в 4 % случаев в высказывании также появлялись маркеры осмысления цели этого движения с опорой на внешние признаки субъекта. Если изображен ребенок с портфелем, то он «идет в школу», взрослый с портфелем – «идет на работу по лестнице», мальчик на лыжах – «идет к финишу», всадники с оружием – «идут сражаться». Встретилось в нашем материале и указание ребенком на причину: заяц «бежит от волка».

В 1184 детских высказываниях было использовано 47 разных глаголов движения. В основном это глаголы, в значении которых конкретизированы семы 'среда', 'способ передвижения': бегать, бежать, ехать, идти, кататься,

летать, лететь, плавать, плыть, ползать, ползти, прыгать, скакать, а также ‘плоскость передвижения’ или ‘целенаправленность’: *подниматься, спускаться, гнаться, гоняться*. Глаголы с более конкретными значениями, включающими признаки, характеризующие движение, уточняющие его направленность по отношению к исходному или конечному пункту, используются редко. Даже 6-7-летние дети, участвовавшие в нашем эксперименте, лишь в единичных случаях использовали такие глаголы, как *карабкаться, красться, лезть, нырять, подкрадываться, подходить, шагать, маршировать* и др. В то же время почти все испытуемые независимо от возраста зафиксировали с помощью глагола такой признак ситуации движения, как преодоление препятствия на пути движения: *перелезает, перешагивает, перепрыгивает, перескакивает*. Надо отметить, что изображению соответствовал только первый из перечисленных глаголов, т.е. дети не выделяют признаки, связанные с характером движения, используемыми средствами (или не соотносят их со значением глагола), более важным для них является другой признак – наличие препятствия. Заметим, что этот признак выражен в глаголе словообразовательными средствами, а механизмы словообразования именно в этом возрасте активно осваиваются детьми.

Стратегия выбора в процессе номинации достаточно общих по своему значению глаголов движения соответствует ядерному их положению в лексиконе ребенка. В некоторых случаях такая стратегия вполне оправданна, так как говорящий может в разной степени детализировать анализируемую ситуацию и с разной степенью точности отображать ее при выборе средств номинации. Нет никаких оснований для того, чтобы расценить как неверное использование для номинации глагола *идти* вместо *маршировать* или *шагать*, *бежать* вместо *скакать*, *идти* вместо *подниматься* или *спускаться* и т.п. Однако, как показывают данные эксперимента, дети опираются на эту стратегию без учета особенностей семантики используемого глагола, что приводит к ошибочному его употреблению. Например, глаголы *идти*, *бежать* могут употребляться детьми в значении ‘перемещаться’, без учета способа и характера

движения: люди, скачущие на лошадях, «идут» или «бегут на лошадях»; мальчик, карабкающийся вверх по приставной лестнице, «идет по лесенке». Подобные примеры расширенного понимания значения глагола движения присутствуют в основном в ответах детей 3-5 лет и свидетельствуют либо о недостаточном внимании к способу движения при анализе ситуации, либо о недостаточном усвоении семантики соответствующих глаголов.

Из 47 глаголов, использованных детьми, 22 были хотя бы один раз употреблены неверно (14% всех словоупотреблений глаголов движения). Среди них глаголы с достаточно общими значениями *идти, ехать, ездить, бежать, плавать, подниматься, спускаться*, а также (реже) глаголы, конкретизирующие те или иные характеристики движения, – *скакать, прыгать, залезать, забираться, перепрыгивать, перешигивать*. Среди глаголов, которые употреблялись детьми всегда безошибочно, преобладают глаголы с конкретными значениями, например, *ползти, катиться, шагать, маршировать, лезть, нырять*, однако доля словоупотреблений этих глаголов в общем количестве словоупотреблений незначительна ввиду редкого их использования детьми.

Выбор ребенком слова для названия того или иного вида движения позволяет определить наиболее актуальные для него семантические признаки, на которые он неосознанно ориентируется в процессе номинации. Существенным для языкового сознания дошкольников является различие движений по среде, в которой оно осуществляется: глаголы *идти, плыть, лететь* никогда не смешиваются детьми; при назывании несамостоятельного движения преимущественно используются глаголы передвижения в определенной среде (например, *плыть*, а не *ехать*). Кроме того, на основе признака ‘жидкая среда’ наблюдается смешение глаголов *плыть, нырять, купаться*. Хорошо осознается дошкольниками также сема ‘плоскость перемещения’: для обозначения вертикального перемещения детьми используются в основном специализированные глаголы. Однако направление движения ‘вверх’ или ‘вниз’ учитывается не всегда, что ведет к ошибкам в употреблении глаголов *спускаться / подниматься*.

Несущественным для дошкольников в процессе номинации оказалось различие глаголов по общей направленности движения: дети с одинаковой частотой использовали как направленные (*плыть, лететь, катиться*), так и ненаправленные глаголы (*плавать, летать, кататься*), описывая одну и ту же ситуацию. Дети младшего возраста (3-4 года) предпочитают ненаправленные глаголы, т.е. фактически используют глагол ненаправленного движения для обозначения постоянной характеристики определенного субъекта, его способности к данному виду движения: черепаха *ползает*, кошка *бегает*, автобус *ездит*. Доля глаголов направленного движения постепенно увеличивается с возрастом испытуемых. В паре *идти – ходить* предпочтение во всех возрастных группах испытуемых отдается глаголу *идти*, что может объясняться стремлением ребенка к осмыслению действия как целенаправленного, как мы отмечали ранее. Глагол *идти* в русском языке является прежде всего средством обозначения целенаправленного движения, а не определенного способа движения ('с помощью ног по твердой поверхности') [Майсак, Рахилина 1999].

Редко учитывают дошкольники признаки, характеризующие движение, фиксирующие в своем значении его специфические особенности: 'цепляясь руками и ногами', 'тайком, незаметно', 'с трудом', 'по-военному'. Это приводит к использованию либо более общего по значению глагола (*подходить* вместо *подкрадываться, подниматься* вместо *залезать, идти* или *ходить* вместо *маршировать* и т.п.), либо глагола, значение которого противоречит описываемой ситуации (*перешагивать, перепрыгивать* вместо *перелезть, идти* вместо *скакать* и под.). Для определения возможной стратегии ребенка при выборе глагола в дополнение к основному эксперименту с детьми была проведена беседа, направленная на установление наличия глаголов *скакать, лезть, красться, мчаться, маршировать, нырять* в пассивной части лексикона, в ходе которой выяснилось, что большинством детей эти глаголы пассивно усвоены. Следовательно, случаи более или менее адекватной замены этих глаголов в процессе номинации могут быть обусловлены двумя причинами. Во-первых, стратегией

выбора более общего по значению глагола в условиях отсутствия установки на точное отображение всех деталей описываемой ситуации. Предпочтение этой стратегии также объясняется и малым речевым опытом ребенка, несформированностью у него механизмов поиска слова в лексиконе, при этом ядерные единицы всегда наготове и легко «всплывают» в сознании. Вторая причина редкого использования глаголов, в значении которых закреплены особенности движения, заключается в особенностях детского восприятия: либо ситуация воспринимается целостно и ребенок просто не выделяет в ней важных для выбора точного слова деталей, либо все внимание ребенка сосредотачивается на какой-либо актуальной для него детали и именно ее он стремится зафиксировать при выборе единицы номинации. В последнем случае, как правило, возникает ошибочное употребление слова. Например, в нашем материале наибольшее количество ошибок в выборе глагола было зафиксировано при интерпретации детьми изображений, на которых человек перелезал через забор (фиксация внимания на элементе «препятствие» выражалась в использовании глаголов с приставкой *пере-*), мальчик взбирался по приставной лестнице, цепляясь руками и ногами (самым важным для детей оказывался факт движения вверх), котенок подкрадывался к птенцу (все внимание детей было сосредоточено на цели движения), люди в военной форме маршировали (важнейшие детали – форма и оружие).

Таким образом, анализ полученных в ходе эксперимента данных позволил выявить несколько возможных факторов, определяющих процессы номинации у дошкольников: ошибочная («детская») интерпретация ситуации, обусловленная недостаточным жизненным опытом ребенка; концентрация внимания ребенка на каком-либо одном элементе ситуации, чаще всего на субъекте движения, и невнимание к другим элементам, деталям; неувоение всего комплекса семантических признаков языкового значения слова, используемого для номинации, или несформированность механизмов выбора единицы номинации, стратегия использования первого всплывающего в сознании слова.

Литература

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М., 2000.

Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 2008.

Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Семантика и статистика: глагол идти на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 53-65.

Шахнарович А. М., Юрьева Н. М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. – М., 1990.

©Плотникова С.В., 2008

Т.В. Попова
Екатеринбург

Немцы и Германия: национальные стереотипы русских

Межсоциумная межкультурная коммуникация в значительной степени опирается на стереотипы восприятия иной нации, сложившиеся в ходе исторического взаимодействия с ней. Стереотипы восприятия другой нации опираются на противопоставление «свои» и «чужие», которое «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» [Степанов 2001: 126].

Современная наука определяет стереотип следующим образом: это «некое “представление” фрагмента окружающей действительности, фиксированная “ментальная картинка”,

являющаяся результатом отражения в сознании личности “типового” фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира ... стереотип есть некая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образное представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [Красных 2003: 231-232].

В.В. Красных, выделяет 2 вида стереотипов восприятия: стереотип как сценарий ситуации, сценарий поведения в ней и стереотип как собственно представление, наглядно-образная или фреймовая картинка явления. Для анализа стереотипов восприятия другой нации актуальны обе его разновидности.

Взаимоотношения России и Германии имеют длительную, но неоднозначную историю. Поэтому стереотипы восприятия немцев русскими и русских немцами необходимо изучать, выявлять происходящие в них изменения и, по возможности, оптимизировать. Наиболее серьезно данная проблема на лингвистическом материале рассматривалась такими учеными, как И.М. Кобозевой, З.Д. Поповой, Ю.Е. Прохоровым, И.А. Стерниным, В.И. Шалак и др.

И.М. Кобозева предложила особую методику для выявления стереотипов национальных характеров, сложившихся в языковой картине мира носителей языка, - лексико-семантический эксперимент [Кобозева 2000: 185-197], направленный на экспликацию коннотаций, отражающих связанные со словом культурные представления и традиции. Коннотации этнонимов *русский, немец, англичанин, француз* отражают несущественные, но устойчивые признаки выражаемого словом понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта [Апресян 1974: 67, Апресян 1988: 36]. Объективным проявлением коннотации признается не только наличие оценочных элементов в словарной дефиниции этнонима, но и «интерпретация псевдотавтологий «*X есть X*», которые

информативны именно в силу того, что в них объекту X имплицитно предиктируется свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа», и конструкций «Он X, но он P» [Кобозева 2000: 186].

Анализ результатов эксперимента, в котором участвовало 50 человек, позволил И.М. Кобозевой выявить дескрипторы, использованные носителями русского языка для описания немцев. Немец обычно:

- *аккуратен (14 реакций), чистоплотен (3), до тошноты аккуратен (1), опрятен (2), подтянут (1), собран (1);*
- *педантичен (8), пунктуален (7), четок (3), точен (3); экономен (1), расчетлив (1), рачителен (1), скуп (1);*
- *неинтересен (1), зануден (1), банален (1), примитивен (1); вьедлив (1), дотошен (1);*
- *сдержан (1), холоден (1), упорен (1), настойчив в достижении чего-л. (1);*
- *работоспособен (2);*
- *расторопен (1); вышколен (1), вежлив (1), добродушен (1), осторожен (1).*

Данные дескрипторы были объединены в группы, представляющие набор характерологических черт, свойственных немцам: *аккуратность (22), педантичность (21), исполнительность (8), экономность (4), неинтересность (4), вьедливость (2), сдержанность (2), упорность (2) и работоспособность (2)*

На втором этапе эксперимента проводилась декомпозиция (компонентный анализ) значений слов-дескрипторов с целью выявления общих для них сем. Так, для лексем *педантичный, аккуратный, исполнительный, вышколенный, вежливый* (73% всех реакций) был выделен интегральный компонент «соблюдающий норму, действующий по общим правилам»; для лексем *вьедливый, педантичный* – компонент «буквализм» и т.д. Это позволило выстроить иерархию стереотипов, характеризующих немцев: «следование нормам и правилам» обуславливает их «неинтересность» (как правило, интересно то, что отступает от нормы), педантичность, сдержанность и иные характеристики [Кобозева 2000: 189-190].

Национальные стереотипы, связанные с восприятием немцев русскими, изучал и В.И. Шалак (<http://www.vaal.ru>). Его работы интересны в нескольких аспектах: 1) они опираются на анализ разных материалов: текстов русской классической литературы, текстов печатных СМИ XXI в., Интернет-материалов; 2) исследование учитывает результаты контент-анализа, проведенного с помощью компьютеризированной психолингвистической экспертной системы «ВААЛ»; 3) оно представляет динамику изменения этих стереотипов в течение 1998-2006 гг.

В.И. Шалак, отталкиваясь от работ И.М. Кобозевой, решил повторить ее исследование, но не путем очередного опроса, а путем контент-анализа разных текстов. По его мнению, «далеко не каждому человеку в своей жизни приходится много общаться с представителями разных наций, чтобы иметь возможность составить о них свое личное мнение. Тем не менее, у каждого из нас имеются некоторые устойчивые представления о них. Откуда берутся эти представления? Ответ достаточно очевиден - из произведений литературы, из художественных фильмов, газет, программ ТВ, рассказов других людей» (Там же).

Поэтому прежде всего анализировались произведения обязательной программы по литературе для поступающих в вузы. В ней собран тот минимум, который должен быть усвоен каждым культурным человеком, готовящимся к продолжению своего образования. Эта программа является санкционированной государством социально-культурной нормой, в которой нашли отражение основные социальные типы людей с особенностями их поведения в различных ситуациях, взглядами на окружающий мир и т.д.

Список исследуемых стереотипов был расширен до восьми. В него вошли **американцы, англичане, евреи, немцы, русские, украинцы, французы и японцы**. Инструментом анализа послужила психолингвистическая экспертная система ВААЛ. Общий объем проанализированных текстов составил более 44 мегабайт.

А.Г. Шмелевым и его коллегами были выделены 15 лексических классов, используемых в российской культуре для представления личностных черт (см. первый столбик табл. 1).

Таблица 1. Лексемы, эксплицирующие личностные особенности отдельных наций

Смысловая шкала	Пример полюса (-)	Пример полюса (+)
Доброжелательность	Злой, бесчеловечный	Добрый, сердечный
Интеллект	Глупый, тупица	Думающий, просвещенный
Экстраверсия	Апатичный	Оживленный
Самоконтроль	Небрежный	Обязательный
Независимость	Слабый, тряпка	Сильный, боец
Спокойствие	Невыдержанный, раздражительный	Покладистый, спокойный
Непрактичность	Опытный, практичный	Наивный
Правдивость	Лгун	Незапятнанный, праведный
Доминантность	Соглашатель	Неуступчивый
Неизбалованность	Избалованный, капризный	Непритязательный
Деятельность	Волокитчик	Дельный, деловой
Открытость	Нелюдимый	Раскрепощенный
Эгоизм	Непритязательный	Гордец, самолюбивый
Грубость	Изысканный, музыкальный	Наглый, невежливый
Необычность	Типичный	Необычный

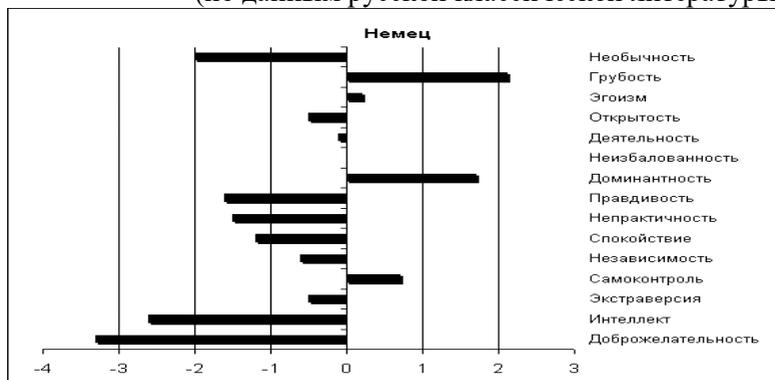
Контент-анализ текстов русской и зарубежной литературы XIX в., входящей в обязательную программу средней школы, обнаружил, что немцы представлены в классической литературе

как заурядные, грубые, неуступчивые, лживые, практичные, глупые и недоброжелательные люди (см. диаграмму 1).

При этом немцы, как и японцы, американцы и украинцы, оказались менее близки русским, по сравнению с англичанами, евреями и французами.

Диаграмма 1. Личностные особенности немцев

(по данным русской классической литературы)

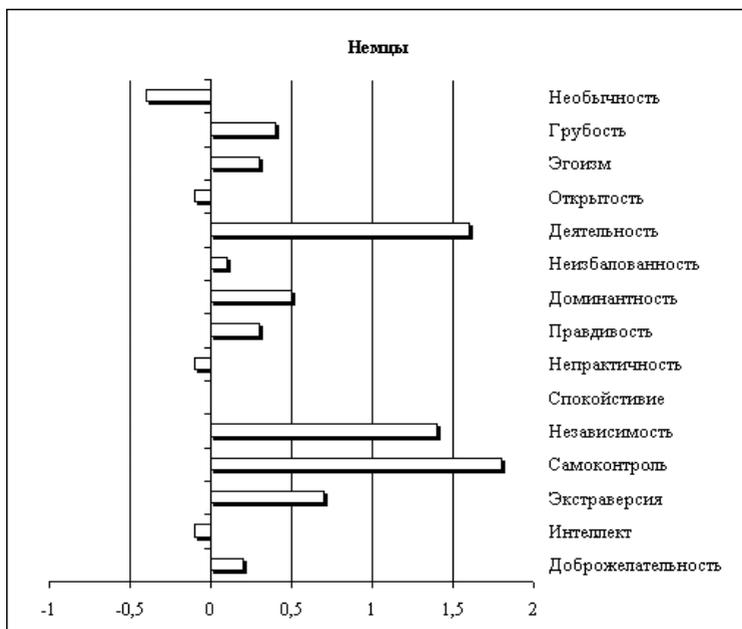
Вероятно, это отчасти объясняется не только историческими причинами, но и эгоцентризмом писателей и поэтов. «Большинство людей воспринимают родную культуру как точку отсчета, как единственно возможную меру вещей. Таковую позицию принято называть эгоцентризмом, и он играет исключительно важную роль в МКК. Мы помещаем себя, нашу расовую, этническую или социальную группу в центр универсума и соответственно этому оцениваем всех других. Чем более они похожи на нас, тем ближе к себе мы помещаем их в этой модели; чем больше расхождения, тем дальше от себя определяем мы их место...» (Трушина 1998: 68-69).

По данным В.И. Шалак, «русские люди сами считают себя довольно симпатичными. Главные их черты - **ум, доброта** и желание жить по **правде**. Из других национальностей наибольшие симпатии у них вызывают **англичане, французы** и, к некоторому удивлению, **евреи**. Т.е. несмотря на имеющий место бытовой антисемитизм стереотип евреев в русской литературе наделен и хорошими чертами, которыми сами

русские не прочь обладать. Структура стереотипа **евреев** довольно близка стереотипу **русских**. Наименее же симпатичны **немцы, японцы** и, как это ни странно, **украинцы**. Исторически наиболее близкая нация наделена просто букетом негативных черт. Не намного лучше отношение к **американцам**» (<http://www.vaal.ru>).

На втором этапе В.И. Шалак обратился к материалам российских СМИ: анализировались все публикации за первые три квартала 2000 года следующих 24-х газет разной идеологической направленности и содержания: «Вечерняя Москва», «Известия», «Аргументы и факты», «Ведомости», «Время МН», «Звезда», «Завтра», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Московская правда», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Общая газета», «Парламентская газета», «Правда-КПРФ», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Советская Россия», «Трибуна», «Труд», «Сегодня». Анализировались лишь контексты (предложения), в которых упоминались представители интересующих нас национальностей. Оценки производились по тем же параметрам, что и в предыдущем исследовании.

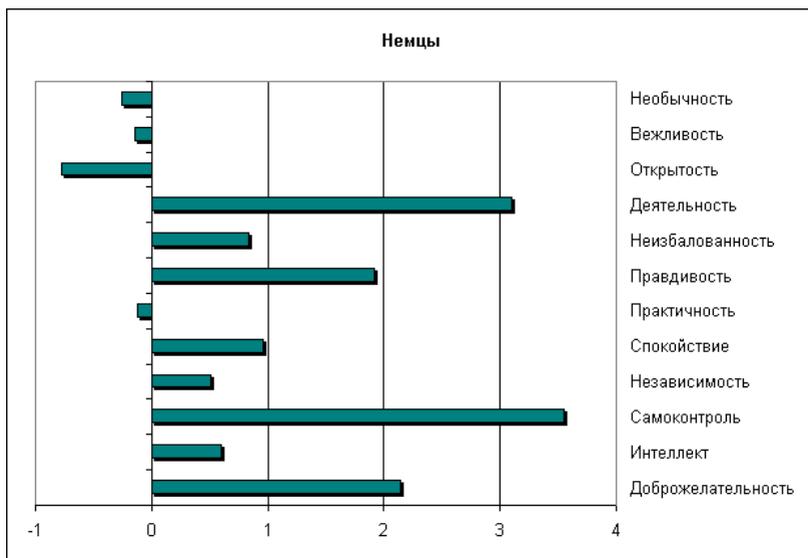
Диаграмма 2. Личностные особенности немцев
(по данным русских СМИ)

Результаты существенно изменились (см. диаграмму 2): немцы в представлении русских СМИ деловиты, решительны, пунктуальны. Если сравнить эти оценки с оценками на материале литературы, то **англичане, французы, японцы и немцы** укрепили свой имидж. Стереотипы восприятия этих наций изменились в лучшую сторону. Особенно это касается **японцев**. Объяснение очевидно: Япония сейчас чуть ли не лучший друг России, высокоразвитая и высокотехнологичная страна, время военного противостояния ушло в прошлое. А вот **украинцы** и особенно **американцы** стали более чужды русским. Незначительно ухудшился имидж **евреев**.

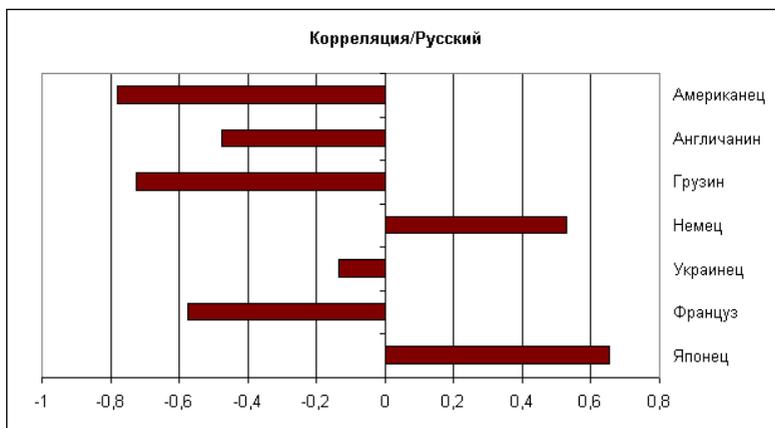
На III этапе анализировались публикации русскоязычного фрагмента сети Интернет за 2006 год. Для этого с помощью программы VISру (интернет-интерфейса к программе ВААЛ) было собрано из глобальной сети более 6 Мб текста, относящегося к данной проблеме. Его анализ с помощью программы ВААЛ(R) дал следующие результаты (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Личностные особенности немцев
(по данным русскоязычного фрагмента Интернета)

Анализ Интернет-публикаций показал, что наиболее симпатичны для русских **японцы и немцы**, наименее - **грузины, англичане и американцы** (см. корреляцию личностных черт разных наций на диаграмме 4). **Немцы** обладают только положительными чертами – дисциплинированностью, склонностью к самоконтролю, доброжелательностью и правдивостью. Ярко выраженных отрицательных черт у них нет (диаграмма 3).

Диаграмма 4. Корреляция личностных особенностей русских и других наций

Стереотипы восприятия разных наций могут быть выявлены и иным способом - по данным ассоциативных экспериментов: стереотипы 80-90-х гг. XX в. – по данным «Русского ассоциативного словаря» («РАС») в 2-х тт. (М., 2002), стереотипы начала XXI в. – по данным новых экспериментов.

В «РАС» Германия среди этнонимов представлена достаточно полно (см. табл. 2). Только она и Россия имеют все 3 типа этнонимов: название страны, ее жителей и относительное прилагательное, мотивированное именем страны или ее жителя. Это свидетельство тесной исторической связи этих двух государств, их значимости друг для друга.

В «РАС» представлен ряд стимулов, которые позволяют выявить отношение русского общества к Германии и немцам: *Германия, немцы/ немец, немецкий, ариец, нацизм, фашизм, нордический, Бах, Бисмарк, Гете, Шиллер, Фаустус, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, ГДР*. Для анализа были выбраны те из них, которые нейтральны в эмоционально-оценочном отношении, являются основными номинативами нации и созданного ею государства, связаны друг с другом сильными двусторонними ассоциативными связями, а также ассоциируются с прецедентными феноменами Германии. Это стимулы *Германия, немцы – немец, немецкий, ариец*. Стимул *Германия* порождает реакции *немцы/ немец 5, Пруссия 1, Deutschland 1*; стимулы *немцы/ немец* - реакции *Германия, из*

Германии, страна (Германия) б. Стимул *ариец* вызывает реакции *Германия 3, Гитлер, Ганс, Шикльгрубер* и под.

Прилагательное *немецкий* имеет чрезвычайно важную высокочастотную реакцию *язык 41*, последний является неотъемлемой частью любой культуры и представителя любой нации.

Таблица 2.

Стимулы-этнонимы в «Российском ассоциативном словаре»

Примечание. Полу жирным выделены те страны, которые представлены 2-3 этнонимами.

Этноним – страна, континент, часть земного шара	Житель страны	Относительное прилагательное, мотивированное этнонимом
Австралия	-	-
Азия	-	-
-	-	Английский
Америка	-	Американский
Африка	-	-
Беларусь	-	-
-	-	Бермудский
-	-	Бразильский
Германия	Немец Ариец	Немецкий Нордический
-	-	Голландский
Евразия	-	-
Европа	-	-
-	Индеец	Индийский
Италия	-	-
-	-	Китайский
-	Негр	-
-	-	Персидский
Россия	Русский	Российский
Советский союз СССР	Советский	Совок

-	Татарин	-
-	-	Турецкий
-	-	Украинский
-	-	Финский
Франция	-	Французский
-	Цыганка	-
-	Чурек	-
Япония	-	Японский

Анализ совокупности реакций на стимул *Германия* (РАС, т. 1: 130) позволил выявить среди них следующие смысловые гнезда:

- «Страна как часть мирового сообщества» (38 R): *страна 27, государство в Центральной Европе 1, Пруссия 1, Deutschland 1, граница 1, Европа 2, Греция и Россия 1, Родина 1, Россия 1, СССР 1, Япония 1;*

- «Типовые маркеры Германии» (26 R): *города (Берлин 3, Дрезден 2), здания-символы (рейхстаг 1, стена 1), предметы-символы (BMW 1, крест 1, немецкий язык 1, пиво 1, шоколад 1), события (объединенная 2, объединилась 2, побеждена 1, побежденная 1, распалась 1, война 3, войска 1, вывод войск 1), идеология (фашизм 2);*

- «Жители Германии» (13 R): *немец 1, немцы 4, фашисты 2, бюргер 2, люди 1, Гитлер 2, Клинтман 1;*

- «Характерные черты Германии и жителей Германии» (11 R): *порядок 1, чистота 1, точность 1; прекрасная страна 1, фашистская 1, великая, всесильная 1, далекая 1, малая 1, маленькая 1, торговый партнер 1;*

- «Оценка» (8 R): *порядок 1, чистота 1, точность 1; прекрасная страна 1, фашистская 1, фашизм 2, великая, всесильная 1.*

Эти же гнезда выделяются и в совокупностях реакций, порождаемых другими этнонимами (см. табл.3).

Таблица 3. Смысловые гнезда реакций на стимулы *Германия, немец, немецкий, ариец*

Смысловые гнезда R	Стимул («РАС», т.1)			
	<i>Германия</i> (с. 130)	<i>Немец</i> (с. 130)	<i>Ариец</i> (с. 130)	<i>Немецкий</i> (с. 130)
Страна как часть мирового сообщества	<i>страна 27, государств во в Централь ной Европе 1, Пруссия 1, Deutschland 1, граница 1, Др. страны Европа 2, Греция и Россия 1, Родина 1, Россия 1, СССР 1, Япония 1</i>	<i>Из Германии 1, Германия 4, страна (Германия) 1, ГДР 1, Др. страны за граница 1, в городе 1</i>	<i>Германия 3, Др. страны восток 1</i>	
Типовые маркеры Германии	Город (<i>Берлин 3, Дрезден 2</i>), здания-символы (<i>рейхстаг 1, стена 1</i>), предметы-символы (<i>BMW 1, крест 1, немецкий язык 1</i>),	Идеология: <i>фашизм 1, Ее представит ель: Фриц 3, фашист 17, нацист 1, Националис т 1</i>	Идеология : <i>фашизм 2, Ее представит ель: Фриц 1, фашист 3, нацист 1, фашистка я тварь 1</i> События: <i>Бойня 1</i> Действия: <i>Национальн ый танец 1</i>	Язык: <i>Язык 41, словарь 1, Deutsch 1</i> Языки др. стран: <i>английски й 10, русский 3, французск ий 3, не русский 2</i> Город: <i>Город 1</i> , Предмет-

	<p><i>пиво 1, шоколад 1),</i> события <i>(объединенная 2, объединилась 2, побеждена 1, побежденная 1, распалась 1, война 3, войска 1, вывод войск 1),</i> идеология <i>(фашизм 2)</i></p>			<p>СИМВОЛ: <i>Журнал 2, костюм 1, стол 1</i> Здание: <i>церковь 1</i> События, действия и связанные с ними реалии: <i>фронт 1, солдат 1, лагерь 1,</i></p>
<p>Жители Германии и других стран</p>	<p>Жители Германии: <i>немец 1, немцы 4, фашисты 2, бюргер 2,</i> Жители вообще люди 1 Прецедентное имя: <i>Гитлер 2, Клинтман 1</i></p>	<p>Суть: <i>национальность 3, раса 2, нация 1, Ариец 2</i> Жители Германии: <i>Герр 1, Deutsch 1</i> Жители других стран: <i>русский 10, русский и полк 1, австриец 1,</i></p>	<p>Суть: <i>национальность 11, раса 2, нация 3</i> Жители Германии: <i>Немец 21, немцы 1</i> Жители других стран: <i>Африканец 1, вьетнамец 1, негры 1,</i></p>	<p>Жители других стран: <i>Турок 1</i> Прецедентное имя: <i>Гегель 1, Ремарк 1</i></p>

		<p>англичанин 1, иностранец 7</p> <p>Жители вообще</p> <p>Гражданин 1, человек 1</p> <p>ПИ: Ганс 1, Шумахер 1, Гитлер 1, Гондон 1</p>	<p>туземец 1, иностранец 3</p> <p>Жители вообще</p> <p>Человек 4. это я 1</p> <p>ПИ: Штирлиц 5, Гитлер 2, Ганс 1, Шикльгруб ер 1</p>	
<p>Характер ные черты Германи и и жителей Германи и</p>	<p>порядок 1. чистота 1, точность 1; прекрасна я страна 1, фашистск ая 1, великая 1, всесильная 1. далекая 1, малая 1, маленькая 1, торговый партнер 1</p>	<p>Внешность В каске 1, каска 1, мотоцикл 1, с автоматом 1, светлый 1</p> <p>Др. Особенност и: Аккуратны й 2, аккуратист 1, веселый 1, жесткий 1, интеллек тный 1, педант 1, пунктуальн ый 1, скупой 1, строгий 1,</p>	<p>Внешность Высокий 1, молодой 1, светло- русый 1, чистый 1</p> <p>Др. особенност и голубая кровь 1, богатый 1, веселый 1, ласковый 1</p>	

		<i>чистоплотный 1</i> Типовые действия: <i>Солдат 1, война 5, дискутирует 1, молчит 1, турист 1</i>		
Оценка	<i>порядок 1, чистота 1, точность 1; прекрасная страна 1, великая 1, всесильная 1</i>	<i>Враг 2, гад 2, ненависть 1, швайн 1, классный парень 1</i>	<i>Идеал 1, истинный 13</i>	<i>Собачий язык 1, трудный 2, Черт голову сломит 1, чужой 1</i>

Анализ смысловых подгрупп, образуемых реакциями на изучаемые стимулы, позволяет обнаружить, что смысловые блоки обладают разной наполняемостью и удельным весом (см. табл. 4). Наиболее частотные из них, вероятно, могут быть маркерами стереотипов восприятия немцев русскими людьми.

Таблица 4. Удельный вес смысловых гнезд реакций на стимулы *Германия, немец, немецкий, ариец*

Смысловые гнезда R	Стимул				
	Германия 102 R	Немец 106 R	Ариец 105 R	Немецкий 93 R	Итого
Страна как часть мирового сообщества:	38	9	4		51
Германия	31	7	3		41
	7	2	1		10

Другая страна					
Типовые маркеры:	26	22	10	70	138
Язык	-	-	-	43/18	61
Город	5	-	-	1	6
Здания-символы	2	-	-	1	3
Предметы-символы	5	-	-	4	9
Идеология	2	22	8	-	32
События, действия	12	-	2	3	17
Жители	13	36	59	3	112
Суть	9	8	16	-	33
Жители	1	2	22		25
Германии	-	20	7	1	28
Жители др. стран	3	2	5	-	10
Жители вообще	-	4	9	2	15
Прецедентное имя					
Характерные черты	11	25	8	-	44
Германии и жителей	11	5	4	-	20
Германии	-	11	4	-	15
Внешность	-	9	-	-	9
Др. черты					
Типовые действия, поведение					
Оценка	6	7	14	5	34
Другое	8	6	10	15	37

словлено не только объективными (особенности немцев как нации), но и субъективными факторами, в частности, тем, что

«для русского сознания привычно в других народах видеть достоинства, оценивать чужое как интересное, хорошее, качественное, а о себе – говорить плохо, пренебрежительно, с осуждением» [Прохоров, Стернин 2006: 118-119]. Эта тенденция у русских более сильна, чем эгоцентризм, о котором пишут другие исследователи.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М., 1974.

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000. С. 185-197.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: Коммуникативное поведение. – М., 2006.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.

Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики: Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1998. С. 66-85.

Шалак В. Стереотипы национальных характеров. // <http://www.vaal.ru>

Шалак В. Стереотипы национальных характеров – 2 // <http://www.vaal.ru>

Шалак В. Стереотипы национальных характеров - 3 // <http://www.vaal.ru>

©Попова Т.В., 2008

**А.Н. Ростова, М.Г. Чабаненко
Кемерово**

Креативный потенциал участника молодёжного общения

В статье описывается творчество «обычной» (не являющейся профессиональным писателем) языковой личности. Автор анализируемых текстов – выпускница филологического факультета Кемеровского государственного университета, скрывающаяся под именем (никнеймом) Пушистая Таня. Сфера функционирования текстов – областная молодёжная газета «Бродвей с тобой», предназначенная для общения молодых людей в форме сообщений-посланий, характеризующихся жанровым и тематическим разнообразием (приветы, поздравления, диалоги, философские эссе, поэтические и прозаические художественные тексты).

Послания Пушистой Тани представлены в виде бытовых и художественных текстов. Её творческий потенциал наиболее реализован в художественной форме. Прозаические художественные тексты являются нарративными. Наррация – это «порождающий повествовательный акт», без которого «нет повествовательного высказывания, а иногда нет и повествовательного содержания» [Жанетт 1998: 63-64]. Нарративный текст излагает подлинное (или мнимое) событие через призму его восприятия повествователем. В дискурсе Пушистой Тани событие всегда мыслится как автобиографичное, произошедшее в прошлом, т.е. представлено как элемент жизнеописания, наполненный автономным смыслом, актуальный для автора и в силу этой актуальности заслуживающий внимания адресата. «Всякий текст - если не эксплицитно, то по крайней мере имплицитно – аксиологичен, он вольно или невольно манифестирует некую систему ценностей» [Тюпа 2001: 24]. Особенностью текстов Пушистой Тани является ярко выраженная аксиологичность. Автор всегда присутствует в повествовании, его позиция ярко выражена, излагаемое событие умпостигаемо и подвержено обобщению, оценке. ... *А Лёшка...у него был такой вид...это невозможно объяснить, но я поняла, что такой мужчина, как он, полюбит меня, как родной отец. Он был прямолинеен и совсем не*

пытался понравиться. И мне с ним было так спокойно, потому что я знала, что с ним у нас никогда в жизни ничего не получится. В нём была, правда, какая-то удивительная душевность, и мне казалось, что мы ещё очень долго будем друзьями... Не могу сказать, когда именно я осталась у него жить. Мы ни о чём не договаривались, просто я спрашивала утром: «Ты что сегодня вечером делаешь?» Он говорил: «Ничего»,- и заезжал за мной после работы. ПУШИСТАЯ ТАНЯ.

Поэтические тексты Пушистой Тани написаны в традициях постмодернизма, выявляющихся прежде всего в области художественной формы: ее стихи представляют своеобразную рифмованную прозу; прозаизация стиха призвана создать эффект естественного потока речи, придать ему интонационно-смысловой ритм. Прием нанизывания слов, относящихся к предмету переживания, создает широкое ассоциативное поле, на основе которого возникают различные подтекстовые смыслы. Автор стремится передать свое сиюминутное состояние минимальными средствами обычной, повседневной речи. Сюжетная канва стихотворения внешне представлена минимальными фрагментами визуального ряда, спроецированными на внутренний мир героини. Эстетика постмодернистского минимализма призвана отразить поток сознания автора произведения. Значительное место при этом занимает игра со словом, «смакование» слова, поэт не управляет словом, а является инструментом языка. *Мальчик, я свяжу тебе свитер с длинными рукавами. Ноты не ставь на старинный пюпитр, я не играю по нотам. В сотый раз повторяю: боже, боже, какой он красивый! Ниже – тело играет дрожью (это не стыдно тоже). Я рожу тебе чудо, загадывай: Девочка или мальчик, буду, конечно, буду рядом. На расстоянии значит. Имя нанизываю по буквам На слух, на вкус, на мысль. Мальчик, любовь – это наука, Но не ума, не числа. Повод смеяться, в кого он метит. Тот, кто природой правит. Я не попутчик, но я свидетель, - Каждой твари по паре. Ты налегке, я с пудовой гирей Прошлого. Память – гений. Только не дай мне покоя в мире, Господи, дай затмений. ПУШИСТАЯ.*

Для поэтических текстов Пушистой Тани характерен ярко выраженный, зримый хронотоп. Художественное пространство представлено современным городом со всеми его составляющими – дорогами, подъездами, дворами, вокзалами, кафе, городским транспортом и т.д. Город имеет географическую локализацию – это Сибирь, место реальной жизни и Санкт-Петербург – город-мечта. С городским пространством связано циклическое время года – зима, весна, лето. Городское пространство населено детьми, животными, птицами, наполнено повседневными событиями – праздниками и буднями, случайными встречами и расставаниями, болезнями и выздоровлениями, работой и отдыхом. Городской быт составляет тот фон, на котором происходят события индивидуального значения, обнажаются чувства, раскрываются внутренние переживания героини. *Меня трясет от холода и страха, от злости. От любви, порой – от боли. Трясет. Потом – вытряхивает – махом. Есть воля силы. Нету силы воли. Есть утро. За окном трясет трамваи, кондукторов трясет, дома и солнце... Так и живу. Верней – пере-живаю. И только жду, пока все утрясется. ПУШИСТАЯ ТАНЯ.*

Стихи Пушистой Тани наполнены многочисленными аллюзиями к классическим текстам. Можно утверждать, что аллюзийная реминисценция – основной прием создания ее стихотворного текста. Ср.: *Из Сибири с любовью. Новый год теперь случается всё реже. Мой домишко занесло до самой крыши. По ночам под полом непрерывный скрежет. Даже топот. Полагаю, это мыши;0)) Дед Мороз, хотя и опытный топограф, Потерял наш городок на карте мира. Из забав у нас один кинематограф, Два кафе и пара томиков Шекспира. Целый день не вылезая из постели, Ем конфету после каждого сонета. Три кило за две неполные недели. Всё, со вторника – строжайшая диета. В понедельник я опять зайду на почту, Бросить письма и купить ещё конвертов. Знаешь, милый, это всё же как-то очень, Очень много – столько тысяч километров. Круглосуточное ожиданье чуда. Целый месяц – ни малюсенькой открытки... Оказалось, почтальон схватил простуду И лечил её, заразу, только спиртом. Так что, думаю, на днях притацит пачку Самых длинных, самых нежных в мире*

писем. Я, как водится, немножечко поплачу, Ни в одном не обнаружив точных чисел... Да, письмо моё немного веселее Той истории про девочку и спички... Оттого, наверно, что без колыбельной Засыпать – ужасно вредная привычка. ПУШИСТАЯ ТАНЕЧКА. («Ниоткуда с любовью. Надцатого мартабря»). И. Бродский; Девочка и спички – сюжет Г. Х. Андерсена). Зима. Пора тоски и спиц. Одним синицам горя мало. Сидит собака у вокзала И с грустью смотрит на синиц. Собаку отчего-то жаль, И ёлку жаль: фонарик сломан. Торчит себе у гастронома, Хотя уже почти февраль. Хурма и чай. Не просыпаться бы до мая. Неужто я не понимаю, Как глупо по тебе скучать. Неужто я... А в горле ком, И впору доставать чернила. Что за беда, опять простыла... И грею на ночь молоко. И, мёд добавив к молоку, Пишу о ёлке и собаке. И восклицательные знаки Всё реже просят в строку... ПУШИСТАЯ ТАНЯША. («Февраль. Достать чернил и плакать» Б. Пастернак).

Ключевыми образами поэзии Пушистой Тани являются образ снега и крыльев. Снег – атрибут внешнего мира, крылья – атрибут внутреннего мира героини. *Сдавайте бутылки, прошло Рождество. Никто и не помнит уже ничего. И только девчонка из детского сада Ещё веселится внутри снегопада, И только собаки от снега шалают, И только ослы ни о чём не жалеют, И только следы на снегу остаются Для тех, кто однажды захочет вернуться.* ПУШИСТАЯ ТАНЯ. Но уже набухают бутоны в той точке, где – По глаза в паутине я снова расправляю крылья. И сорвутся в оторопь сто пятьдесят сердец. ПУШИСТАЯ ТАНЯ.

Особый фонетический слух находит выражение в звукописи. *Патокой липкой стекает жара. Плавится город, измученный пухом. Снова приходят ко мне доктора Третьего глаза и среднего уха. «Либо» меняли на «ибо» и «дабы». Нечеловечески чутко учились. Рыли, как рыба, и кралась, как крабы.* ПУШИСТАЯ ТАНЯ.

Для творческой манеры Пушистой Тани характерен синтаксический параллелизм и тяготение к использованию стилистических фигур, основанных на усложнении синтаксических конструкций (ряды однородных членов,

эпитеты, сравнения, синонимическая градация, антонимическое противопоставление). ... *Короче говоря, меня соблазнили классическим способом, как это описывается в многочисленных романах, влюбились в себя, открыли запретный мир взрослой жизни, дорогих ресторанов, неприлично красивого белья, шампанского в ведёрке, его утренней щетины и боязливое возвращения домой от несуществующей подружки. Именно поэтому я так люблю раннюю весну. Я люблю растаявший снег и лужицы вокруг ботинок, когда ставишь их дома у батареи, я люблю сухие куски асфальта, какие попадают в парке среди кучек грязного снега. Я люблю, когда растёгиваешь пальто и снимаешь шапку, жмурясь от мартовского солнца.*
ПУШИСТАЯ ТАНЯ.

Обращенность к собственному внутреннему миру, стремление проанализировать и продемонстрировать свои чувства, представления о ценностях выявляются в ключевой оппозиции «люблю - не люблю». Полюс «люблю» детализован синонимом «нравится», полюс «не люблю» - синонимом «ненавижу». Доминирующее положение занимает полюс «люблю». *А ещё помню кота по имени Кузьмич. Он любил дыни. Я тоже люблю дыни. И тебя. Люблю жить. ПУШИСТАЯ ТАНЕЧКА. В полувоскресии понедельники и низкокалорийные пятницы – улыбаюсь с четвёртого этажа, выковыриваю из хлеба мякоть и кормлю воробьёв; или вызываю лифт, а потом иду пешком; или пью кефир. Это значит люблю...значит выползем...значит заснём вместе...во имя всёпобеждающих Поездов и ненавистных мне Самолётов.*
ПУШИСТАЯ ТАНЯ. Оценке с позиции «люблю» подвержены самые разные стороны жизни – времена года, еда, одежда, цветы, животные, круг занятий, мужчины, а в целом – сама жизнь. Мир не идеален и не идеализирован, он воспринимается во всей его сложности и неоднозначности и принимается таким, каков он есть. В этом заключается жизнеутверждающее начало мировосприятия Пушистой Тани.

Литература

Жанетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. – М., 1998. Т.2.

Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). – Тверь, 2001.

©Ростова А.Н., 2008

©Чабаненко М.Г., 2008

М.Э. Рут
Екатеринбург

**Факторы формирования коннотативных смыслов имени:
Екатерина и производные**

В архаической культуре имя являлось неотъемлемой частью человека. Считалось, что оно отражает истинную или желаемую сущность своего носителя, и выбор имени ориентировался на целый ряд ценностных и мировоззренческих установок. В настоящее время имя для человека тоже выбирается не случайно, а в соответствии с тем заданием, которое оно должно выполнять, например, в соответствии с христианскими догмами – отгонять от человека злые силы или же обеспечивать покровительство добрых сил; с точки зрения семейных отношений – укреплять связь между поколениями (когда сын получает имя отца и т. п.); с позиций эстетической оценки – обеспечивать благозвучное удобное произношение при обращении к носителю; в социальном аспекте – служить своеобразным мемориалом важным событиям (название сына *Юрием* в честь полета Ю. Гагарина, *Гусом* или *Хиддингом* в честь победной игры нашей сборной и т. п.; ср. также *Лагшмивара* – «Лагерь Шмидта в Арктике» и под.). Немаловажную роль при выборе имени играют и те коннотативные смыслы, которыми обрастает имя в процессе его функционирования. Факторами формирования таких коннотативных смыслов можно признать следующие:

О специфике коннотативных смыслов имени собственного говорит Е. Л. Березович: «Имя, “нагруженное”... коннотациями (*коннотативное имя*), обозначает не только исходный единичный объект, но соотносится с другими явлениями действительности и входит в лингвокультурный фонд данного этноса. С точки зрения своей семантической структуры такое имя имеет усложненную модель семантики, поскольку эта модель включает в себя своеобразный горизонтальный разворот (спектр культурных коннотаций), который иначе может быть представлен как диапазон семантического «рассеивания» имени, создающийся при расширении его смысловой базы. Это расширение может происходить как в рамках того

ономастического кода, к которому исходно принадлежит имя, так и при продвижении имени в другие ономастические или апеллятивные коды. Трансформация смысловой базы коннотативного имени свидетельствует о его особом месте в народной картине мира; такое имя нередко становится *прецедентным*, поскольку отсылает к важному для данной традиции культурному прецеденту» [Березович, 2002, 60–61].

Замечания Е. Л. Березович о способах формирования коннотативных смыслов для топонимии [Там же, 61–64] могут быть распространены и на антропонимию. Во-первых, это символизация единичного смысла без изменения исходной денотации имени (символизация имени *Иван*). Во-вторых, может происходить «самоцитирование» ономастического кода, когда имя переносится на другое лицо (например, у А. С. Пушкина: *Второй Чадаев, наш Евгений...*). В-третьих, может осуществляться переход из ономастического кода в апеллятивный (*ванька* – извозчик), что, в свою очередь, добавляет к имени определенные коннотативные смыслы.

Это перекодирование, однако, осуществляется под действием целого ряда факторов. Одним из них, несомненно, является употребление имени в текстах художественной литературы. Известно, как повлияла поэтическая баллада В. Жуковского «Светлана» на судьбу этого имени [см. Душечкина, 2004], какую популярность имени *Татьяна* придало использование его в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и т. п. Известно также, что отец космонавта Германа Титова дал своим детям имена (Герман и Земфира) в честь пушкинских героев, что французский писатель Борис Виан получил свое имя от отца – страстного поклонника драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

Открытость собственных имен для насыщения фоновой культурной информацией обуславливает их возможность не только выступать в роли одного из действенных средств организации семантического объема художественного текста, взятого в его внутренней связанности и цельности и в его внешних содержательных связях, но и быть носителями определенного образа, важного для дальнейшего развития их семантики в повседневной жизни.

Вторым важным фактором такого формирования являются прецедентные имена известных в мировой и национальной истории общественных деятелей. Имя ассоциируется с определенной исторической личностью, актуализирует в сознании читателя сведения энциклопедического характера. Возникающие при этом отыменные ассоциации разнообразны, они зависят от личного опыта личности. Так, имя *Александр* у одних вызывает необходимость сопоставления с Александром Македонским, у других – с русскими императорами или Александром Суворовым, у третьих – с Александром Розенбаумом. Однако основой отыменных ассоциаций являются единые для языковой общности в разные периоды развития прагматические коннотации, лингвострановедческая информация об известных каждому носителю языка явлениях культуры. Ср. высказывания: *Александр – имя царское, а он у тебя не царевич, чтоб так его называть* (при выборе имени ребенку); *А как зовут? О, Мария! Как Богородицу! Вот и пожалей бедняжку, подай побольше денежку* (нищий у храма); *Юрий Алексеевич? Космонавтом будешь!* (на переключке в школе).

Языковой реализацией накопленного национального опыта становятся народные паремии, включающие в себя имена собственные: пословицы, поговорки, загадки и т. п. (см. об этом, например [Двинятин, 2001]). Ср., например: *Любопытной Варваре в Москве нос оторвали; Федул губы надул; Хороша Маша, да не наша* и т. п. Употребление в них имен может быть мотивировано не только содержательно, но и формально (рифмой, паронимической аттракцией с нарицательными словами), и чисто бытийно (например, связью с конкретным днем почитания того или иного святого), однако в конечном счете факт этого употребления окрашивает имя определенными коннотациями и диктует особенности называния им и его употребления. Закрепленность имен в паремиях становится третьим важным фактором формирования его коннотаций.

Коннотативные смыслы формируются и в отантропонимических апеллятивах. Это процесс двусторонний: с одной стороны, апеллятивация имени оказывается обусловленной всеми предыдущими факторами в совокупности

или одним из них (например, номинация фасона женского платья с завышенной талией *татьянка* спровоцирована модой первых десятилетий XIX в., т. е. времени появления романа «Евгений Онегин»; значение глагола *донкихотствовать* диктуется содержанием бессмертного романа Сервантеса – ср. также название современного телешоу «Гордон-Кихот»; *толстовка* связана с фамилией Л.Н. Толстого и т. п.); с другой стороны – апеллятивы во многом определяют коннотативный фон антропонимов (ср. высказывания: *Не будем Иваном называть, будут ванькой-встанькой дразнить; Ох, Евдокия, дунька она и есть!* и т. п.).

Все перечисленные факторы «работают» на создание общего образа, подспудно сопровождающего имя и нередко «прорывающегося» в его истолкование и оценку. Немаловажную роль играет и доэтимологическое значение имени, если оно становится широко известным: в старой России знание антропонимического этимона было естественным явлением, поскольку происхождение имени комментировалось в святцах; в настоящее время много внимания этимологии личных имен уделяется и в популярной литературе. Разные факторы могут действовать «вразнобой», мешать созданию целостного образа. Например, имя *Василий* благодаря происхождению от греч. *basileus* «царственный» было любимо русскими князьями эпохи раннего русского православия и традиционно использовалось как княжеское крестильное имя, в то время как *Василий Иванович*, по свидетельству В.И. Даля, в русских говорах выступает как именование «простого чувашина» [Даль, 1, 167].

Различные коннотации закрепляются за разными формами одного и того же имени: полные формы и гипокористики дают не всегда совпадающие коннотативные смыслы. Например, имя *Анна* чаще ассоциируется либо со своим этимоном (др.-евр. «благодать»), либо с Анной Ахматовой, а гипокористика *Нюра* – с необразованностью, грубостью и т.п.

Рассмотрим формирование коннотативных смыслов имени *Екатерина* и его производных на основании каждого из охарактеризованных в первой главе факторов.

Имя *Екатерина* и его производные в художественной литературе

Наиболее значимым для формирования коннотативного смысла имени Екатерина следует признать два произведения русской литературы: это драма А.Н. Островского «Гроза» и роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Об этой значимости говорят прежде всего объективные данные – пьеса Островского изучается в школе и известна практически каждому носителю русского языка, и Катерина – ее главный персонаж; роман Л. Толстого также широко известен русскому читателю (в том числе и школьнику), до сих пор помнится его экранизация, и судьба Катюши Масловой вызывает у читателя и зрителя горячий интерес и сочувствие. Поэтому есть все основания полагать, что связь с этими двумя героинями оказывает определенное влияние на восприятие имени. Необходимо, однако, учесть, что обычно в сознании пользователя ономастикона с определенным коннотативным значением закрепляется именно та форма имени, которая наиболее частотна в произведении – в данном случае это *Катерина* (Островский) и *Катюша* (Толстой). Проведенные предварительные опросы показали, что ассоциации с героинями Толстого и Островского реально существуют в современном обыденном сознании носителей языка, и это второй аргумент в пользу значимости литературных ассоциаций для восприятия имени.

Постараемся сформулировать содержательную направленность таких ассоциаций по отношению к каждому из образов.

Катерина Кабанова в «Грозе», благодаря Н.А. Добролюбову, олицетворяется в луче, сверкнувшем в «темном царстве», ее жизнь и гибель в школьном курсе русской литературы рассматриваются как протест искренней и сильной души против давящего гнета чужой тупой власти.

Правда, можно с уверенностью сказать, что немногие образы, созданные русской литературой, вызывали столь противоречивые и полярные суждения.

Так, если критик Н.Ф. Павлов почитал Катерину «безнравственной, бесстыжей женщиной, выбежавшей ночью к

любовнику, как только муж уехал из дому», то писатель И.А. Гончаров поражен смелостью трагедии: «Увлечение нервной страстной женщины и борьба с долгом, падение, раскаяние и тяжкое искупление вины – все это исполнено живейшего драматического интереса и ведено с необычайным искусством и знанием сердца».

Хорошо известно и представление Д.И. Писарева о Катерине, который решительно отрицает какие бы то ни было «светлые стороны» этого характера и утверждает, что Катерина, «совершив множество глупостей, бросается в воду и делает таким образом, последнюю и величайшую нелепость». Что же касается Н.А. Добролюбова, то он «увлекся симпатией к характеру Катерины и принял ее личность за светлое явление».

Однако самое существенное состоит не в спорах критиков, а в самой драме, где каждый поступок героини, каждое состояние ее души, реакция, слово отмечены жизненной правдой – внутренней, психологической. Даже сурово оценивающий Катерину Д.И. Писарев признавал: «Читая «Грозу» или смотря ее на сцене, вы не разу не усомнились в том, что Катерина должна была поступать в действительности именно так, как она поступает в драме».

В любви Катерины – так же как в ее искренней вере в Бога – находим мы глубочайшее и неоспоримое психологическое оправдание всех ее поступков, реальность, истинность героини «Грозы». Цельность и непосредственность богато одаренной натуры Катерины, ее высокая нравственность, неотрывная от религиозности, ее любовь и горячность характера, слитые воедино, и образуют сложный жизненно и эстетически живой и вполне реалистический образ.

Исходя из образа Катерины у Островского, можно прогнозировать создание для имени *Екатерина*, вернее, его народного варианта *Катерина*, коннотативных смыслов искренности, чистоты, решительности, горячности.

Катюша Маслова – героиня романа Л.Н. Толстого «Воскресение» (1889–1899). Автор подчеркивает значимость именно гипокористической формы имени для нее: «Дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери-скотнице в деревне». Барышни-помещицы воспитали девочку и

сделали своей горничной: «из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем – не Катька и не Катенька, а Катюша».

Есть основания полагать, что на коннотативное содержание имени *Екатерина*, особенно его формы *Катюша* образ героини Л.Н. Толстого может оказать определенное влияние: здесь важны и портретная характеристика (глаза, как «мокрая смородина»), и душевные качества – открытость, радостное узнавание жизни (до расставания с Нехлюдовым), детская доверчивость.

Интересно, что особую судьбу образ Катюши Масловой имел в Японии, где ей посвятили печальную, трогательную песню «Катюша, родная, печально расставаться...», вошла в моду прическа «Катюша» (прямой пробор), именем Катюши называли шпильку для волос, расческу, обручальное кольцо, существовала даже гора под названием *Катюша*.

Мы ограничиваемся рассмотрением этих двух героинь русской художественной литературы, поскольку это персонажи наиболее широко известных произведений. Естественно, можно предположить, что на формирование коннотативных смыслов могли бы также оказать влияние образы Катерины Измайловой у Н. Лескова или Кати Татариновой из «Двух капитанов» В. Каверина. Отметим, однако, что особого приращения характеризующих черт эти героини не дают. Им в конечном счете присущи те же черты: решительность, открытость, страстность в любви. Вполне возможно, что сам выбор имени для героини для каждого из авторов был в той или иной степени мотивирован и ассоциациями с рассмотренными нами персонажами, хотя доказать это не представляется возможным.

Имя *Екатерина* как прецедентное

Если говорить об известных исторических личностях, носящих имя *Екатерина*, то, несомненно, речь идет прежде всего о Екатерине Великой, или Екатерине II. Русская императрица, прославившая себя как венценосная просветительница, явившая собой целую эпоху русской истории, в настоящее время очень популярна в России и особенно в Екатеринбурге, где большинство жителей именно с ней, а не с Екатериной I связывают название города. Впрочем, и

первая российская императрица россиянам тоже хорошо известна и связь с нею также не может не оказывать влияние на восприятие имени *Екатерина*.

Ср. выдержку из одной из многочисленных публикаций в Интернете, посвященной имени *Екатерина*: «В представлении большинства людей «царское» имя. Кажется, даже в его звучании заключены определенная величавость и властность. Кроме того, заметную роль играет образ выдающейся российской императрицы Екатерины Великой. Безусловно, столь яркая личность способна повлиять на характер своей более скромной тезки...».

Отметим, что в данном случае ассоциативный фон создается вокруг полного официального имени – именно *Екатерина* (а не *Катерина*, *Катя*, *Катюша*) вызывает в памяти державный образ императрицы.

Прецедентность имени *Екатерина* как имени императрицы может развивать коннотативные смыслы «величественная», «властная», «благородная», «мудрая» и т. п.

Задействованность имени *Екатерина* в народных паремиях и песнях

Отметим, что имя *Екатерина* в паремиях практически не представлено. Отмеченное у В.И. Даля *Катя-Катерина, ножка голубина* [Даль, 1, 371] выглядит дразнилкой (ср. также *Марья-Марина, ножка голубина*), малопонятно по смыслу и не часто в употреблении.

В известной степени основой для формирования коннотативных смыслов может считаться казачья песня «Чернобровая казачка подковала мне коня...», где имя *Катя-Катя-Катерина*, слышащееся «из-под топота копыт» ассоциируется с красивой молодой гордой женщиной-казачкой, встреча с которой не забывается.

Наиболее активной в формировании коннотативного фона имени *Екатерина* можно считать советскую песню «Катюша», которая стала народной несмотря на явное авторство (музыка М. Блантера, слова М. Матусовского). Образ простой девушки с ласковым именем, верно ждущей своего любимого, вносит свои коррективы в восприятие имени *Екатерина* и диктует именно такую (*Катюша*) ласкательную форму его.

Апеллятивы от имени *Екатерина* и его производных

В литературном языке от имени *Екатерина* функционируют апеллятивы *катеринка* и *катенька* в значении ‘сторублевая ассигнация (с портретом Екатерины II)’ [ССРЛЯ, 5, 870]. В говорах находим *катерин* в том же значении, а также глагол *катеринеть* ‘богатеть’ [СРНГ, 13, 127]. Конкретное лексическое значение слов и их бытийная мотивированность практически исключает возможность развития коннотаций для имени (отметим однако, что появление апеллятива, мотивированного именем императрицы, говорит о значимости ее образа для национальной культуры), тем более, что в настоящее время слова вышли из употребления ввиду исчезновения обозначаемой ими реалии.

В русских народных говорах диапазон апеллятивов, образованных от форм имени *Екатерина*, более широк, ср.: *катеринка* ‘приспособление, которым шерстобит бьет шерсть’, ‘деревянный ворот на плоту’; ‘майский жук’; ‘кукла из тряпок, сшитая в честь умершего родственника’ [СРНГ, 13, 127], *катька*, *катя* ‘кукла’, *катька* ‘рыба-подкаменщик’ [СРНГ, 13, 137]. Тем не менее, особой новой информации они не дают уже в силу большого разброса значений. Очевидно, можно говорить о малой значимости отыменных апеллятивов для формирования коннотативных смыслов имени *Екатерина*.

Доономастическое значение имени *Екатерина*

Имя традиционно возводится к греческому *katharios* ‘чистый’ и толкуется как «непорочная» [Петровский, 108]. Очевидно, именно такое доономастическое значение оказало влияние на выбор имени для героини у Островского и Толстого: в обоих случаях в произведениях подчеркивается душевная чистота героини, несмотря на те ситуации, в которые она попадает (фактическая измена мужу в «Грозе»; проституция и участие в убийстве в «Воскресении»).

Объединим предполагаемые коннотативные смыслы в таблицу:

Факторы формирования коннотативных смыслов	Конкретный материал, формирующий коннотативные смыслы	Коннотативные смыслы	Форма имени, для которой возможен данный коннотативный
--	---	----------------------	--

			смысл (смыслы)
Использование имени в литературных произведениях	Образ Катерины в драме А. Н. Островского «Гроза»	Искренняя, горячая, решительная, любящая; темные волосы, типичная русская внешность.	Катерина, Катя
	Образ Катюши Масловой в романе «Воскресение» Л. Н. Толстого	Доверчивая, мягкая, любящая; черные глаза, «как мокрая смородина»	Катюша
Прецедент – историческая личность	Екатерина II и Екатерина Первая	Величественная, мудрая, властная; гордая царственная осанка	Екатерина
Паремии, песни	Катя-Катерина, ножка голубина	–	–
	Песня о казачке	Решительная, бескорыстная, веселая, незабываемая; внешне – типичная казачка	Катя, Катерина
	«Катюша»	Мягкая, добрая, любящая, простая,	Катюша

		верная	
Отантропонимические апеллятивы	<i>Катеринка, катерин</i> ‘сторублевая ассигнация’, <i>катеринка</i> ‘приспособление, которым шерстобит бьет шерсть’, ‘деревянный ворот на плоту’; ‘майский жук’; ‘кукла из тряпок, сшитая в честь умершего родственника’, <i>катька</i> ‘рыба-подкаменщик’	—	—
	<i>катька, катя</i> ‘кукла’,	Кукла	Катя, Катька
Доономастическое значение	«непорочная»	Чистая, непорочная	Любая форма имени

Выявленные смыслы входят в некоторое противоречие с тем портретом имени, который представлен в многочисленных публикациях в Интернете, ср. (немотивированные коннотативным фоном имени черты подчеркнуты; связанные с коннотативным фоном выделены курсивом):

«Екатерина уже ребенком себе на уме. Она запаслива и чуть жадновата. Если Катенька побывала в гостях, в ее карманах обязательно по возвращении домой окажутся конфета или яблоко. В общении с Катей всегда следует учитывать ее самолюбие. Так как Катя самолюбива, она болезненно

переносит чье-то превосходство, в классе одна из лучших учениц и стремится дружить с теми, кто составляет элиту класса, пользуется силой и авторитетом. Впрочем, чаще всего она хорошо понимает добрый юмор, да и *сама не прочь пошутить* [ср. песня о казачке]. А вот если удастся поговорить с ней по душам, то вполне возможно, Вы будете искренне удивлены, открыв в ней незаметные окружающим качества.

Обладает нерешительным характером; сказанное в особенности касается «весенних» Катерин. Бравада, экстравагантность в поведении и одежде не такое уж редкое явление у Кати, особенно это проявляется в экстремальных ситуациях.

Екатерина долго не выходит замуж, хотя поклонников у нее хоть отбавляй. Свое внимание она остановит на том, кто близок ей по психологическому складу. *Тревожность* Екатерины, ее *внутреннее беспокойство* (ср. Катерина в «Грозе». – М. Р.) усиливаются по самым незначительным поводам, что может послужить причиной импульсивных, на первый взгляд, поступков. Екатерине нужен муж, который помог бы ей чувствовать себя в жизни уверенно. Екатерины *фантазерки*, у них хорошо развито воображение. Они обычно неплохо устраиваются в жизни, правда, хозяйки они далеко не образцовые. Им также не всегда удается правильно воспитывать детей. Достаточно хорошо успевают в любом виде деятельности, предпочтения в выборе профессии чему-то конкретному не отдают».

Как видно, хотя некоторая переключка данной характеристики и наших выводов налицо, в основном выделенные черты носительницы имени никак не мотивированы.

С целью выявления реального коннотативного фона имени Екатерина и его производных было проведено два психолингвистических эксперимента⁴, в которых было задействовано 19 человек. Испытуемыми были люди разного возрастного (от 18 до 50 лет) и социального (от менеджера до

⁴ Эксперименты проведены и их данные обработаны Н.П. Бубенщиковой.

руководителя компании) статуса, среди них было пять испытуемых мужского пола и четырнадцать женского пола. Были использованы две разные психодиагностические методики, такие, как метод семантического шкалирования (семантического дифференциала по Ч. Осгуду) и метод свободного ассоциативного эксперимента.

Метод семантического шкалирования оказался весьма продуктивным при анализе отдельных антропонимических единиц.

Для первого эксперимента было использовано имя *Екатерина* и его народная форма *Катерина*, а также его производные: *Катя*, *Катюша*, *Катька*. Испытуемым было предложено оценить заданное имя и его формы в соответствии со следующими объединенными в антонимические пары признаками: *большой/маленький*, *сильный/слабый*, *благородный/подлый*, *умный/глупый*, *хороший/плохой*, *добрый/злой*, *жесткий/мягкий*, *активный/пассивный*. Наличие пар, явно коррелирующих друг с другом (*благородный/подлый*, *умный/глупый*, *хороший/плохой*, *добрый/злой*, *жесткий/мягкий*, *активный/пассивный* и др.), не было случайным и послужило основой для выводов о целостности восприятия (или отсутствия такового) данного личного имени отдельным участником эксперимента.

Полученные результаты эксперимента представлены в сводной таблице:

Параметры	Количество ответов				
	Екатерина	Катерина	Катя	Катюша	Катька
Большая/ маленькая	18 1	8 11	9 1	4 15	7 12
Сильная/ слабая	16 3	11 8	8 11	7 12	15 4
Умная/ глупая	16 3	15 4	13 6	12 7	8 11
Плохая/ хорошая	7 12	7 12	5 14	2 17	15 4
Добрая/ злая	11 8	14 5	12 7	16 3	6 13

Благородная/ подлая	16 2	14 5	12 7	17 2	5 14
Жесткая/ мягкая	14 5	6 13	10 9	5 14	17 2
Активная/ пассивная	12 7	12 7	13 6	7 12	17 2

Приведенные данные весьма красноречиво подтверждают тезис о наличии у имен собственных особого прагматического (коннотативного) значения. Причем очевидно, что значения эти варьируют при переходе от одной формы имени к другой, что позволяет говорить о некоем семантическом портрете не столько антропонимической единицы, сколько отдельной антропонимической формы.

Вряд ли случайно более 70% респондентов совпали в оценке форм: *Екатерина* – большая, сильная, умная хорошая, благородная; *Катерина* – умная, добрая благородная, мягкая; *Катя* – умная, хорошая добрая, активная; *Катюша* – маленькая, слабая, умная, хорошая, мягкая, пассивная; *Катька* – маленькая, сильная, глупая, плохая, злая, подлая, жесткая, активная.

Что касается цифровых показателей внутри отдельных бинарных оппозиций, то здесь наблюдаются две ситуации:

1. Явное преобладание одного из параметров (*Екатерина* – большая 18/маленькая 1; *Катя* – умная 15/глупая 4; *Катюша* – активная 17/пассивная 2; *Катька* – жесткая 17/мягкая 2 и т.д.).

2. «Размытость» характеристик, практически полное тождество (*Екатерина* – добрая 11/злая 8; *Катерина* – большая 8/маленькая 11; *Катя* – жесткая 10/мягкая 9 и т.д.)

Первая ситуация более частотна, что может свидетельствовать о наличии в сознании реципиентов общих стереотипов в восприятии той или иной формы личного имени *Екатерина*.

Наличие же второй ситуации свидетельствует о том, что знакомое всем имя *Екатерина* и его формы в сознании каждого отдельного человека может иметь и индивидуально специфические коннотативные характеристики и смыслы.

Вторым выбранным нами типом эксперимента стал свободный ассоциативный эксперимент, теоретической основой которого является концепция ассоциативного поля, разработанная Дж. Дизом.

В нашем случае стимулами послужили имена *Екатерина*, *Катерина*, *Катя*, *Катюша*, *Катька*, которые предъявляются для получения ассоциативных реакций.

Той же группе испытуемых было предложено по пять секунд на каждое слово-стимул; они должны были дать первые пришедшие им в голову ассоциации, не обдумывая свой выбор.

Рабочая гипотеза данного эксперимента может быть сформулирована следующим образом: разные формы одного и того же имени имеют разный коннотативный фон, о чем свидетельствуют различные ассоциативные поля предложенных имен-стимулов.

Результаты эксперимента выглядят следующим образом

Слово – стимул <i>Екатерина</i>	
Великая – 12 человек	Уверенная – 1 человек
Императрица – 7 человек	Правительница – 1 человек
Сильная – 3 человека	Премудрая – 1 человек
Властная – 2 человека	Государство – 1 человек
Первая – 2 человека	Мама – 1 человек
Власть – 2 человека	Королева – 1 человек
Царица – 1 человек	Вторая – 1 человек
Официальность – 1 человек	Учительница первая моя – 1 человек
Благородство – 1 человек	Взрослая жесткая женщина – 1 человек
Красота – 1 человек	
Смелая – 1 человек	
Жестокая – 1 человек	
Слово-стимул <i>Катерина</i>	
Героиня «Розы» – 4 человека	Своенравная – 1 человек
«Луч света в темном царстве» – 4 человека	Упрямая – 1 человек
Умная – 1 человек	Живая – 1 человек
Интересная – 1 человек	Соседка – 1 человек
Подруга – 1 человек	Неполное слово – 1 человек

Строгая девушка – 1 человек
Коллега – 1 человек
Независимая – 1 человек
Воробей – 1 человек
Слабая – 1 человек
Безвольная – 1 человек
Слово-стимул **Катя**
Кукла – 9 человек
Подруга – 3 человека
Строгая – 1 человек
Строгость – 1 человек
Забавная – 1 человек
Сдержанная – 1 человек
Надежная – 1 человек
Простая – 1 человек
Ум – 1 человек
Умная – 1 человек
Слово-стимул **Катюша**
Добрая – 5 человек
Мягкая – 3 человека
Военная машина – 3 человека
Боевая машина – 2 человека
Нежная – 2 человека
Миномет – 2 человека
Маленькая девочка – 2 человека
Милая – 1 человек
Хорошая – 1 человек
Заботливая – 1 человек
Слово-стимул **Катька**
Смешная – 3 человека
Веселая девочка – 2 человека
Девка – 2 человека

Загадочная – 1 человек
Хит – 1 человек
Женщина средних лет,
которая коня на скаку
остановит в избу горячую
войдет – 1 человек
Кошка – 1 человек
Смелая – 1 человек
Вася – 1 человек
Одноклассница – 1 человек
5 лет – 1 человек
Моя сестра – 1 человек
Персонаж из прошлого – 1 человек
Нежность – 1 человек
Доброта – 1 человек
Честность – 1 человек
Маленькая – 1 человек
Умиление – 1 человек
Лучшая подруга – 1 человек
Маслова – 1 человек
Система залпового огня – 1 человек
Машина – 1 человек
Война – 1 человек
Смерть – 1 человек
Лучшая подруга – 2 человека
Симпатичная – 1 человек
Отчаянность – 1 человек
Несерьезная – 1 человек

Обыкновенная – 1
человек
Кукла – 1 человек
Игра – 1 человек
Заигрывание – 1 человек
Пацанка – 1 человек
Хулиганка – 1 человек
Двор – 1 человек
Пиво – 1 человек
Пацаны – 1 человек
Маленькая – 1 человек
Рыжая – 1 человек
Искренняя – 1 человек
Сорвиголова – 1 человек
Хитрая – 1 человек
Болтушка – 1 человек
Сестра – 1 человек
Себе на уме – 1 человек
Раскованная – 1 человек
Незначительная – 1
человек
Стервозная девчонка – 1
человек

Нетрудно заметить, что для полного имени *Екатерина* преобладающими оказываются реакции, связанные с семантикой власти: *великая, сильная, императрица, уверенная, правительница, премудрая, государство, царица, королева, власть*; для формы *Катерина* наиболее активны ассоциации с драмой А. Н. Островского (*героиня «Грозы», «Луч света в темном царстве»*); для формы *Катя* велик разброс семантики слов-реакций, но выделяется реакция, связанная с апеллятивом *кукла*; остальные реакции индивидуальны и связаны, очевидно, с конкретными носительницами данного имени; для формы *Катюша* превалируют реакции, связанные с ракетной установкой (*военная машина, боевая машина, система залпового огня, миномет, машина, война, смерть*), и противопоставленные им ассоциации, развивающие образ, обусловленный формой имени (*добрая, мягкая, милая, хорошая, заботливая, нежность, доброта, честность, маленькая, умиление, маленькая девочка*); наконец, для формы *Катька* несмотря на кажущийся разброс ассоциаций, практически все они складываются в единый образ легкомысленной девчонки: *смешная, веселая, симпатичная, отчаянность, несерьезная, незначительная, стержовная девчонка, обыкновенная, игра, заигрывание, вредная девчонка, веселая девчонка, девка, пацанка, хулиганка, маленькая, рыжая, искренняя, сорвиголова, хитрая, болтушка, себе на уме, раскованная, двор, пиво, пацаны*.

Результаты экспериментов показывают, что имя *Екатерина* и его формы существуют в сознании носителей русского ономастикона как вполне значимые в коннотативном плане единицы и что предложенные нами факторы формирования этих смыслов вполне адекватны экспериментальному материалу. Коннотации полной формой имени целиком обусловлены отсылкой к прецеденту – русской императрице, для формы *Катерина* превалирует литературный прототип, для формы *Катюша* главной оказывается отапеллятивная ассоциация, для формы *Катька* особое значение приобретает формальный фактор (наличие уменьшительно-пренебрежительного суффикса), что касается наиболее нейтральной формы *Катя*, то

она фактически не имеет определенных коннотативных смыслов, кроме отапеллятивного «кукла».

Литература

Березович Е. Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. – М., 2002. № 6. С. 60–71.

Двинятин Ф. Н. Пословичный Фома // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф., Москва, 30 января–2 февраля 2001 г. Часть 2. – М., 2001. С. 143–145.

Душечкина Е. В. Имя дочери «вождя всех народов» // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 100–107.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1994.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л., 1969–. Вып. 1–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М., Л., 1948–1965.

©Рут М.Э., 2008

К.Ф. Седов
Саратов

**Функциональный базис речи в структуре сознания
(к 80-летию со дня рождения И.Н.Горелова)**

Одной из центральных проблем современной психолингвистики была и остается проблема языкового сознания, под которым обычно понимают «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000 26]. «Сознание, – справедливо отмечает М.М. Бахтин, – слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива (...). Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность» [Бахтин 2004: 69]. Отсюда логично вытекает вопрос о природе его знакового наполнения, о соотношении в нем вербальных и невербальных форм.

Попытки разграничения знакового содержания сознания приводят психологов к выделению в его структуре бытийного и рефлексивного уровней (В.П. Зинченко), разграничению понятий когнитивное и языковое сознание (П.Я. Гальперин). С этим же отчасти связано предположение Н.И. Жинкина о реализации человеческого мышления в двух противостоящих динамических звеньях – предметно-изобразительном и речеводвигательном коде. Однако при таком подходе остается непроясненным механизм перехода от бытийных, когнитивных структур сознания к материалу национального языка. Попыткой перебросить «мостик» от образных, невербальных знаковых компонентов сознания к уровню сознания языкового можно считать идею И.А. Стернина [2001] о существовании коммуникативного сознания, в объем которого входят и знаки языка и невербальные компоненты общения.

Ответ на вопрос о структуре сознания человека дает концепция функционального базиса речи, созданная

талантливым психолингвистом «первой волны» Ильей Наумовичем Гореловым. Суть теории, если говорить коротко, заключается в том, что в нашем сознании существует и активно «работает» некое семиотическое образование, невербальный код, который состоит из телесно-вокально-изобразительных знаковых компонентов. Именно это образование и есть функциональный базис речи. Многочисленные экспериментальные исследования позволили И.Н. Горелову сделать важные выводы, некоторые из которых мы процитируем.

1. «Наблюдаются многочисленные случаи формального владения речью, при котором ребенок подражательно оперирует словами и словосочетаниями – с «пустыми», неадекватными и приблизительно усвоенными значениями. Это же явление наблюдается и в речи взрослых. Оно объясняется стихийным характером овладения речью. В таких случаях овладение формой речи опережает овладение содержанием» [Горелов 2003: 31-32].

2. «...интеллект порождает речь, а не речь интеллект» [там же: 32].

3. «Умственные действия, включая и обучение языку, должны осуществляться на базе доязыковой информативной системы» [там же].

4. «Указанная система занимает, по-видимому, промежуточный уровень между первосигнальной и второсигнальной системами» [там же: 33].

В эксплицитном виде невербальное системно-кодовое образование, о котором пишет Горелов, появляется у ребенка до того, как он овладевает национальным языком. Еще раз отметим, что код этот имеет несловесную природу и образует нечто вроде мостика между интеллектом человека и его языком. Знаковым материалом этой коммуникативной системы становятся невербальные компоненты: жесты, мимика, несловесные вокализации, интонация речи и др. Последующие исследования речевого онтогенеза полностью подтверждают правоту гипотезы Ильи Наумовича (подробнее см.: [Седов 2008]).

По убеждению ученого, функциональный базис первичен не только в онтогенезе, но и в филогенетическом развитии языка. Иными словами, прежде чем человек обрел звучащую речь, он в качестве способа общения использовал «озвученную пантомиму». Косвенным подтверждением последнего утверждения стали результаты экспериментов по обучению высших приматов коммуникативному поведению. Опыты эти были проведены в 60-70-х гг. 20-го столетия американскими зоопсихологами (супругами Р. и Б. Гарднерами, Р. Футсом, Д. Примаком и др.) (см.: [Зорина, Смирнова 2006]). Ученым удалось научить обезьян использовать в коммуникативной деятельности жестовый язык глухонемых. Знаменитая на весь мир шимпанзе по имени Ушо, комбинируя усвоенные знаки, строила предложения, адресованные своим воспитателям, при помощи знаков она, подобно детям-дошкольникам, создавала новые слова и т.д. Исследования зоопсихологов позволяют сделать важные теоретические выводы. Они меняют расхожие представления о формировании средств коммуникации у наших предков. Подтверждая справедливость теории Ильи Наумовича, данные зоопсихологии возвращают нас к жестовой гипотезе происхождения языка, так поспешно сданную в архив советским языковедением (подробнее см.: [Якушин 1985: 128]).

Другой, еще более глубокий, вывод, который позволяют сделать наблюдения за коммуникативным поведением приматов и который хорошо объясняется с позиции теории И.Н. Горелова, касается природы мышления человека. Успехи приматов, которые при помощи невербальных компонентов общались с людьми и между собой, позволяют говорить о том, что прежде, чем человек овладел умением совершать формально-логические операции, он создал древнюю систему обработки информации, которая отражает особенности архаического магического пра-логического мышления. И это мышление не исчезло вместе с достижениями цивилизации, а осталось в нас как неотъемлемый, базовый слой нашего сознания. Тот самый слой, который, по мнению Ильи Наумовича, непосредственно связан с функциональным базисом речи.

Присутствие механизмов этого архаического способа познания мира в сознании современных людей в полной мере

подтверждают исследования нейролингвистов (см.: [Балонов, Деглин 1976; Седов 2007; Черниговская, Деглин 1986]). По их данным в психике человека сосуществуют две системы обработки поступающей к нам на уровне восприятия информации. Более поздний – основан на принципах формально-логических операций; именно он лежит в основе современного научного познания. Это тип мышления, который в психологии принято называть вербально-логическим. Местом локализации мозговых процессов этого слоя сознания человека, по преимуществу, является левое полушарие переднего мозга. Однако наряду с этим поздним приобретением эволюции в мозге человека «работает» другой, не менее важный для понимания природы его психики, механизм; он составляет древний слой пралогического сознания и мышления. Это способ обработки информации, который формировался в течение миллионов лет, и которым буквально пронизаны все проявления человеческой культуры, будь то искусство, религия, бытовые представления и предрассудки или языковая система. Главное, что отличает знаковый материал правополушарной системы – это мотивированность его элементов. Иными словами форма и содержание, означаемое и означающее в протоязыковой коммуникативной системе связаны и взаимообусловлены.

Идея И.Н. Горелова о функциональном базисе речи хорошо согласуется с концептуальными построениями Н.И. Жинкина, и прежде всего с его гипотезой существования в сознании человека особого языка интеллекта – универсального предметного кода (УПК), который «может быть охарактеризован некоторыми общими чертами. Во-первых, это код непроизносимый, в нем отсутствуют материальные признаки слов натурального языка. Здесь нет последовательности знаков, а есть изображения, которые могут образовать цепь или какую-то группировку. Этот код отличается от всех других тем, что обозначаемое других языков в этом новом коде является вместе с тем и знаком. (...) Такой предметный код представляет собой *универсальный язык*, с которого возможны переводы на все другие языки» [Жинкин 1998: 35-36].

Итак, УПК – это особая система, знаки которой суть иконические образования, возникающие в сознании человека по

мере формирования его социального опыта. В самом элементарном выражении они представляют собой образы предметов. В ходе формирования личности человека они способны усложняться, образуя систему понятий, схем, моделей, фреймов. В совокупности они составляют то, что в последнее время получило название концептов. Но как взаимодействует глубинный (концептуальный) и поверхностный (языковой) слои нашего сознания. Используя метафору М.М. Бахтина, скажем, что приводными ремнями между этими двумя знаковыми системами, между первичной и вторичной сигнальными системами (по И.П. Павлову) становится гореловский функциональный базис речи.

Эта знаковая система первична не только в фило- и онтогенезе; она начинает работать первой при запуске механизма порождения высказывания. Именно в пределах ее возможностей (в правом полушарии мозга человека) начинает формироваться первичная запись замысла, именно в ее знаковом материале начинает совершаться мысль. Как показали эксперименты Ильи Наумовича, в ходе порождения речи первичным материалом выражения выступают невербальные компоненты коммуникации. «В процессе же формирования высказывания, – пишет Горелов, – «вербальная часть сообщения накладывается на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации» [1980: 81].

Невербальный базис, эта первичная форма существования мысли, появляется в языковом сознании ребенка задолго до овладения им языком как лексико-грамматической системой. Его появление в сознании взрослых связано с интериоризацией паралингвистической системы коммуникативных средств, при помощи которых ребенок первые два года главным образом объясняется с окружающими его людьми. «Мы считаем, – писал Горелов, – что протоязыковая система коммуникации занимает промежуточное положение между 1-й сигнальной системой (ощущения, восприятия) и той «чрезвычайной прибавкой» (как ее называл И.П. Павлов), какой является 2-я сигнальная система, т.е. любой из национальных языков. Поскольку функционирование зрелой человеческой психики

характеризуется взаимодействием развитых систем мышления (УПК + УПСК [универсальный предметно-схемный код – К.С.]) и языковых средств выражения, то основы таких зрелых систем образуют УПК и протоязык. Они-то в их совокупности и взаимодействии составляют то, что мы называем функциональным базисом речи. В конкретном онтогенезе может действовать бедный УПК, могут порождаться убогие тексты. Но филогенетические достижения в целом поразительны, являя и гениальные литературы, и гениальные невербальные творения – музыку, скульптуру, балет, живопись. Есть обоснованное мнение: самые крупные научные результаты возникают в процессе параллельного – интуитивно-образного и рационального постижения сущности. А корни такого параллелизма закладываются еще в раннем онтогенезе» [Горелов 2003: 106-107].

Концепция И.Н. Горелова существенно меняет контуры фундаментальной теории современной психолингвистики. Она ставит под сомнение многие положения лингвистики, которые обрели статус аксиом. Например, положение о немотивированности фонетической формы языкового знака. Да, левым своим полушарием, опираясь на возможности фонематического восприятия, мы различаем слова в речевом потоке. Но древние механизмы нашего сознания, из правого (безъязыкого) полушария на бессознательном уровне включают механизмы фоносемантики, заставляя нас искать звуковые соответствия между формой и содержанием. Остроумные эксперименты, разработанные Ильей Наумовичем, убедительно показывают реальное существование потребности в такой гармонии между звуком и смыслами, которая существует в сознании человека (см.: [Горелов, Седов 2008: 15-20]).

Теория функционального базиса, кроме сугубо теоретического, имеет и прикладное значение; ее понимание позволяет в полной мере осознать роль невербальных компонентов в коммуникативном взаимодействии людей. Сейчас мы наблюдаем своего рода моду на невербальную семиотику. За последнее десятилетие появилось много содержательных лингвистических и психологических трудов, посвященных этой теме (см., например: [Крейдлин 2002,

Лабунская 1999]). Но раскрытие основных секретов, главных пружин общения без слов все ж таки принадлежит Горелову. Именно он экспериментально доказал, что первичность попыток невербального воплощения высказывания, которая затрагивает самые ранние уровни коммуникативного намерения, позволяют избобличать скрытые намерения говорящего. Вторая, не менее важная мысль заключается в том, что на бессознательном уровне адресат общения испытывает воздействие невербальных компонентов собеседника. Приведенные положения отнюдь не тривиальны: их осознанное использование в построении коммуникации способно сделать общение более эффективным и результативным.

Идеи И.Н. Горелова получают новое подтверждение в работах современных жанроведов, усилия которых направлены на создание дискурсно-жанровая концепции речеведения, которая имеет и психолингвистический аспект. Теория речевых жанров на нынешнем этапе своего существования превратилась в самостоятельную научную область, которая, вторгаясь во многие сферы языкознания, сама проверяет их на теоретическую дееспособность (см., например: [Антология речевых жанров 2007]). В значительной степени это обусловлено универсальной природой жанров речи, представляющих в виде лингвистического феномена, в котором соединяются языковые средства общения и социально значимые формы социального взаимодействия людей. По мере развития отечественной генристики в сознании ученых-гуманитариев все прочнее укрепляется мысль о том, что область науки о языке, изучающая речевые жанры, не должна ограничивать свои задачи созданием эмпирической «морфологии жанров общения». Взгляд через «призму речевого жанра» позволяет прояснить не только многие сущностные свойства речевой коммуникации, но и углубить наши знания о природе сознания человека, о характере соотношения речи и мышления. Достижения жанроведения начинают проникать в психолингвистику, уточняя многие положения теории речевой деятельности, подвергая коррекции ее многие базовые аксиомы.

Одним из краеугольных камней отечественной общей психолингвистики выступает концепция порождения речи.

Практически все авторитетные модели формирования высказывания выглядят как процесс перехода мысли в слово (текст), который осуществляется в виде чередующихся стадий. Изучение речевого мышления в свете теории речевых жанров позволяет сделать акцент на простых, но методологически чрезвычайно важных положениях: нет и не может быть одной и единственной модели порождения речи; речевая жизнь «пользователей» языком столь же многообразна, сколь многообразно социальное бытие, а потому различные ситуации общения, разные стили и жанры речи предполагают неодинаковые способы разворачивания мысли в дискурс. Отличия в целях и задачах коммуникации, с одной стороны, в индивидуальном речевом опыте и речевой компетенции, – с другой, требуют от говорящего изменений в стратегиях речевого поведения и речевой деятельности. Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы.

Важно понимать, что жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которые говорящий / пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом в ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения (следующей после появления мотива речи) происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию (болтовни или разговора по душам, комплимента или ссоры, светского общения или публичного выступления и т. д.), ту или иную модальность общения (конфликтную, центрированную, кооперативную). Именно на этом этапе у говорящего появляется – пока еще смутная – общая цель (интенция, иллокуция) высказывания (см.: [Горелов, Седов 2008]).

Установка на конкретный речевой жанр возникает на самых первичных стадиях формирования речи; она влияет на выбор модели речепорождения: характер образования смысловой программы будущего высказывания, способ перекодировки во

внутренней речи и т.п. Воздействие речевых жанров проявляется не только в разворачивании высказывания. Жанровая составляющая общения в не меньшей степени предопределяет особенности смыслового восприятия речи. Все это позволяет говорить о жанровом мышлении как составляющей мышления речевого и о жанровой компетенции как компонента компетенции коммуникативной.

В сознании человека фреймы речевых жанров образуют пространство, которое располагается между глубинными слоями концептосферы и поверхностным уровнем языкового сознания. И в этом случае речевые жанры не только выполняют роль «приводных ремней от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165], но и приводных ремней между социальным опытом человека и его языковой компетенцией. Жанровый слой сознания человека имеет, если так можно выразиться, диффузный характер. В той его области, которая граничит с глубинными пластами концептосферы, он еще не имеет форм языкового выражения, образуя систему фреймов ситуативных жанров. Верхний уровень жанрового сознания содержит фреймы речевых жанров, где уже появляется представления о вербальном оформлении типических ситуаций социального взаимодействия людей. В нижней своей части жанровое сознание включает в себя то, что И.Н. Горелов называет функциональным базисом речи. Он представляет собой некое семиотическое образование, невербальный код, который состоит из телесно-вокально-изобразительных знаковых компонентов. В эксплицитном виде это невербальное системно-кодовое образование появляется у ребенка до того, как он овладевает национальным языком. Еще раз отметим, что код этот имеет несловесную природу и образует нечто вроде мостика между интеллектом человека и его языком. Знаковым материалом этой коммуникативной системы становятся невербальные компоненты: жесты, мимика, несловесные вокализации, интонация речи и др.

Функциональный базис речи выступает важной составляющей речежанрового мышления: он запускает механизм порождения речи, проявляя себя на уровне

формирования у говорящего коммуникативного намерения. Именно в его знаковом материале начинает формироваться замысел высказывания, в котором на первых порах отсутствуют знаки национального языка. Только после этого во внутренней речи происходит перекодировка, перевод содержания с невербального языка на язык жанровых стереотипов.

Идеи, высказанные И.Н. Гореловым в семидесятые годы прошлого века, сейчас как бы обретают новое рождение. Обращение к теоретическим построениям ученого открывает новые перспективы в исследовании центральных проблем психолингвистики.

Литература

Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация /Под ред. К.Ф. Седова.. – М., 2007.

Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. – Л., 1976.

Бахтин М.М. Марксизм и философия языка // *Общая психолингвистика: Хрестоматия.* – М., 2004.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах.* – М., 1996. Т.5.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М., 1980.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М., 2003.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. [6-е пер. и доп. изд.] – М., 2008.

Жанры речи. – Саратов, 1997-2007. – Вып. 1-5.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.

Жинкин Н.И. Язык — речь — творчество. – М., 1998.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М., 2002.

Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д, 1999.

Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика. – М., 2007.

Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика. 2008.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. – М., 2007а.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Семантика пространства и пространство семантики. Труды по знаковым системам. Вып. 19. – Тарту. 1986.

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. – М., 1985.

©Седов К.Ф., 2008

Д.Р. Шарафутдинов
Екатеринбург

**Динамика функциональной значимости русского
литературного языка и русских территориальных диалектов
в XX веке: социально-психологический аспект**

В социально-коммуникативном пространстве современной России в целом положение русского литературного языка представляется несопоставимо более стабильным, устойчивым, прочным, нежели положение русских территориальных диалектов. В современном российском обществе территориальные диалекты русского языка фактически не используются в сферах официального, социально ответственного общения, им отводится роль средства повседневного обиходно-бытового устно-разговорного общения в сельской местности. Более того, многие междиалектные различия и сами диалекты постепенно нивелируются, в частности, под влиянием все усиливающих свои социальные позиции литературного языка, общего и молодежного жаргонов, отчасти – городского просторечия. Можно утверждать, что в течение уже продолжительного времени диалекты уступают позиции в коммуникативном

пространстве России своим наддиалектным «конкурентам». В массовом сознании городского населения России (а значит – большинства наших сограждан) со временем сложилось стереотипное аксиологическое – преимущественно иронически-снихождительное – отношение к территориальным диалектам и к самим диалектоносителям.

Обсуждаемое положение дел сложилось преимущественно в советскую эпоху, хотя некоторые предпосылки к этому возникли еще в дореволюционное время. Столетие назад, в начале двадцатого века, соотношение социального положения русского литературного языка и русских диалектов в Российской империи было совершенно иным – в известном смысле противоположным нынешнему. Страна была преимущественно аграрной. Основной (в социальном плане) слой общества составляли крестьяне, являвшиеся диалектоносителями. Процент носителей литературного языка был сравнительно невелик: преимущественно это были представители аристократии, дворянской и разночинной интеллигенции, духовенства. Огромная часть русскоговорящего населения империи не владела системой литературных норм в полной мере (в особенности, в плане продуктивной речевой деятельности). В этих условиях на фоне весьма стабильного, прочного социального положения диалектов социальные позиции литературного языка были довольно скромными.

Ситуация «перевернулась» буквально за несколько десятилетий. Радикальному изменению социального соотношения литературного языка и диалектов в России в двадцатом веке способствовали, на наш взгляд, три генеральных фактора:

1. Интенсивный процесс урбанизации, быстрый рост городов и, соответственно, численности городского населения на фоне неуклонного уменьшения численности населения сельского. Массовый отток населения из сельской местности в города был обусловлен в разное время различными факторами, среди них: целенаправленно проводимая советским руководством политика индустриализации, мощное заводское строительство, обеспечившее в дальнейшем промышленный подъем, - эта индустриальная политика требовала

соответствующего кадрового обеспечения; значительные расхождения в уровне и качестве жизни, в доступе к возможностям социального роста в крупных городах и на селе; введение паспортов для сельских жителей и др. Очевидно, что в аспекте рассматриваемого противопоставления «литературный язык – территориальные диалекты» внутренняя миграция населения, обеспечивающая урбанизацию, усиливает социальные позиции именно литературного языка, поскольку город – место бытования прежде всего литературного языка (а также городского просторечия и социолектов); территориальные диалекты распространены в основном в сельской местности.

Оказавшись в условиях города, диалектоноситель (в особенности молодой), как правило, стремится всячески избавиться от диалектных особенностей в своей речи, «убежать» от родного говора, старается говорить иначе, «по-городскому». Со временем многие вполне успешно овладевают системой литературных норм, в других случаях общение осуществляется при помощи разного рода гибридных нелитературных идиомов, формирующихся в результате взаимодействия городского просторечия, общего и групповых жаргонов, разговорно-литературного языка.

Фактически речь идет о динамике сравнительной характеристики литературного языка и диалектов по признаку «демографическая обеспеченность (демографическая мощность) идиомов» в рассматриваемый период: демографически неравновесная – в пользу диалектов – ситуация начала двадцатого века через пять-шесть десятилетий сменилась ситуацией, демографически также неравновесной, но уже с доминированием литературного языка.

2. Бурное развитие средств массовой коммуникации – печатных и электронных СМИ, книгопечатания, кинематографа и др. В России средства массовой коммуникации используют преимущественно (а в советское время, пожалуй, исключительно) литературный язык. В отличие от социолектов, территориальные диалекты в данной коммуникативной сфере не применяются вообще (речь не идет о ситуации отражения общения с диалектоносителем или имитации диалектной речи в

произведениях художественной литературы, театра, кинематографа).

3. Программа ликвидации неграмотности («ликбез»), целенаправленно и планомерно осуществленная советским руководством в 20-30-е годы (по данным переписи, проведенной в Российской империи в 1897 г., грамотные составляли менее трети – 28,4% - населения в возрасте от 9 до 49 лет), развитие системы образования, введение принципа обязательности среднего образования.

Рассматриваемые обстоятельства способствовали не только радикальному изменению социального положения литературного языка и диалектов. У значительной части нашего общества, ставшего в двадцатом веке преимущественно «городским», сформировалось специфическое оценочное, как правило, иронически-снихождительное отношение к территориальным диалектам и их носителям. В массовом «городском» сознании диалектоносец в той или иной степени ассоциируется с архаичностью, провинциальностью, отсталостью, «непродвинутой». Диалектная речь или диалектные приметы в речи индивида нередко используются авторами разнообразных произведений для создания комического эффекта.

Думается, что все это – отчасти наследие советской эпохи, следствие той специфической ситуации в советском обществе, при которой лозунг о стирании грани между городом и деревней на деле обернулся своей противоположностью, превратившись в один из ключевых компонентов социальной мифологии. Социально-экономические условия и демографические характеристики «деревни», как правило, резко отличались (и продолжают отличаться) от соответствующих показателей городской, в особенности столичной, жизни. Многовековые российские традиции сверхцентрализации всех сторон жизни общества, традиции «возвышения центра» весьма ярко и крайне неоднозначно проявились именно в советское время. Вполне логично, что основным коммуникативным инструментом официального центра в управлении огромным и «многодиалектным» континуумом должна быть принципиально наддиалектная форма существования языка – койне или

литературный язык. В связи с этим для развития коммуникативного пространства советского общества характерна тенденция к неуклонному расширению состава общественных функций и сфер использования русского литературного языка – во многом за счет ослабления социального положения русских территориальных диалектов. Феномены истории российского – советского общества получили системное отражение в социальной истории русского языка.

Социальная история, например, немецкого языка складывалась принципиально иначе. Затянувшаяся на многие столетия феодальная и полуфеодальная раздробленность германских земель, длительное сосуществование большого числа отдельных и самостоятельных немецких государств – королевств, герцогств, княжеств, отсутствие общего центра, относительно позднее формирование единой Германской империи (1871 г.) и др. исторические факторы способствовали консервации сильной диалектной дробности и глубоких междиалектных различий в немецком языке. В настоящее время диалекты немецкого языка в социальном отношении чрезвычайно самостоятельны, активно используются населением, в том числе городским, соответствующих территорий в различных коммуникативных сферах, включая ситуации социально ответственного, культурно значимого общения; в Германии существует традиция создания и издания литературы на диалектах и т.д. Говорить на своем диалекте (естественно, в условиях определенного региона) не зазорно и «официальным лицам» – чиновникам, политическим и общественным деятелям. В общем, социальный авторитет диалектов немецкого языка в Германии достаточно высок и, уж во всяком случае, несопоставимо выше соответствующей характеристики диалектов русского языка в России. По-видимому, отчасти это обусловлено гораздо более равномерным, сбалансированным социально-экономическим развитием Германии, основывающемся на принципах подлинного федерализма (отсюда – отсутствие там столь характерной для жизни российского общества остроты оппозиций города и деревни, центра и периферии).

В свете сказанного теоретически важным представляется следующий момент. Изучение языковой ситуации определенного региона (страны) предусматривает сопоставительное рассмотрение составляющих данную языковую ситуацию идиомов – как отдельных и самостоятельных языков, так и форм существования одного языка – в аспекте целой серии социолингвистических категорий, специфическое место среди которых занимает **социальный престиж идиома**. Данная характеристика отражает устойчивую сознательную сравнительную оценку индивидом и обществом в целом культурной престижности используемых в этом обществе идиомов. Речь идет об аксиологическом сравнении сосуществующих в коммуникативном пространстве конкретного социума идиомов по шкале «возвышенное – обыденное». Обсуждаемое сравнение в определенной степени коррелирует с оппозицией сфер официального, социально ответственного и неофициального, обиходно-бытового общения. Признак «социальный престиж идиома» тесно связан с понятием литературной нормы, но все же является особой, самостоятельной характеристикой (см. об этом, в частности, работы Л.П. Крысина). Будучи изначально социально-психологической и социокультурной, данная характеристика обладает несомненной психолингвистической и социолингвистической значимостью.

Представляется очевидным, что в условиях современной России в оценке огромного большинства населения социальный престиж русского литературного языка несоизмеримо выше, чем социальный престиж русских территориальных диалектов, что, как следствие, сказывается и на социальном положении – весьма неравном – рассматриваемых идиомов. Фактически мы имеем дело с проявлениями вполне определенного социального стереотипа – устойчивого обобщенного оценочного представления, сформировавшегося в массовом сознании большинства носителей русского языка и русской «урбанистической» культуры в советское время. Думается, что в этом – одно из важнейших психолингвистически и социолингвистически значимых последствий драматических событий истории России в двадцатом веке.

©Шарафутдинов Д.Р., 2008

Лингвистика креатива (информационное сообщение)

Кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета в 2008 г. была организована Всероссийская научная конференция с международным участием «Лингвистика креатива» при поддержке гранта РГНФ (проект №08-04-18030-е).

В конференции приняли очное и заочное участие ученые из разных регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Белгорода, Брянска, Воронежа, Кемерово, Кирова, Нижнего Новгорода, Нижнего Тагила, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Орла, Перми, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Твери, Тюмени, Челябинска, Шадринска, Ярославля, а также ближнего и дальнего зарубежья: Луганска, Одессы (Украина), Минска (Белоруссия), США (штат Колумбия).

В рамках конференции было проведено 4 пленарных заседания. В представленных пленарных докладах (всего 21) нашли отражение все основные направления заявленной проблематики:

- **основные формы и механизмы лингвокреативной деятельности** (в том числе **лингвистики игры**) обсуждались в докладах И.Т.Вепревой («Креатив креатива: употребление слова «креатив» в русском языке»), представившей обзор существующих в наивном языковом сознании и в прагматически ориентированных профессиональных сферах определений и оценок слова «креатив»; О.А.Михайловой («Сравнение как языковое творчество»), рассмотревшей экспрессивно-оценочный потенциал нетрадиционных, нестандартных сравнений и обозначившей их основные виды в современной печатной прессе; Е.Н. Ремчуковой («Креативные аспекты русской грамматики»), где была представлена авторская концепция проявления креативной функции языка на грамматическом уровне; П.А.Леканта («Связка *быть* в свете ее вариативных синтаксических функций»), показавшего сложное соотношение грамматической и лексической семантики в речевой коммуникации. В особую группу можно выделить доклады, в которых были заявлены этнолингвистические и

лингвокультурологические аспекты исследования разных форм креативной деятельности говорящих: Е.Л. Березович дала развернутый анализ «ткаческой» метафоры, репрезентирующей качества речи в славянских языках («Текстильная (ткаческая) метафора языка в славянской традиции»); Н.И. Коновалова охарактеризовала специфику моделирования суггестивного эффекта в жанре заговора («Творческие стратегии табуирования и эвфемизации в русских заговорах»);

- **языковой игре и ее функциям** в реализации коммуникативных намерений говорящих были посвящен доклад Н.А.Купиной, Л.П.Быкова («Языковая игра как средство преобразования идеологических смыслов»), в котором в качестве единицы операционной единицы игры рассматривается идеологема, оказавшаяся в нестандартной речевой среде (на материале произведений поэтов разных поколений убедительно доказано, что репертуар функций языковой игры не ограничивается комической, проявляя «эмпирический срез актуальных умонастроений и идеологических исканий»); в докладе Н.А.Кузьминой («Креативный потенциал книжной формы: современная книга стихов») на материале произведений поэтессы В.Павловой были рассмотрены креативные возможности самой книжной формы в синергетическом ключе, показано, что современная книга в этом смысле «все чаще представляет собой многосоставный, монтажный текст, гипертекст, преодолевающий традиционную линейность рецепции».

- **креативная языковая личность и проблемы «диагностики» креативности** были предметом обсуждения в целом ряде пленарных докладов: Б.М. Гаспарова, который показал личность ученого и интерпретацию его концепции языка в неканоническом ключе («Неканонический Ф. де Соссюр»); М.Э.Рут («Субъект образной номинации и его лингвокреативный потенциал»), предложившей вниманию участников конференции результаты экспериментальной диагностики способности респондентов разных категорий к созданию образных номинативных единиц; Е.Н.Бекасовой («Шкала креативности древнерусского книжника»),

рассмотревшей языковые предпочтения книжника эпохи средневековья в свете проблемы генетической основы русского литературного языка; проявлению индивидуально-личностного начала в сфере художественного творчества были посвящены доклады А.В.Кубасова («Творческое моделирование антропонимов в повести А.П.Чехова «Степь»»), показавшем глубинные аллюзивные «проекции» авторского художественного замысла в системе имен героев произведения; М.Ю. Мухина («Автор художественного текста в количественном измерении»), обосновавшем объяснительную силу статистических процедур анализа художественного текста при определении особенностей идиостиля писателя; В.В.Химич («Живь и мертвь странного слова С.Кржижановского»), проанализировавшей парадоксальную эксцентрику писательского слова как проявление художественно оправданной языковой игры;

- **детская речь как проявление лингвокреативной деятельности** стала предметом обсуждения в двух пленарных докладах: Т.А. Гридиной, где была обозначена ретроспектива и перспектива развития речевой креативности от спонтанного «языкового остроумия» ребенка до проявления осознанной интенции к языковой игре («Языковой инстинкт ребенка: к истокам речевой креативности»); С.Н. Цейтлин, в котором была представлена авторская концепция освоения языка в онтогенезе как творческой переработки речевого инпута, позволяющего ребенку самостоятельно выстраивать (конструировать) систему языка в своем сознании («Конструирование ментальной грамматики при освоении (acquisition) русского языка как первого и как второго: на примере овладения глагольным видом»);

- **современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности (в разных формах игрового дискурса)** нашла отражение в докладах Т.В.Шмелевой («Русский *рэп* как пространство языкового креатива»), показавшей специфику порождения текстов *рэп*-культуры; О.С. Иссерс, которая охарактеризовала новые жанрово-игровые формы позиционирования товаров и услуг в условиях

«перенасыщения» рынка рекламной продукцией («*Жанровые метаморфозы* отстройки от конкурентов»); Н.Б. Руженцевой, которая обратилась к проблеме формирования профессиональной компетенции специалистов в области рекламных текстов («От стилистики и литературного редактирования к креативным решениям: к проблеме подготовки копирайтеров»); анализу современного политического дискурса были посвящены доклады Л.Г. Бабенко («Оценочный фактор в «драматургии» современного политического дискурса») и А.П. Чудинова («Политическая метафора в начале XXI века»).

Все перечисленные направления нашли отражение и в работе четырех круглых столов:

Круглый стол «Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности»

Выступили с докладами для обсуждения 8 человек. К обсуждению также привлекались материалы, представленные в виде стендовых докладов (19 докладов). Основными аспектами рассмотрения современной языковой ситуации в русле заявленной тематики явились следующие:

- **лингвокреативная деятельность носителей современного русского языка в свете проблемы различения осознанной игры и непреднамеренной «ошибки»:** языковая игра в интернет-сленге (доклады Е.В.Дзюбы «Языковой креатифф в Рунете»; А.В.Снигирева «Албанский язык русского Интернета: креатив или деструктив»; в рекламе (доклад Е.В.Соболевой «Алогизмы в рекламе: прием выразительности vs ошибка»; доклад А.А. Данильцева, Л.Н.Синельниковой «Слоган как результат лингвокреативной деятельности»); интерес вызвал доклад В.Д.Черняк «Лакуны в лексиконе и тезаурусе как потенциальный источник комического», предметом рассмотрения в котором стали «непреднамеренные шутки» в плане их квалификации как проявления разного уровня культурной и речевой компетенции говорящего (допускающего ошибку) и адресата, рефлекслирующего над отклонением от нормы;

- **современное состояние смеховой культуры:** проблема разрушения традиционного «смехового пространства» как ценностной категории народной ментальности; «смех ради смеха», «смех-не творчество», «анти-смех» как тенденция времени (доклад И.М. Волчковой); в свете данной проблемы обсуждался, в частности, манипулятивный характер языковой игры на базе прецедентных феноменов в рекламных текстах (стендовый доклад Ф.Г. Самигулиной);

- **лингвокреативный потенциал оценочной модальности синтаксических структур** был предметом рассмотрения в докладах Т.В.Гоголиной («Коммуникемы со значением неуверенности/несогласия как проявление лингвокреативной деятельности говорящего»), Л.С.Чечулиной («Оценочный потенциал двусоставных предложений с атрибутивным сказуемым в свете лингвокреативной деятельности»), Ю.Н. Михайловой «Эстетические свойства разговорного теста как проявление лингвокреативной деятельности говорящего».

- **лингвокреативная составляющая образовательного процесса в вузе и школе** стала предметом обсуждения в докладе К.М. Левитана «Особенности современной языковой ситуации в сфере образования», остро поставившего проблему регламентации все более распространяющегося псевдонаучного «терминотворчества», включая иноязычные заимствования, использование которых становится самоцелью и мешает продуктивному общению (взаимопониманию, взаимодействию) участников образовательного процесса. Предметом для обсуждения лингвокреативной составляющей образовательного процесса стала также проблематика, заявленная в докладе М.А.Булавиной («Категория адресатности в учебно-научном дискурсе в аспекте речетворчества» и в докладе А.И.Дунева, С.Э.Боровицкой «Отношения коммуникативной интенции к функции грамматических единиц в свете лингвокреативной деятельности».

- **проблема успешности /неуспешности профессиональной коммуникации** в зависимости от

креативности стратегий корпоративного общения была поставлена в докладах Г.В.Макович («Лингвокреативность в корпоративной коммуникации как технологический прием влияния на целевую аудиторию») и Э.А.Лазаревой «Структурные свойства профессиональной речи».

Круглый стол «Детская речь»

С докладами выступили 5 человек. Для обсуждения были также привлечены материалы стендовых докладов (13 докладов).

Заседание открыло выступление С.Н.Цейтлин с докладом «**Онтолингвистика**» как наука и учебная дисциплина», в котором были охарактеризованы существующие на сегодняшний день главные научные парадигмы изучения речевого онтогенеза (лингвистическая и психолингвистическая), очерчен круг основных проблем изучения детской речи, обоснована необходимость введения данного курса в практику вузовского преподавания. Задача выявления специфики динамических функциональных систем языка, складывающихся в сознании ребенка и сменяющих друг друга на разных этапах онтогенеза, была обозначена в докладе как перспектива изучения детской речи в свете проблемы индивидуальных и типичных стратегий усвоения языка.

В остальных докладах в рамках темы данного круглого стола были поставлены и обсуждены следующие проблемы изучения речи ребенка:

- **ребенок в диалоге со взрослым** - проблема, затронутая в докладе В.В.Казаковской «Креативность ребенка vs толерантность взрослого», где анализу подвергаются реакции взрослых на ошибочную речевую продукцию ребенка раннего возраста, рассматриваемые в свете корреляций между различными типами грамматических ошибок ребенка и особенностями речеповеденческой тактики взрослого, в том числе степени его толерантности по отношению к неправильному;

- **специфика формирования и организации детского лексикона** (доклады М.Л.Кусовой «Особенности номинации в речи детей старшего дошкольного возраста и младших

школьников» и С.В.Плотниковой «О роли перцептивных признаков в организации лексикона ребенка»);

- **формы лингвокреативной деятельности ребенка** были предметом анализа в ряде докладов: Т.И.Калужникова проанализировала специфику детского игрового монолога (обычно рассматриваемого в контексте эгоцентрической речи ребенка) как специфический синкретичный жанр, в котором объединены слово, музыка, движения тела, мимика, жесты, что способствует развитию креативных свойств личности ребенка, «всякий раз по-новому проигрывающего типовые ситуации, сюжеты, отношения»; в стендовом докладе О.А. Шишкаревой «Инновации детской речи как проявление языковой игры» рассматриваются факты детского речетворчества; проблеме порождения и восприятия детьми поэтических (и других) текстов, а также ранним проявлениям интертекстуальности в речевой деятельности ребенка посвящены обсужденные на круглом столе стендовые доклады И.А. Аввакумовой («Функции цитаты в детской речи»), И.И.Артамоновой («Философия детского поэтического творчества»), О.И.Колесниковой («Интерпретация окказионального смысла поэтического факта младшими школьниками»), Е.А.Костылевой («Понимание текста ребенком как активный процесс»); Т.А. Кругляковой («Модификация стихотворного текста детьми трех-шести лет»); Е.Н. Тамакуловой («Детская речь в процессе становления лингвокреативного мышления»);

- **грамматические аспекты языковой способности** охарактеризованы в докладах Я.В. Завадской («Способы выражения побуждения в ранней детской речи в возрасте до двух лет»); Н.В.Ионовой («Функционально-семантические типы вопросительных предложений в детской речи»), О.В. Лукина («Части речи «детского» языка: к постановке проблемы») и др.

Круглый стол «Формы и механизмы лингвокреативной деятельности» был посвящен обсуждению **способов окказионального словообразования** в современной практике речевой коммуникации (доклады Т.В.Поповой «Русские графодериваты в современном языковом сознании», Д.Р. Шарафутдинова «Продуктивный синтез как механизм

лингвокреативной деятельности», Н.Н.Щербаковой «Взаимодействие морфемной и семантической деривации в процессе языковой игры»); к обсуждению привлекались также материалы стендовых докладов, содержание которых связано с **анализом разных сфер и форм проявления лингвокреативной деятельности: художественного творчества** (М.Л.Новикова «Креативный потенциал остраннения как инварианта языковой поэтической образности»; Р.Л. Смулаковская «Лимерик как результат лингвокреативной деятельности»; Е.В.Тумакова «Современное литературное творчество: поэтика креатива»); **межкультурной коммуникации и перевода** (А.Б.Бушев, Д.А.Гусаров, Е.В.Шустрова); особый интерес вызвало обсуждение статьи заочного участника конференции Б.Ю.Нормана «Еще раз о семантизации формальных связей между словами», в которой отмечается тенденция к появлению семантических «новаций», спровоцированных формальным сходством слова с другими словами в случае диффузности связи между планом содержания и планом выражения знака; **техника языковой игры** (каламбура, трансформации фразеологизмов, парадоксальной деривации и т.п.) была проанализирована также в стендовых докладах Д.Б.Рязанцевой, Г.А. Авдеевой, Г.М.Шипициной и др.

Круглый стол «Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте»

Выступили с докладами 6 человек. К заочному обсуждению были представлены 30 стендовых докладов.

В разных аспектах были охарактеризованы **типы языковых личностей:**

- **личность диалектоносителя** в свете специфики языковой ментальности (К.И.Демидова. «Особенности стереотипов восприятия действительности и их репрезентация в частных диалектных системах уральских говоров», Т.А.Злыденная. «Ключевые смыслы концепта *труд* в сознании диалектоносителя»: по данным психолингвистического эксперимента», Т.А.Зуева. «Специфика эталонных устойчивых сравнений в аспекте национального мировидения», Н.А.Воробьева «Семантизация сакральной информации носителями литературного языка и говоров»);

- **креативный потенциал языковой личности писателя** (стендовые доклады В.В.Горбань «Креативный потенциал колористической лексики в поэзии М.Волошина»; О.И.Коуровой «Креативность русских поэтов-романтиков в создании перифраз», С.В.Черновой «Покойствовать и одиночествовать... : на материале рассказов Б.Пильняка»);

- **историческая языковая личность** (доклады Е.И.Ивановой «Языковая игра как элемент эпистолярного стиля П.А.Демидова»; Ю.С.Паули «Анафорическая доминанта как реализация творческих способностей языковой личности: на материале философского идиостиля Н.А.Бердяева»);

- **личность компьютерного пользователя** (стендовый доклад Е.И. Головановой «Креативная языковая личность в Интернет-коммуникации»);

- **личность носителя молодежной субкультуры** (доклад А.Ю. Ларионовой «Общее название человека/ совокупности людей в студенческих граффити: особенности функционирования»); кроме того, рассматривался блок проблем, связанных с изучением языковой личности как психосоциального феномена (доклад Л.Б. Никитиной «Сколько частей у человека разумного: из опыта когнитивно-семантического исследования языкового образа homo sapiens»; Н.А.Фоминой «Изучение лингвистических и психологических характеристик языковой личности» и др.).

При подведении итогов конференции в решении было отмечено, что есть все основания для выделения нового специального направления в современной парадигме лингвистических исследований: креативной лингвистики, или лингвистики креатива, предметом которой должно стать комплексное описание всех видов лингвокреативной деятельности, ее форм, механизмов, связанных с реализацией креативной функции языка, а также типов личности homo creans (человека творящего).

*Т.А.Гридина, д.ф.н., проф.,
зав.кафедрой общего языкознания и русского языка
Уральского государственного педагогического университета*

Сведения об авторах

Бекасова Елена Николаевна, к.ф.н., доц., декан филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

Гридина Татьяна Александровна, д.ф.н., проф., зав.кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Доброва Галина Радмировна, д.ф.н., проф. кафедры детской речи Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург).

Злыденная Татьяна Александровна, ст.преп. кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Коновалова Надежда Ильинична, д.ф.н., проф. кафедры общего языкознания и русского языка, декан факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кусова Маргарита Львовна, д.ф.н., проф., зав.кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах института педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Лазарева Элла Александровна, д.ф.н., проф. кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций Уральской государственной архитектурно-художественной академии (Екатеринбург).

Минюрова Светлана Алигарьевна, к.псих.н., проф., зав.кафедрой психологии развития, декан факультета психологии Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Плотникова Светлана Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах института педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Попова Татьяна Витальевна, д.ф.н., проф., зав.кафедрой русского языка Уральского государственного технического университета УГТУ-УПИ (Екатеринбург).

Ростова Алевтина Николаевна, д.ф.н., проф., зав.кафедрой русского языка Кемеровского государственного университета (Кемерово).

Рут Мария Эдуардовна, д.ф.н., проф., зав.кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Рябова Евгения Владимировна, к.ф.н., ст.преп. кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Седов Константин Федорович, д.ф.н., проф. Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского (Саратов).

Чабаненко Марина Геннадьевна, ст.преп. кафедры русского языка Кемеровского государственного университета (Кемерово).

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович, к.ф.н., доц. кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Информация для авторов

В ежегодном периодическом научном издании «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности» публикуются материалы по следующим направлениям:

- Проблемы изучения языкового сознания
- Онтогенез речевой деятельности
- Проблемы речепорождения и речевосприятия
- Когнитивные и психолингвистические основания анализа текста и дискурса (рекламного, художественного, фольклорного и др.)
- Творческая активность говорящих.

Редакция принимает к рассмотрению материалы, соответствующие содержанию указанных направлений, и оставляет за собой право отправить рукописи на независимую экспертизу

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Просим представлять статьи в следующем виде:

1. Электронный вариант на дискете или во вложенном файле по электронной почте в формате Word или RTF.
2. Формат страницы – А4, кегль 14 Times New Roman, объем до 40 000 знаков, включая пробелы. Страницы не нумеруются.
3. Образец ссылки на источники и оформление литературы см. по тексту сборника.

К тексту статьи просим приложить следующие материалы:

- ✓ Ф.И.О. автора, телефон, почтовый адрес, E-mail, факс.
- ✓ Ученая степень и звание, место работы, должность.

Материалы просим присылать по адресу:

620017, Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра общего языкознания и русского языка (ауд.281), проф. Гридиной Татьяне Александровне.

Тел.: (343)235-76-64

E-mail: sakralist@mail.ru

Оглавление

Бекасова Е.Н. Феномен первого лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени по данным лингвистического эксперимента	3
Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Ономаσιологическая структура слова в свете показаний языкового сознания ...	13
Доброва Г.Р. К вопросу о понимании семантики лексемы – и об умении сформулировать дефиницию (на материале освоения детьми терминов родства	25
Злыденная Т.А. Ассоциативный потенциал ключевых слов, репрезентирующих концепт «Труд» (по данным психолингвистического эксперимента)	38
Кусова М.Л. Развитие языковой личности младшего школьника в процессе филологического образования	44
Лазарева Э.А., Рябова Е.В. Когнитивное взаимодействие как конституирующий признак Интернет-дискурса	53
Минюрова С.А. Психологические характеристики речевой тревожности иностранных студентов	62
Плотникова С.В. Экспериментальное исследование процессов номинации у детей дошкольного возраста	70
Попова Т.В. Немцы и Германия: национальные стереотипы русских	79
Ростова А.Н., Чабаненко М.Г. Креативный потенциал участника молодёжного общения	97
Рут М.Э. Факторы формирования коннотативных смыслов имени: <i>Екатерина</i> и производные	102
Седов К.Ф. Функциональный базис речи в структуре сознания (к 80-летию со дня рождения И.Н.Горелова)	119
Шарафутдинов Д.Р. Динамика функциональной значимости русского литературного языка и русских территориальных диалектов в XX веке: социально-	

психологический аспект	129
<i>Лингвистика креатива</i> (информационное сообщение) ...	135
<i>Сведения об авторах</i>	144
<i>Информация для авторов</i>	146